

АЛТАЙ

6

1952

АЛТАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
А Л Ь М А Н А Х
АЛТАЙСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 6

АЛТАЙСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Барнаул 1952 г.

ВНИМАНИЕ

ВНИМАНИЕ

ВНИМАНИЕ

Электронная библиотека АКУНБ, eLIB.altlib.ru

МАРК ЮДАЛЕВИЧ

НАМ НУЖЕН МИР

ВЕРНИТЕ СВОИХ СЫНОВЕЙ

Я встретил незваного гостя,
Когда он стремился к Москве.
В то время он череп и кости
На сером носил рукаве:

Я видел чумные повадки:
Он грабил, пытал, убивал,
Он даже по детской кроватке
Смертельный огонь открывал.

Он русскую девушку Зою
Замучил в пеньковой петле,
Но месть поднималась грозною
На нашей священной земле.

Под Курском нашёл он могилу,
Кричал перед смертью, стняя:
— Будь проклята тёмная сила,
За то, что меня породила,
За то, что вскормила меня!

Я думал — его уже нету,
Я думал — навеки исчез.
Но вот открываю газету
И вижу: он бродит по свету
Знакомый ефрейтор эс-эс.

Его я узнал по повадке:
Он грабит, насилует, жжёт,
Стреляет по детской кроватке
И девушку в петлю ведёт.
Да, он!
Он идёт по Корее,
По горло в корейской крови...
Мне хочется крикнуть:
— Скорее
Верни его, останови!

Верни зачумлённого сына, —
Мне хочется крикнуть сильнее:
— Вы слышите за морем синим,
Все матери этих парней?
Вы слышите? — Правде суровой
Хоть раз загляните в глаза,
Да так материнское слово
Сумейте о мире сказать,
Чтоб дрогнули на Уолл-стрите,
Чтоб замер роскошный Бродвей...
Мне хочется крикнуть: — Верните!
Верните своих сыновей!

Верните, пока над могилой
Они не кричали, стена:
— Будь проклята тёмная сила
За то, что меня породила,
За то, что вскормила меня.

ПО ЗАКОНАМ ДОЛЛАРА

Подвал... Всё, всё напоминает,
Что здесь владенье паука,
И шерсть, которая свисает
Паучьей нитью с потолка,

И шелковистые шерстинки,
Которые, как паутинки,
Плывут, плывут, плывут вокруг,
И лица — в лицах ни кровинки,
Как будто кровь сосёт паука.

Здесь ткут ковры... Нигде на свете
Такого чуда не соткут.

Там соловьи, там солнце светит
И розы дивные цветут.

И пери смотрит ясным взглядом,
Нежна, стройна, как кипарис.
Такой воспел её Саади,
Такой любил её Гафис.

Но есть народная примета
(Так видно повелел аллах) —
Чем больше солнца на коврах,
Тем меньше солнца, меньше света,
Темней у мастеров в глазах.

Верна примета! Оттого-то
Считают, что ковёр готов,
Когда ослепнут за работой
Пять-шесть ковровых мастеров.

Но вот он выткан. Для кого же?
В Иране, здесь, давным-давно
Бедняк обходится рогожей,
У богачей ковров полно.

Но гостем званым иль незваным
К иранским древним берегам
Примчался из-за океана
Сам дядя Сам.

Он осмотрел ковёр преlestный.
И пери хочется обнять,
И розу дивную сорвать,
И соловья послушать песни.
И он сказал: — О кэй, чудесно!
За сколько можете продать?

Дороговато, но красиво.
Он вынул чек: — Пусть будет так.
Жена давно уже просила
Ковёр для комнатных собак.

И вот ковёр за океаном.
Теперь ясна судьба ковра,
Но где-то в древнем Тегеране
Аллаха ради подаянья
Слепые просят мастера.

СЛУЧАЙ С МИСТЕРОМ КЭЕМ

Гладью Мексиканского залива

Яхта серебристая скользит.

Мистер Кэй на палубе:

— Красиво!

Мистер Кэй доволен:

— Чудный вид!

Что-то ищет он в своих карманах,

Хочется курить и нет сигар.

Мистер подзывает капитана,

Тот протягивает портсигар.

— О, чудесно! Но постой-ка, парень,

Что я вижу, дай-ка мне сюда.

Бережно хранится в портсигаре

Красная солдатская звезда.

~~— Дай сюда! Не можешь?~~ — Кэй
смеётся.

Вдруг я захочу её купить?

Что? Подарена? Не продаётся?

Мистер знает: так не может быть.

Всё купил он: титулы, патенты,

Всё, что скрыто, всё, что на виду.

Бога и жену, и президента,

А не то, что эту вот звезду.

Доллар — вот оружие джентльмена,

Бьёт без промаха и наповал.

И уже не маленькую цену

Мистер Кэй за звёздочку назвал

— Не продашь?

Темнеет шея бычья,

Мистер Кэй не любит отступать.

Он кричит, сигарой в воздух тыча:

— Десять тысяч!

Мало — двадцать тысяч!

Мало двадцать, —

Хочешь двадцать пять?

Капитана просит он, как друга,

Он грозит, как лютому врагу,

Но ответ на ласку и на ругань

Всё один и тот же:

— Не могу!

С ним свести совсем нетрудно счёты,

Мог бы мистер Кэй — миллиардер

На года лишить его работы,

Сдать на растерзанье ФБР.

Мог бы он... Да разве в этом дело?

Парню будешь пальцы вырывать,
Печь железом раскалённо белым,
Линчевать, —
Только ясно: ни за что на свете
Этот парень не отдаст звезду...
Поздний вечер. Мистер в кабинете.
Он не спит, предчувствуя беду.
Кэй не спит, угрюмый и зловещий,
Он сегодня будет много пить.
Да, на свете есть такие вещи,
Что ни сжечь, ни спрятать, ни купить.

Электронная библиотека АКУНБ, efb.altlib.ru

Ник. ДВОРЦОВ

МЫ ЖИВЕМ НА АЛТАЕ

Повесть

У КАЖДОГО СВОЕ

В одной руке у Фёдора Ивановича совковая лопата, другой он берёт из круга глину, мнёт её — глина большими червями ползёт между пальцев. Серые, засученные выше колен штаны и синяя рубашка на заведующем овцефермой забрызганы. Брызги напоминают большие веснушки. Ноги тоже в глине — точно в коричневых чулках.

— Середину, середину промешивай!.. Чего топчешь на одном месте! — говорит Фёдор Иванович сынишке, а сам подвёртывает круг — поддевает с краёв лопатой глину и бросает её под ноги гнедухе.

Боря изо всех сил тянет левый повод, босыми ногами сердито хлопает по ребристым бокам гнедухи. Лошадь упрямится. Надоело ей с самого утра кружиться, да и старые ноги тяжело вытаскивать из вязкого месива. Хочется побродить по лугу, около речки, или, уткнув тяжёлую голову в колоду, вздремнуть в прохладной конюшне.

Невесёлое настроение и у мальчика. Сидеть с самого обеда на костлявой спине полусонной гнедухи оказалось совсем не интересно. Может, в иное время было бы ничего... Вот, если бы разогнать лошадь во-всю по дороге, да чтобы товарищи увидели — тогда да... А то еле-еле плетётся... И зачем только он, Борька, заскочил домой. Не попадись на глаза отцу, пришедшему обедать, гулял бы теперь с товарищами за рекой, собирал бы смородину да чернику. Хотя он вчера смородины так наелся, что и теперь вспоминать о

ней тошно, а зубы скрипят от оскомины. А захотел — пошёл бы рыбачить... Рыбы тоже за лето половил немало. А вот Валерка определённо затеял что-то интересное. Чудной он! Водиться с ним никак нельзя. То дома сидит и никуда его не утянешь — читает да рисует цветными карандашами, а то вдруг ни с того, ни с сего разойдётся — удержу нет. Того и гляди, влетит из-за него. Это он на прошлой неделе придумал привязать Иванову Полкану за хвост старый котелок. Вот была потеха! После дядя Василий здорово допытывался, чьих рук это дело.

Сегодня, когда Боря с отцом шли на ферму, Валерка как изпод земли вынырнул. Он дёрнул Борю за подол рубашки, дескать, задержись: дело секретное есть. Почувствовав на себе укоряющий взгляд Фёдора Ивановича, Валерка спохватился, бойко крикнул:

— Здравствуйте, дядя Федя!

— То-то, орёл! Забываешься? — строго сказал заведующий фермой, пряча в усы улыбку.

Когда Фёдор Иванович скрылся в переулок, Валерка драчливым петушком подступил к товарищу.

— Хочешь узнать великую тайну? Говори сразу!

От неожиданного вопроса Боря растерялся, молча смотрел на узкое лобастое лицо товарища. Обычно бледное, оно теперь играло румянцем, а большие серые глаза возбуждённо блестели. Валерка выхватил из-за пазухи конверт из белой плотной бумаги.

— Читай! Да не хватай, из моих рук читай!

— «Совершенно секретно. Вскрыть ровно в 18.00, то есть в 6 часов вечера». Что это? — нетерпеливо спросил Боря.

— Великая тайна. Хочешь знать?

— А чего спрашиваешь? — обиделся Боря.

— Если распечатаешь не во-время, дружить не стану, да вот этого ещё получишь, — Валерка сунул под нос товарищу крепко сжатый кулак и только после этого отдал конверт.

Теперь, поминутно ёрзая на спине гнедухи, Боря думал о Валеркиной великой тайне. И чем ниже опускалось солнце, тем спокойнее становился мальчик. Искоса поглядывая на отца, Боря всё более убеждался в том, что отпрашиваться у него бесполезно — он сегодня не в духе. Это чувствуется и по его разговору, и по тому, как сошлись над переносьем седые лохматые брови и как закурил он нижнюю губу. Верные признаки... Боря даже знает причину расстройства отца.

— Ты, Борька, крутишься юлой, а за лошадьё не глядишь — совсем встала.

Мальчишка, клонясь назад, сердито дёрнул опущенные повода:

— А куда торопиться? Всё равно мазать некому?

Фёдор Иванович сам знал, что мазать кошару некому. Ещё больше хмурясь, он молча набрал в корзину мякины, растряс её

ровным слоем по кругу, потом сказал не то сыну, не то самому себе:

— Нынче приготовим, а завтра, может, мазать начнём.

— Добрый день!

Фёдор Иванович оглянулся и сразу повеселел. На лёгких дрогах сидел Виктор Сергеевич Кондрашов, парторг колхоза. Одна нога у него неподвижно вытянута на кошме, а другая свисла с дрога, чуть касаясь хромовым сапогом пыльного придорожного коктопа. Сухощавое лицо парторга спокойно, глаза смотрят умно и пытливо. Оставив корзину, Фёдор Иванович радостно протянул парторгу руку, но, заметив, что она в глине, смущённо опустил.

— Ничего. — Парторг поймал широкую, сильную ладонь заведующего фермой, затем шутливо обратился к Боре: — Не задремли, а то свалишься. Хотя и не больно будет, но позорно для такого парня.

Загорелое лицо Бори расплылось в довольной улыбке. Он хотел сказать, что ни за что не упадёт. Если даже вскачь помчится, и то не упадёт, но парторг уже повернулся к Фёдору Ивановичу и о чём-то серьёзно заговорил. Мальчик, не зная что делать, начал усиленно тормозить лошадь, а сам думал о Викторе Сергеевиче. Совсем он не похож на других. Другие не замечают ребят, вроде сами никогда маленькими не были. А Виктор Сергеевич не такой. Он то расскажет что-нибудь интересное, то возьмётся расспрашивать. Весёлый. И всё знает. Ему бы учителем быть, вместо Ираиды Александровны. Та только строжиться умеет.

Чёрные круглые глаза Бори ласково взглянули на парторга. Мальчик прислушался к разговору.

— Виктор Сергеевич, до каких же пор мы будем шарахаться из стороны в сторону? — Лицо заведующего фермой стало суровым, лохматые брови опять сошлись у переносья.

На недоуменный взгляд парторга Фёдор Иванович ответил:

— Забрал у меня Григорий Данилович Аниську с Матрёной. Что хочешь теперь, то и делай. Я, конечно, понимаю, что уборка самое важное, но и остальное забывать нельзя. Работы у меня по ферме уйма. И всё надо сделать засухо, не дожидаясь холодов и слякоти. Глину вот с Борькой месим, а ведь она засохнуть может.

Виктор Сергеевич, перехватив в другую руку вожжи и чуть покачиваясь, шуря вдаль устремлённые глаза, задумался. И вдруг тепло и подкупающе улыбнулся:

— Прав ты, Фёдор Иванович, согласен с тобой. Много у нас ещё недостатков. Сейчас иначе надо вести хозяйство, а главное, мало у нас ещё чуткости ко всему новому, передовому. — Замолив, парторг опустил голову, но через секунду опять вскинул её. — Знаешь, что на Волге делается?

— Как же, внимательно слежу. Небывалые дела...

— Стройки коммунизма! Всей страной, всем народом создаются они. Мы ведь, Фёдор Иванович, тоже не стоим в стороне. Думаешь, артельный хлеб, мясо, шерсть с твоих овец не идут для строек коммунизма? Идут. И надо всего больше. Эх, если бы наш колхоз покрупнее был!

— Да, — согласился заведующий овцефермой, — в большом хозяйстве свободней разворачиваться.

— Пойми, Фёдор Иванович, само время требует от нас трудиться производительней. Об этом каждый должен подумать. Не велики, скажем, доходы от твоей фермы. А как их повысить? Ты подумал?

Фёдор Иванович, потупясь, чуть обиженно заметил:

— Зоотехника у нас нет, а я — что, хоть и подумаю — всё равно ни к чему не приду.

— Прибедняешься, — засмеялся Виктор Сергеевич и засунул под кошму руку. — Почитай вот, а вернусь из района — побеседуем.

Взяв у парторга тонкую книжечку, Фёдор Иванович признался:

— Об этом давно думаю. Нынче же прочту.

Он поставил ногу на ступицу, достал из кармана кисет.

— К Аркадию Николаевичу, поди, едешь?

— Ну да, в райком партии...

— Заглядывал он ко мне третьего дня, — не без гордости сказал Фёдор Иванович, — осмотрел всё, к отаре съездил. Кажется, доволен остался. Душевный он человек. Кланяйся ему от меня.

— Обязательно, — закуривая папиросу, пообещал Виктор Сергеевич. — А насчёт людей я поговорю с Григорием Данилычем. Два человека судьбы уборки не решают. Да, собственно говоря, она уже решена. Тоня Кошелева показала, как надо работать на комбайне. Первое место в районе заняла.

Он вдруг взглянул на часы и заторопился. Крепко пожав руку Фёдору Ивановичу, парторг приветливо кивнул Боре и тронул вожжи. Дроги мягко покатались. Фёдор Иванович неотрывно смотрел в чуть сутуленную, обтянутую кителем спину парторга. А когда дроги поднялись уже на увал, он неожиданно спохватился. Сорвался с места, замахал рукой с зажатой книжкой.

— Ви-и-икто-о-р Сергееви-и-ч! Не слышит. Досада какая!

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА

Уехал Виктор Сергеевич, и опять стало тягостно и скучно. Солнце, казалось, выбилось из сил брести неоглядными степными просторами и вот, наконец, начало тонуть в кудрявом березняке за рекой.

Боря хмуро и нетерпеливо следил за каждым движением отца.

Пробуя глину на пальцах, Фёдор Иванович медленно прошёл по кругу, стараясь скрыть улыбку, но мальчик догадался о ней по тому, как под козырьком картуза разгладились бугристые складки на лбу, а лохматые брови заняли своё обычное место.

— Прямо сметана получилась. Хватит, сынок, выезжай.

Боря обрадовался. Он давно ждал этих слов.

— Устал, поди? Ничего. От работы тело устаёт, а на душе легче становится.

Держась за гриву гнедухи, мальчик ловко скользнул на землю и еле устоял на онемевших ногах.

— Помойся вон из ведра, — предложил отец, — а я сдам лошадь, потом приберёмся, встретим отару и пойдём домой. Бабушка обещала на ужин кашу полевую. Ты же любишь её?

Боря улыбнулся, но тут же задумался. Его полное смуглое лицо с чёрными пытливыми глазами стало не по-детски серьёзным. Идти вместе с отцом с фермы широкой улицей деревни — великое удовольствие для Бори. Чуть покачиваясь, отец шагает всегда уверенно, свободно. Встречаясь с колхозниками, он неторопливо приподнимает над головой старенький картуз с высокой тульей. С иными перебрасывается словами, а то ненадолго останавливается, закуривает. Боря старается идти в ногу с отцом и тоже чуть покачивается. Но это нелегко. Чтобы не отстать, приходится шагать необыкновенно широко, а иногда и торопливо подскакивать. Зато взгляды встречных ласковы и уважительны. Они ясно говорят: «Борька молодец, не баклушничает, а отцу помогает. У него даже ноги в глине».

В такие минуты Боря уверен, что он уже не мальчишка, не школьник, а большой, настоящий парень, такой, каким был его дядя Никита. Вот только ростом он маловат. Валерка вон ровесник, а насколько выше! Как поливной растёт. Лёнька и тот обогнал... Недавно мерились, так он почти на два пальца выше. А Лёньке, видать, мало этого, уверяет: «У меня ноги кривые, если их выпрямить, на целую ладонь больше буду».

Боря даже матери жаловался на свой рост. Она смеётся. Говорит: «Что толку из Валерки — большой, а жидкий, тонкий, как подсолнух. А ты у нас как сбитый». Боря подумал и согласился. Дело, конечно, не в росте, а в силе. Он же, Боря, всех товарищей побарывает. Потом и взрослые не все бывают большими. В общем, Боря при всяком удобном случае старается показать себя солидным человеком. За стол он садится важно и обязательно рядом с отцом. Разговаривает неторопливо и не своим, мальчишеским голосом, а нарочито грубым, как у больших. Бабушка однажды пристыдила, хоть сквозь землю проваливайся. «Чего ты, — говорит, — Борька, выкамариваешь? Глядеть тошно...» Вот ведь какая! Зато кашу полевую она варит замечательно. При мысли о каше Боря облизал обветренные губы, слотнул тягучую слюну. Что может быть вкуснее полевой каши, заправленной свиным са-

лом, пережаренным с луком? Полевой она называется потому, что варится не в печи и не на примусе, а на вольном воздухе, в огороде, и от этого кажется, что она пропитывается каким-то особенно приятным запахом степи.

Вспомнив о письме, Боря поспешно схватился за карман. Бумага захрустела под пальцами. Мальчик поскрёб в нерешительности вихрастый затылок. Плнуть на все эти тайны? Попроситься у отца съездить на гнедухе на речку, помыть ей ноги. Кулаков Валеркиных он, конечно, не боится. Но другая мысль тут же перебила всё: «А если вправду Валерка что-нибудь придумал? Он может».

— Я пойду домой? — нерешительно спросил Боря. — Телка пригоню, а то бабушке некогда. Ноги я дома помою.

— Ладно, — согласился отец.

Боря радостно шмыгнул носом и с подскоком, стремительно помчался пологим склоном к деревне. Синяя сатиновая рубаша вздулась на спине.

В магазине прохладно и тихо. Пол обильно побрызган водой и подметён. Пахло одеколоном, искусной эссенцией, селёдкой и ещё чем-то. Но Боря ничего не почувствовал. Он даже не обратил внимания на приветливо улыбающегося продавца Антоновича. Прямо с порога Боря бросился к часам-ходикам. Навалившись на прилавок, долго смотрел на них. Ну, конечно, он опоздал. Короткая стрелка была между шестью и семью, а длинная на восемь. Значит, время сорок минут седьмого, или без двадцати семь — это всё равно. Но чтобы не ошибиться, Боря посчитал время так, как учила бабушка — по промежуткам между цифрами. Пять минут в каждом. Получилось тоже самое. Пропала великая тайна.

Огорчённый, Боря дошёл до порога и остановился, опять взглянул на часы.

«Они ненормальные, убегают», — подумал Боря. Вот дома у них часы — никогда не врут. Большой с жёлтым ободком маятник тикает совсем не так — важно, с расстановкой. На тех бы посмотреть... А эти определённо врут. Вот он вскрыет сейчас письмо — будет самый раз. Боря выбежал из магазина, завернул за угол и сунул руку в карман, но конверта в нём не оказалось. Полез во второй — и там пусто, если не считать шпильки, резинки для рогаток и нескольких гвоздей.

У Бори перехватило дыхание. Бледнея, мальчик потряс подол рубахи, одну и другую штанины, осмотрел вокруг траву — письма не было. Не оказалось его и в магазине. Тщательное обследование тропинки, по которой он шёл с фермы, тоже не принесло результатов. Письмо исчезло, а с ним исчезла и великая тайна. Вот досада!

Домой Боря возвращался вконец расстроенным. На высоком столбе ворот сидел Лёнька Шукин, болтая своими кривыми, похожими на ухват ногами. Веснушчатое лицо с приплюснутым но-

сом было беспечным. Стараясь обратить на себя внимание Бори, Лёнька пронзительно свистнул в пальцы. В иное время Боря обязательно остановился бы, поговорил с товарищем, а теперь только взглянул на него исподлобья.

— Ишь, куда занесло, — заметила колхозница, загоняя во двор телёнка. — Как разбойник свищет.

— Настоящие разбойники и есть, — подхватила вторая. — Совсем распустились. Пршлую ночь у Кати молоко с полки опрокинули, а у меня грядку помидор снесли начисто.

«Это, должно, Лёнька со злости», — мысленно предположил Боря, стремясь ускоренными шагами миновать женщин.

— Изменник! Подлая душа! — грозно выкрикнул Валерка, внезапно выныривая из-за плетня. Лицо у него было таким свирепым, что Боря растерялся и не находил слов. Часто моргая, он с тяжёлым вздохом признался:

— Потерял я конверт.

Валерка вскипел. Он бегал за плетнём, кричал, махал руками и, наконец, устало вздохнув, попросил рассказать, как всё произошло.

— Чудак, — укоряюще сказал он. — В письме вся великая тайна описана. Найдёт кто-нибудь... Знал бы — не связывался с тобой...

Боря обиженно молчал, затем решительно повернулся, показывая, что он намеревается уйти.

— Ладно, надулся, как индюк, — с поспешностью, примиряюще сказал Валерка. — Лезь сюда!

Боря только и ждал этого. Схватившись за кол, он ловко перемахнул через низкий, утопающий в лебеде, плетень.

ПЕЩЕРА

Там, где плетень упирался в жёлтый, обрывистый берег реки, неприметно стояла баня. Её плоская глиняная крыша буйно заросла бурьяном, а сама она покосилась и настолько осела, что почти сравнялась с землёй. Вокруг беспорядочно толпились подсолнухи. Одни из них запоздало цвели, другие, уронив жухлые лепестки, дозревали. Чтобы уберечь тяжело сникшие корзинки от надоедливых воробьёв, мать Валерки наиболее крупные из них искусно обернула бумагой и старыми тряпками.

Сюда и привёл Валерка своего товарища.

— Сейчас ты увидишь пещеру великой тайны, — важно сказал Валерка, и серые глаза его стали строгими. В голосе тоже пропало всё прежнее добродушие.

— Пещера... Сроду ты чего-нибудь выдумываешь... — ухмыльнулся Боря, но за товарищем последовал по пятам.

Ещё только смеркалось, а в бане уже было темно и необычно-

венно тихо. Пахло пареным берёзовым листом и горько-удушливой полынью. Когда Валерка, шагнув от порога, исчез в темноте, Боря напряг ноги и крепче сжал в ладони ручку двери.

От вспышки спички темнота, дрогнув, нехотя расступилась. На стенах закачались несуразные тени. Валерка зажёл на припечке маленькую лампу без стекла. Против оконца висела большая карта Советского Союза. Вокруг печи, с огромным вмазанным котлом, стояли вырубленные с корнем кусты сизой полыни. Низкая широкая лавочка была искусно оплетена повитью. Её плети чудными гирляндами свисали и с потолка. Пол был устлан душистым мхом, а полук разноцветной бумагой.

— Ну, что, нравится? — спросил Валерка товарища.

Продолжая стоять у порога, Боря смотрел на всё широко открытыми, неморгающими глазами.

— Проходи. Садись. Эх, свет электрический далеко тянуть, а то бы устроил... — Эти слова Валерка сказал таким тоном, как будто устраивать свет для него было делом давно привычным.

Валерка достал с полка отцовскую полевую сумку. В ней оказались цветные карандаши «Тактика», большой в чёрном клеёночате переплётё блокнот, но главное, — отчего у Бори завистливо дрогнуло сердце, — компас и карманные часы. Правда, у часов совсем не было стрелок, но они блестели, как кусочек солнца, и если их сильно тряхнуть и сразу приложить к уху, то можно было слышать сбивчивое тиканье.

— Где взял?

Валерка промолчал.

Когда все предметы были тщательно исследованы и Валерка снова сложил их в сумку, Боря вспомнил о другом. Пещера, часы, компас — конечно, большое дело, но разве в этом великая тайна? И почему Валерка так разошёлся у плетня?

Обо всём этом Боря так и подмывало спросить товарища. И лишь опаска, что Валерка может заартачиться и ничего не сказать, удерживала мальчика. Приходилось терпеливо ждать.

Закрыв сумку, Валерка положил её на колени и уставился в тёмный угол. Потом, не меняя положения, вдруг спросил:

— Ты Петра нашего не забыл?

— Ещё бы... На ходулях-то нас учил?.. Помнишь, как ты ревел, когда я нечаянно наступил тебе на ногу?

— Отслужился он... Вчера письмо прислал. Ехал домой да остановился по пути в Сталинграде, на строительство гидростанции посмотреть. Вы, говорит, представить себе не можете, что тут творится. Остался Пётр в Сталинграде. Там любому делу можно научиться. Пётр на курсы машинистов поступил. На экскаваторе будет потом работать, — звонко выпалил Валерка. — Только я никак не пойму, как можно Волгу запрудить. Наша речушка вон какая... Летом почти совсем пересыхает, и то два раза плотину срывало. А Волга ведь как море...

Валерка пододвинулся к товарищу и, понижая голос, спросил:

— А что если поехать туда, к Петру, самим всё посмотреть? —

Бледное лицо Валерки разругалось. Он подскочил к карте. — Тут ведь не очень далеко. Смотри от Барнаула до Новосибирска, потом на Москву. Там Ленина в мавзолее посмотрим. А вот Сталинград. — Валеркин палец остановился на красном кружке, над которым чётко написано: «Сталинград». — Ты согласен?

— Чего согласен? — растерялся Боря.

— Чего!.. Чего!.. Ехать со мной? — раздражённо бросил Валерка.

— Одним?

— Ну, а с кем же? Конечно, одним. Поди, не первачи.

— Это как же? Скоро в школу... И дома ни за что не отпустят.

— Ты как маленький. Мы и спрашиваться не будем. Убежим! Денег на дорогу я возьму. Копилку свою разорю. Согласен? Школа никуда не денется. Знаешь, мы там будем учиться. — Валерка снова вплотную подсел к товарищу и начал рассказывать всё, что слышал по радио и читал о Сталинградской гидроэлектростанции.

Боря слушал эти горячие слова, и нетерпение всё больше овладевало им. Ерзая по низенькой скамеечке, он часто смотрел то на Валерку, то на карту, где чётко выделялась синяя ветка далёкой и заманчивой Волги. Вон какая широченная! А ведь они с Валеркой тоже могут помогать взрослым. Мало ли там всякой работы? Хотелось сейчас же ехать в Сталинград. Ведь его в гражданскую войну сам Сталин от беляков защищал. Но как бросить дом, школу, колхоз и уехать? Вот если бы отсюда великим стройкам помогать. Как Виктор Сергеевич говорил...

ДОМАШНИЙ РАЗГОВОР

Когда Боря подошёл к дому, на небе уже выпала густая звёздная россыпь. Мальчик прошёл во двор. Из широко распахнутой двери падал на крыльцо яркий электрический свет.

Посреди двора светлячками мерцали искорки затухающего костра. «Значит, правда бабушка полевую кашу варила». Боря смаху прыгнул на вторую ступеньку крыльца.

В коридоре на широкой сосновой лавке сидела мать, опустив сильные загорелые ноги в алюминиевый таз. Чёрные толстые косы, сбегав по груди, свились кольцами на её коленях. На красивом, ещё молодом лице матери разлилось приятное, чуть усталое довольство, какое обычно бывает у человека, хорошо потрудившегося день. Услышав шаги Бори, она приподняла опущенные ресницы и улыбнулась приветливо, тепло.

Бабушка в фартуке хлопотала на кухне.

На столе белела горка фарфоровых тарелок. Заметив внука,

бабушка положила на угол стола горсть ложек и удивлённо развела руками:

— Заявился, шатущий? Ой, шатущий! Где же тебя носило? Отцу сказал, что бабушке помогать пойдёшь, а сам и носа не покажешь.

Сидевший на диване отец опустил развёрнутую газету, строго глянул на сына поверх очков с чёрными роговыми ободками.

— Выходит, обманом занимаешься? — внушительно спросил он. — Нехорошо.

— Чего же тут хорошего? — опять вмешалась бабушка. — Беда с ним, целыми днями мыкается, в дом не заглядывает.

— Ну, хватит, — примиряюще сказал отец, — мой ноги да умывайся.

И когда Боря вышел в коридор, добавил: — Надо и то понимать — мальчишка он, всякому в его годы побегать охота.

— Потакайте, потакайте... Совсем избаловали.

«Вот уеду с Валеркой — по-другому заговорите», — мысленно ответил бабушке мальчик.

Вошла мать, и все сели за стол. Ужинали молча. Мать, всегда оживлявшая семью шутками, на этот раз была молчалива, казалось, чем-то озабочена.

После ужина перешли в переднюю. Одна бабушка осталась на кухне убирать со стола и мыть посуду.

Мать, отодвинув цветастую занавеску, за которой стояла сверкавшая никелем кровать, принялась стелить постель.

— Опять читать будешь? — спросила она, взбивая подушку на Бориной кровати.

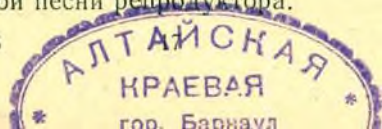
— Почитаю, а потом в правление схожу, с Григорием Данилычем потолковать надо.

Боря хотел ложиться спать, но вспомнил о книжке, взятой три дня назад у Лёньки, решил посмотреть её. Подошёл к этажерке. На верхней полочке ровным рядом стояли книги отца. Боря несколько раз перелистывал их. Они казались совсем не интересными: овцеводство, полеводство, толстые тома в хороших переплётах.

Следующей была полочка Бори. На ней стояли школьные учебники, «Два капитана», томик избранных произведений Гайдара, «Белеет парус одинокий».

С очками на лбу, попыхивая папироской, отец прошёл несколько раз по половику, постоял против портрета своего младшего брата Никиты, погибшего под Берлином. Потом тяжело вздохнул и сел за стол. Надвинув на нос очки, раскрыл подаренную Виктором Сергеевичем книжку.

Читая страницу за страницей, Фёдор Иванович всё ниже и ниже склонялся над книжкой. Он уже не слышал ни мерного тика-ня часов, ни весёлой песни репродуктора.

Скрипнула сетка кровати, колыхнулась занавеска, послышался тяжёлый вздох. Фёдор Иванович поднял голову:

— Ты что, Ксюша, иль нездоровится?

— Беспокойство берёт. Приболела Радость. Проведать надо, как бы хуже не стало ей. Может, ветеринара пригласить придётся.

— Что с ней?

— Сама не знаю. Раздулась. Не объелась ли? — В цветистом халате мать вышла на середину комнаты, торопливо собирая в узел рассыпанные по плечам волосы.

— Может, пойти с тобой?

— Нет, Федя, я скоренько. — Мать набросила на голову клетчатый платок и вышла.

Фёдор Иванович, комкая в ладони бороду, опять уткнулся в книжку. В ночной тишине слышно было, как мать, шлёпая чувяками на босу ногу, спустилась с крыльца, хлопнула калиткой.

— Больше ста килограммов живой вес! — воскликнул Фёдор Иванович и порывисто поднялся, потянулся на подоконник за кисетом. — Вот это баранчик! Понимаешь, Борька! Ничего ты не понимаешь, мал ещё. Вот если бы Никита был. Тот — да...

Боря, в самом деле, ничего не понимал. Смотря на отца, он заметил только одно — необыкновенно молодой блеск его глаз.

Фёдор Иванович то возбуждённо ходил по комнате, оставляя за собой сизые хвосты дыма, то подолгу стоял около раскрытого окна, всматриваясь в темноту летней ночи, что-то бормотал, ерша бороду.

Скользнув по окнам ослепительным светом, стремительно промчалась со станции колхозная автомашина. И снова тихо, тихо. Но вот опять хлопнула калитка, опять послышались знакомые шаги.

По тому, как мать улыбалась с порога, Боря и Фёдор Иванович поняли, что с Радостью всё благополучно.

— Ксюша, — подошёл к жене Фёдор Иванович. — Ох, и тонко наш Виктор Сергеевич к человеку подходит. И вперёд далеко видит.

— Хороший он... настоящий секретарь, — согласилась мать. — А к чему это ты говоришь?

Фёдор Иванович взял руку жены.

— Присядем. Я всё по порядку растолкую. Был он у меня вечером. Плохо, говорит, мы всё новое, передовое перенимаем. В теперешнее время это никуда не годится. Мы, говорит, коммунизм строим. Поэтому каждый должен стараться производительней работать. Если в колхозе, скажем, увеличится настриг шерсти или надой молока, значит строительству в Сталинграде или Куйбышеве облегчение от этого, большая помощь. Ведь одной семьёй живём... Сказал и подаёт вот эту книжечку, — Фёдор Иванович потянулся к столу за книжкой. — Взглянул я на неё — и сердце

дрогнуло. Только виду не подал. А сейчас почитал и совсем расстроился. Ты понимаешь, какая от этого польза государству?

— Пока ничего не понимаю. О чём же тут говорится? — Улыбаясь, мать попыталась взять книгу, но отец поспешно накрыл её большой огрубелой ладонью.

— Подожди, я сам...

И с необычной для себя торопливостью, глотая слова, сбиваясь, начал рассказывать о ценности новой породы тонкорунных овец, о необходимости завести их в колхозе.

Не спуская с мужа ласкового взгляда, Ксения внимательно слушала, одобрительно кивала головой. Преодолевая сонную истому, слушал отца и Боря.

— Пойду к Григорию Данилычу. Он в конторе теперь.

— Ложись-ка, Федя, — предложила мать. — Двенадцатый час уже. Завтра день будет.

— Что ты! — удивился Фёдор Иванович. — Разве можно с этим делом мешкать?

Поднявшись на кровати, Боря хотел попроситься с отцом в контору. Но сон окончательно поборол мальчика. Голова тяжело плюхнулась на подушку, и скоро послышалось его сладкое посапыванье.

ХОЧЕТСЯ СДЕЛАТЬ ПОЛЕЗНОЕ

Над крышами поднялось солнце, радостное, чистое, словно умытое. Ласточка, где-то совсем близко, на ставне что ли, выщёлкивала что-то непонятное, но весёлое. Вот она впорхнула в комнату. В чёрной, точно шёлковой, косыночке, щебеча, покружилась и вылетела. Спрыгнув с койки, Боря подбежал к окну. Дождь лежал на траве стеклянным горохом, на гибкой ветке сирени, чуть касающейся рамы, висел стеклянными ягодками, отягощал её. Но вот ветка, точно вырвавшись, пружинисто дрогнула — капли слетели, зашуршали в траве.

— Дождь был! — Боря подпрыгнул от радости и стал торопливо одеваться. Захотелось побегать по мокрой траве, заглянуть на реку. Вода в ней теперь тёплая-тёплая, как парное молоко. Мальчик готов был взобраться на подоконник, чтобы выпрыгнуть в палисадник, потом вспомнил о недочитанной книге. Она лежала на столе раскрытой, точно подзывала к себе. Боря склонился над книгой и не отрывался от неё до тех пор, пока не закончил. Бабушка несколько раз появлялась на пороге, звала завтракать.

— Сейчас, сейчас, иду, — бормотал мальчик.

— Да ведь пышки остынут. Поешь, потом и читай.

В книге рассказывалось о том, как пионеры Ленинградской области развели при школе большой сад, вывели в нём новый, замечательный сорт яблок и снабдили им все окрестные колхозы.

Боря закрыл книгу, восторженно хлопнул по ней ладонью.

— Вот молодцы! Настоящие пионеры! — Мальчик, громыхнув стулом, отошёл от стола, крутился на одном месте. Он был так взволнован, возбуждён, будто и он вместе с ленинградскими ребятами выводил новый сорт яблок. Нестерпимо захотелось рассказать кому-нибудь о делах ленинградских школьников.

Вспомнился Валерка. Его предложение поехать в Сталинград почему-то показалось теперь не таким заманчивым, как вчера. Посмотреть строительство, конечно, неплохо. Но лучше здесь сделать что-нибудь такое, чтобы все сказали: «Вот так Борька, взрослым помогает». Тогда и он, Борька, вместе со всеми стал бы участвовать в великих стройках коммунизма.

Но что сделаешь? Деревня маленькая, все в поле. Школа на замке. Вот разве деду Ермолаю помочь ток стеречь. Дед Ермолай старый, глаза слезятся, видят плохо, а свиньи здорово донимают. За ними гляди да гляди, а то в момент заберутся в горох. Пока дед доковыляет, они уже порядком зерна сожрут.

— Борька! Ох, и негодный мальчишка... — сердито закричала бабушка.

— Иду, иду. — Боря вскочил на кухню, торопливо умылся и, вытираясь, невольно залюбовался пламенем в печи.

Живые золотистые ленты вырывались из-под поленьев, плясали по ним, колыхаясь, сплетались, тянулись в свод. Сгорбленная бабушка ловко выхватила на шесток сковородку.

— Садись! — Подбрасывая на ладонях горячую белую пышку, бабушка положила её на тарелку. Жёлтый кусочек масла на пышке моментально растёкся в маленькие ручейки.

— Бабушка, а знаешь, что я читал?

— Откуда же мне знать.

— Про пионеров. Как они сад развели, большой-большой. И яблоки нового сорта вырастили.

Бабушка, опираясь на сковородник, выпрямилась, поправила выбившуюся из-под серенького платочка седую прядь волос.

— Ишь, какие молодцы. Так одни и развели сад?

— Нет, с директором школы и стариком-садоводом.

— То-то, одним такое дело не под силу.

— Бабушка, а у нас можно сад развести?

— Кто знает. Раньше этим не занимались, а теперь вон и в поле деревья сажают — растут. Значит, и яблони будут расти.

Боря помолчал, мечтательно вздохнул и принялся за пышку.

— А папа на ферме? — спросил через некоторое время мальчик.

— Где там на ферме!.. Отца Савилов послал на ток. С уборкой говорят, отстали, на третье место в районе скатились. А про тонкорунных овец и думать не велел. Полюбуйся, говорит, на них в «Луче Октября»: позапаршивели совсем. — Бабушка взглянула на стоявшую в печи пышку, помолчала.

— Может, и прав Григорий Данилович. Он колхозную копейку зря не израсходует. А отец шибко расстроился. Он ведь такой: задумал чего — ему вынь да положь.

— А как же глина? — озабоченно спросил Боря.

— Лежит, отец прикрыл её соломой.

У Бори пропал аппетит. Он отодвинул тарелку, вылез из-за стола.

— Что, иль не понравились пышки?

— Бабушка, давай с тобой мазать?

— Да что ты? — удивилась старуха. — Чего мы сделаем? Я стара, а ты мал.

— А я Лёньку, Андрейку позову, Тамарку с подружками. Ты будешь только показывать, а мы всё сделаем. Вот папа обрадуется, когда узнает.

— Обрадуется, ох и обрадуется. Разве мне Матрёну кликнуть, может пойдёт?..

— Значит, договорились? — крикнул Боря и выскочил во двор. Шурясь от ярких, ласковых лучей солнца, он стремительно пробежал тропинкой и так распахнул калитку, что она пронзительно свистнула.

Работать начали дружно и горячо. Подоткнув подол длинной со сборами юбки, бабушка ловко хватала куски глины, окунала их в шайку с водой и звучно, с размаху ляпала на стену. На потном лице старухи появился румянец, почти совсем пропали морщины. В эту минуту она особенно сильно походила на свою дочь Ксению. Около бабушки суетилась Тамара. Её короткие, упругие косички с загнутыми вверх концами металась по спине, не находя себе места. Тамара то соскребала лопатой старую трухлявую обмазку, то макала в воду обшорканный полярный веник и кропила стену, чтобы глина лучше приставала, то бралась мазать.

Боря с Лёнькой подвозили на тележке-двуколке глину. Это нелёгкое дело. Особенно тяжело накладывать глину. Двуколка высокая, а глина в кругу слежалась.

Лёнька сунул в круг совковую лопату, её засосало. Мальчик пыхтел, лицо от натуги покраснело так, что и веснушек на носу не видать, загорелые коленки подрагивали. Но как ни старался он, не мог оторвать на лопате глину. Даже пустую лопату еле вытаскивал.

— Эх ты, силач-тягач. Дай-ка! — задорно кричит Боря.

— А вы не так, не так, — заметила шустро подошедшая бабушка. Она держала на весу согнутые руки с засученными выше локтей рукавами. — В каждой работе сноровка нужна, а на силу надеяться нечего. Силой не возьмёшь, да и мало у вас её. Вы побрызгайте глину водичкой, размесите её. Вот она и будет браться... Тележку тоже водичкой побрызгайте. Глина покатится с неё, как по маслу. Много не накладывайте, а то надсадитесь.

Ребята сделали всё так, как сказала бабушка, и дело пошло хорошо.

— Она всё умеет, — восхищённо сказал Боря о бабушке. — Мама говорит, лучше её никто в деревне снопов вязать не может. Про неё до войны даже в газете писали. Повезли!

Ребят радовала каждая отвезённая тележка глины, каждый метр обмазанной стены. Пропали посторонние разговоры и смех. Даже бестолковое чириканье и возня воробьёв под камышевой крышей не привлекали внимания ребят. Разговор стал серьёзным, как у взрослых, занятых большим, ответственным делом. Никто не заметил, как бежало время. Когда дышащее зноем солнце пошло прямо над головой, бабушка вспомнила о щак в печи, о накормленном поросёнке.

— Обед! — сказала она, и все сразу почувствовали голод и усталость.

ДЕЛА ВЗРОСЛЫХ

Утром, идя на работу, Фёдор Иванович заглянул на колхозный двор. Дрожek, на которых уехал Виктор Сергеевич, не было. Хмурый заведующий фермой что-то буркнул себе в усы и пошёл.

Весь день он перелопачивал и веял на клеитоне зерно, насыпал его в мешки, грузил на автомашины. На току было шумно, весело. Заведующего фермой радовали золотые вороха пшеницы, дружная работа. Но когда на току появился Савилов, брови у Фёдора Ивановича сошлись к переносью. Он усиленно начал работать совком — зерно потекло в мешок почти непрерывным потоком.

— Здравствуйте! — сказал председатель.

Все поздоровались, а Фёдор Иванович промолчал, будто не слышал. Савилов смущённо поскрёб пальцами впалую щетинистую щёку и подошёл к заведующему овцефермой.

— Ты, Фёдор, не сердись. Может, я и погорячился вчера...

— Да я ничего, — буркнул Фёдор Иванович, не разгибая спины.

— Вижу, что обижаешься. Мазать завтра начнёшь. И о тонкорунных поговорим ещё. А сегодня надо план добивать, — председатель оглянулся кругом с довольной улыбкой, — денёк на славу.

Скоро подошли три новенькие трёхтонные автомашины. Обрадованный председатель сейчас же начал умело распоряжаться. Пока машины становились под погрузку, из второй бригады прибыло затребованное по телефону подкрепление. Председатель быстро нашёл всем дело. Сам тоже не оставался в стороне. Бросая на ходу чёткие распоряжения, он то помогал завязывать наполненные зерном мешки, то, вскочив на машину, ловко подхватывал и укладывал их.

Вечером Фёдор Иванович опять заглянул на колхозный двор. Дрожжи Виктора Сергеевича стояли под навесом. Сразу повеселев, Фёдор Иванович зашагал к домику парторга. Во дворе, около цветочной клумбы, оглядел себя, сбил ладонью пыль и взошёл на маленькое крылечко.

— Добрый день!

В кухне никто не ответил. В приоткрытую дверь из передней доносился голос Виктора Сергеевича.

— Ребята в деревне хорошие, только заниматься с ними теперь некому. У нас руки не доходят, учителя поразъехались.

«С кем он?» — с досадой подумал Фёдор Иванович. Ему хотелось поговорить с парторгом один на один.

— Летом ребята остаются на произвол судьбы. Что хотят, то и делают. Вот сегодня колхозница нашла письмо. Почитайте. Любопытное.

Заведующий фермой нерешительно переступал с ноги на ногу, раздумывая, не уйти ли домой, чтобы вернуться попозже. В это время скрипнула ступенька крыльца, звякнуло ведро. Фёдору Ивановичу стало неудобно: «Вроде подслушиваю под дверьми». Он громко сказал:

— Можно войти, Виктор Сергеевич?

— Да, заходи, Фёдор Иванович, очень кстати, мне с тобой поговорить надо. — Виктор Сергеевич сидел за столом, а напротив него — незнакомый человек в сером костюме. Фёдор Иванович видел его тугую шею, обтянутую белым воротничком, мелкие колечки беловатых волос на затылке.

— Проходи, Фёдор Иванович, знакомься!

— Миронов, — отрываясь от письма и подымаясь со стула, стрекочендовался незнакомец и, ощупывая заведующего фермой внимательным быстрым взглядом, крепко сжал его большую, земляного цвета ладонь.

— Дмитрий Петрович... Новый заведующий нашей школы, — пояснил Виктор Сергеевич и, помолчав, добавил: — Очень хорошо, что вы приехали.

Фёдор Иванович в упор глянул в лицо Миронова: розовый загар на щеках, на верхней губе — желтоватый, как у гусёнка, пушок — самое обыкновенное юношеское лицо. Выделялись только серые глаза. В них чувствовался и большой задор, и деловитость, и упорная воля. «Совсем мальчишка, видать, только из училища», — подумал Фёдор Иванович и, пододвинув к себе стул, сел, осмотрелся. Простая, уютная, давно знакомая обстановка. Этажерка с книгами, в простенке — портрет Сталина в скромной берёзовой рамке. Вождь, зажав трубку в руке, глубоко задумался над картой Родины.

В углу сверкала никелированными шарами кровать. Над ней — портрет Льва Толстого. Бессмертный писатель стоял в длинной, подпоясанной ремешком рубашке.

Вдоль стены, под окнами, на низенькой лавочке стояли в глиняных горшках цветы: герань, фикус, чайная роза. Придерживаясь за лавочку, топтался в жёлтых ботиночках сынишка Виктора Сергеевича. Его большие круглые глаза были синими, как у отца. Только синева эта казалась свежей, нежной, не тронутой временем. Ребёнок, шлёпая ручонкой по скамейке, кричал:

— Па... па...

— Не подкопаешься... План разработан в деталях, — сказал Миронов, складывая письмо.

— По-военному, — усмехнулся парторг, беря конверт и читая: — «Совершенно секретно. Вскрыть ровно в 18.00, или в шесть часов вечера». Ишь до чего додумались! Книг, видать, начитались. Одно только непростительно — потеряли письмо, — Виктор Сергеевич захохотал раскатисто и добродушно. Миронов тоже невольно улыбнулся.

— Ребятишки наши в Сталинград, на гидрострой бежать намереваются. План разработали, только потеряли его. Может, и твой Боря, Фёдор Иванович, в бега собирается. Он боевой...

— Вон как, — удивлённо протянул Фёдор Иванович и подвинулся вместе со стулом ближе к столу. — А кто же его знает, может, и мой в этой компании. Он от других не отстанет.

— Хорошо, что они интересуются великими стройками, — задумчиво сказал Миронов.

— Да сейчас и многие взрослые, пожалуй, не прочь отправиться на Волгу, — перебил Виктор Сергеевич. — Не понимают того, что коммунизм везде нужно строить. А с ребятами особенно много надо работать.

— Им нужно помочь найти интересное занятие в своём колхозе, — заметил Миронов. — Макаренко говорил, что дети не могут жить без завтрашней радости.

— Правильно, Дмитрий Петрович, согласен с вами, — горячо подхватил парторг. Макаренко замечательно сказал. Это ведь не только к детям относится. Взрослым также нужна радостная перспектива.

Ероша ладонью коротко остриженные волосы, он торопливо записал что-то в раскрытый блокнот.

Положив карандаш, парторг приветливо взглянул на Миронова.

— Знакомьтесь с нашей жизнью, Дмитрий Петрович. Есть у нас недостатки, но много и хорошего. И будет его с каждым днём больше. На это хорошее и надо детишкам открыть глаза. Мы вам поможем.

— Спасибо. Ребята у вас, действительно, дружные. Посмотрел я сегодня, как они кошару мазали — сердце радуется.

— Какую кошару? — спросил Фёдор Иванович, беспокойно приподнимаясь.

— Вон на пригорке.

— Так они там, видать, такое намазали?..

— Хорошо мазали. Старушка ими командовала.

«Тёща... Беспокойная...» Фёдор Иванович облегчённо вздохнул, опустился на стул.

— Па... па... — кричал мальчишка, придвинувшись к самому концу скамейки и напряженно смотря на отца, как бы зовя на помощь.

— Что, что, сынок? — нежно спрашивал парторг, навалившись на стол.

Ребёнок вынес вперёд негнущуюся ножонку и, оторвавшись от скамейки, шагнул раз, второй и больше не вперёд, а в сторону. Затем боязливо остановился.

— Пошёл! — восторженно вскрикнул парторг и выскочил из-за стола, опустившись на корточки, протянул сыну руки:

— Иди, сынок! Иди, дорогой!

Ребёнок сделал ещё шаг и решительно бросился в руки отца. Все засмеялись. Отец торжествовал.

Когда заведующий школой ушёл, Виктор Сергеевич, повернувшись к Фёдору Ивановичу, окинул его ласковым, чуть пытлявым взглядом.

— Ну, как, старина, прочитал книжку?

— Не только прочитал, а ночь через неё не спал. Не чаял, когда приедешь, — со вздохом ответил Фёдор Иванович и смял в кулаке бороду.

— Я так и думал... — Виктор Сергеевич поставил сынишку на пол, сам встал, прошёлся по комнате.

— Беседовал я по этому вопросу с Аркадием Николаевичем. Одобряет. Привет тебе передавал.

От этих слов Фёдор Иванович заволновался, положил на стол большие узловатые руки. Захотелось рассказать многое, высказать все сокровенные, не дававшие покоя мысли, обиду на председателя. Но слова, как на грех, не шли на язык, в горле першило. Он порывисто расстегнул верхнюю пуговицу косоворотки.

— Спасибо Аркадию Николаевичу. Виктор Сергеевич, ведь это такое важное дело! Каждому ясна выгода, только председателю нашему не ясно.

— Ты говорил с ним?

— Он и слушать как следует не стал. Говорит, что доходность этой породы на практике не проверена. Самое выгодное для нас — бахчеводство, огородничество. Этим будем заниматься.

Парторг подсел к Фёдору Ивановичу, положил на его плечо руку.

— Не волнуйся, старина. Всё будет хорошо. Рассказывай по порядку.

Беседовали долго.

Когда Фёдор Иванович уходил, парторг вышел его проводить.

На западе стило одинокое облако. Середина его была ещё красной, а края уже обрамляла безжизненная пепельная бахрома.

Дорогу на улице и высокую цветущую лебеду затянули лёгкие сизые сумерки. Над головами неумолчно шептались тополя, будто грустили о проходящем лете.

Вдруг на столбах, в окнах вспыхнул яркий электрический свет. Всё преобразилось. Казалось, настало утро. Замелькали бабочки замельтешила мошкара. Вечернюю тишь нарушила звонкая песня.

— Так вот, Фёдор Иванович... На общем собрании будем решать. Готовься! Говорить надо ясно, конкретно, чтобы сразу народ понял, что к чему.

— Постараюсь, Виктор Сергеевич...

— Спокойной ночи! — Фёдор Иванович обеими руками крепко сжал ладонь парторга и, повернувшись, пошёл вдоль улицы.

ЛЕНЬКИНО НЕСЧАСТЬЕ

На самом краю деревни живёт с матерью-старухой Сергей Кузнецов. До войны он был известным в районе шофёром. Вихрем носилась по степным дорогам его полуторка с красным флажком над радиатором. В кабине водителя всегда лежал в старом истёртом футляре баян. Выдастся свободная минута, и Сергей достаёт его. Бережно оботрёт рукавом и заиграет, да так, будто заворочит.

На фронте Кузнецову оторвало ногу и перебило левую руку. Он долго лежал в госпиталях. В родную деревню вернулся седым, угрюмым, молчаливым.

Правление колхоза определило его кладовщиком. Работа нетрудная, спокойная, но Кузнецову она определённо не нравилась.

— Простору мне недостаёт, — говорил он, с досадой поглядывая на обрубок своей ноги.

Говорят, что Сергей занимается какими-то опытами, даже дыню на тыкке выращивает. Колхозники очень интересуются этим, пристают с расспросами. Но Кузнецов или отмалчивается или коротко бросает: «Гоп говорят, когда перепрыгнут. А мне на одной ноге трудно прыгать».

Неизвестность возбуждала жгучее любопытство ребят. Они не раз видели, как парторг и председатель колхоза заходили на просторный двор кладовщика. Заглядывает к Кузнецову и агроном из района, высокий пожилой мужчина, с красным, точно продублённым, лицом. Почти круглый год он ходит в неизменном седом дождевике. И только в исключительно знойные дни вешает его на руку. С агрономом Сергей становится неузнаваемым. Оживляясь в беседе, он говорит и говорит. Агроном внимательно слушает, одобрительно кивает головой. Однажды ребятам удалось услышать, как агроном неторопливо сказал:

— Ты, Сергей Васильевич, стоишь на правильном пути. Продолжай свои опыты. Неизбежно будут неудачи, но ты не огорчайся.

Что за опыты?

Ребята воровато подбирались к дому Кузнецова. Затаив дыхание, обходили на цыпочках высокий забор, подолгу смотрели на ворота. Ни одной подходящей щелочки нет. Вот разве выломать доску или на забор вскарабкаться. Но со двора давно уже слышался истошный лай. Огромная овчарка гремела цепью, грызла от злости подворотню. Унимать собаку выходила мать Сергея, ещё проворная и зоркая старуха.

— Ты что рассердился?

Точно поняв собаку, она хватала вдруг палку и, потрясая ею, кричала на притаившихся за частоколом ребят:

— Я вам, разбойники, я вам, пакостники!.. Вот спущу собаку, так она живо лытки оборвёт.

«Разошлась... Больно нужны твои огурцы и помидоры, — думал в своём укрытии Лёнька. — У каждого их полно... и в соседских огородах тоже... Вот только дынь с арбузами мало, и нехорошие они. Не знаю, как ваши».

— Пошли, — предлагает Андрейка, — а то вправду собаку спустит. Она такая.

— Конечно, нужны они очень, — соглашались товарищи.

Так и отступились ребята от дома Кузнецова. Только Лёнька не мог отступить.

С самых малых лет он пристрастился к растениям. Многое в них для мальчика было непонятным, прямо загадочным. Посадит мать картошку. Пройдёт несколько дней и появляются из земли робкие, бледные ростки, потом зелёные листочки, а к осени такой кустина выбухает, столько картошки нарастёт, откуда что берётся? Ещё более удивительным казалось, как из маленького зёрнышка вырастает огромный подсолнух, конопля, тыква. А как растут они, ни за что не заметишь, хоть целыми днями на огороде сиди.

Мать и Лёнька занимались на огороде каждый своим делом. Из-за этого часто происходили неприятности. Смотрит мать — ни с того, ни с сего между рядами картофеля или помидор появляются какие-то непонятные всходы.

— Что посадил?

— Вззошла! — обрадуется Лёнька и бросится рассматривать всходы, а потом, как бы между прочим, скажет:

— Это кукуруза, а вот там пшено посеял. Почему-то долго не всходит.

Мать взглянет на озабоченное лицо сына и расхохочется:

— Вот чудак, да ты до седой бороды не дождёшься, чтобы пшено взошло.

— Почему?

— Потому что сеют просо, а не пшено.

— Почему? — настойчиво твердит Лёнька.

— Вот пристал, — раздражается мать. — Откуда я знаю. Спроси учительницу.

— Спрашивал... — мальчик тяжело вздохнёт. — Вон я читал — в других школах опытные участки есть.

Однажды Лёнька посадил неизвестно где раздобытые корневища хмеля. Они быстро прижились. Гибкие ветки настойчиво полезли в кусты помидор и картофеля, крепко оплели их. Мать пришла в ужас.

— Ох и додумался, головушка! Хмель заглушит всё.

Насупившись, Лёнька молчал. Но когда мать начала вырубать корневища, он с громким рёвом бросился прямо под тяпку.

— Не тронь мама!

— Да ты что, сдурел? — удивилась мать и, сурово отстранив Лёньку, начисто вырубил хмель. Потом сжалилась, сказала:

— Беда с тобой! Возьми вон тот угол у забора и копайся... А больше никуда не лезь!

С этого времени для Лёньки почти ничего больше на свете не существовало. С самого начала зимы он приступил к проведению «комплекса агротехнических мероприятий»: задерживал на участке снег, возил на санках навоз, готовил семена — делал всё, что делали колхозники на своих полях. На подготовку уроков всё чаще не стало хватать времени. Мать, просматривая однажды Лёнькины тетради, сурово спросила:

— Почему отметки хуже стали? По арифметике на троечки съехал. Так до двоек с колышками недолго...

— Арифметика не интересная. Вот если бы у нас ботаника была...

— Ботаника... Какой же из тебя агроном выйдет без арифметики. Если так будет, придётся опытный участок картошкой засадить.

— А я подёргаю её, — грозно предупредил Лёнька. Мать вспыхнула:

— Скажу вот отцу, — грозились она.

Но мальчика это мало страшило. Он знал, что отец за участок не ругается, говорит: пусть к делу привыкает. Всё лучше озорства.

Весной у Лёньки началась горячая пора. На нескольких квадратных метрах он умудрился разместить столько растений, что мать диву давалась. Садил всё, что попало под руку: клубни георгин, семена астры, овёс, пшеницу, вьюны, кустики смородины из бора, шиповник, луковичы саранки, несколько крошечных сосенок. Шиповник почему-то не принялся, погибли сосенки, но зато смородина уверенно распустила свои нежные узорчатые листочки. Взойшли и зерновые с цветами.

И всё пожалуй бы выросло, если бы не соседский чёрный козёл. Ох, и вредный и до чего хитрющий. У Лёньки с ним давняя

вражда. Года два тому назад козёл не давал Лёньке прохода. За-видит и бежит с выставленными рогами.

— Бэ-э-э..

Лёнька с рёвом бросится наутёк, а козёл топочет за спиной, вот-вот пырнёт острыми длинными рогами. Доводилось и пырять. Раз так поддал, что Лёнька смаху плюхнулся в дорожную пыль, заревел благим матом. А козёл стоит подле, довольный.

— Эх ты, мужик, — укоряла мать — Да ты его хворостинной хорошенько.

Лёнька так и сделал. Встретив неожиданный отпор, козёл растерялся, отбежал в сторону. И больше уже на мальчика нападать не решался.

И как бы в отместку за своё поражение козёл принялся прокудить. Неведомо как забирался на крышу хлева и с независимым, вызывающим видом расхаживал по ней. Потом пускался во двор. Отворял погреб, опрокидывал кринки с молоком. Но больше всего прельщал козла огород. И странно было то, что среди грядок капусты, свёклы, помидор, кустов картофеля козёл безошибочно отыскивал Лёнькиных питомцев и усердно уничтожал их.

И как ни старался Лёнька, укараулить участок не мог. Чуть отвернётся, козёл тут и был. Хозяйничает. В последний раз он расправился с участком рано утром. Лёнька проснулся, а сердце ноет, будто недоброе предчувствует. Опротетью выскочил во двор. Козёл стоит посреди участка, а во рту самый большой стебель георгина с распускающимися оранжевым бутонем. Лёнька так и остолбенел, опустили руки. А козёл как ни в чём не бывало смотрит на мальчика и сочно хрумкает стебель. По вкусу, видно, пришёлся. А когда увидел в руках мальчика увесистую палку, легко перемахнул плетень. Отбежал немного, повернулся к мальчику и опять хрумкает стебель. А Лёнька, взглянув на участок, взвизгнул как ужаленный и, не помня себя, бросился за врагом. В эти минуты он ненавидел всех козлов света, а этого чёрного готов был разорвать. Но противник в обиду себя не давал. Под напором ему, конечно, пришлось расстаться со стеблем. Но он, кажется, не горевал и даже был определённо доволен. Прытко отбежит на почтительное расстояние и озорно смотрит на преследователя.

— Бэ-э-э..

И трясёт бородой, будто дразнится.

Окончательно выйдя из себя, Лёнька запустил в козла палкой. Перепугавшись, проказник ловко прыгнул под крутой берег реки.

— Сдох бы ты.. — Мальчик горько заплакал. Он долго сидел под молодой стройной берёзой. По щекам катились крупные солёные слёзы, звучно падали на колени. А перед затуманенным взором стоял высокий частокол усадьбы Кузнецова. Там дядя Сергей опыты делает, что-то выращивает. А он?..

Домой возвращался неторопливо. Да и куда теперь торопиться — участка нет. Вот разве зайти к дяде Сергею и рассказать всё? Трудно ему, поди, с одной ногой ухаживать за растениями. А он, Лёнька, помог бы. Только заходить боязно. Очень уж сердитый дядя Сергей. И бабка тоже...

Лёнька подходил к дому, когда сзади послышался торопливый топот — бежал вынырнувший из-за угла Боря. Налетев вихрем, он схватил товарища за рукав.

— Пошли кошару мазать. Глина пропадает... Мы вчера с папой месили...

Лёньке было не до кошары. Но Боря настойчиво упрасивал:

— Не хочешь колхозу помогать? Пойдём.

Лёнька согласился.

По дороге Боря рассказал о Валеркиной великой тайне.

— Ты поехал бы с ним в Сталинград?

Насупленный Лёнька долго молчал, а потом сказал:

— К Михаилу Афанасьевичу Лисавенко съездить бы. Питомник посмотреть и саженцев привезти. — Мальчик мечтательно вздохнул. — В Сталинграде бы тоже хорошо побывать.

НОВОСТИ

Тамара всегда первой все новости узнаёт — такая уж она прыга. Узнает и не успокоится до тех пор, пока всем не сообщит. Так вышло и на этот раз.

Закончив работу на ферме, бабушка с Борькой вернулись домой. Бабушка сразу же начала хлопотать об ужине, а внук занялся во дворе с мячом. Ударит его оземь — мяч подскочит, опять ударит... Боря досчитал до пятнадцати и вдруг мяч вырвался из-под руки и подпрыгивая закатился в траву у тына. Боря схватил его и начал счёт сначала. Надо досчитать до ста, потому что Лёнька выбивает девяносто. А Боря товарищу уступать ни в чём не хочет. Он побарывает Лёньку, бегаёт быстрее и на деревья выше забирается, а вот с мячом — отстал.

Боря досчитал до сорока семи, когда в открытую калитку вихрем ворвалась Тамара. Боря взглянул на неё — мяч, подпрыгивая, побежал в сторону, но мальчик не погнался за ним, потому что сразу понял: Тамара принесла что-то особенное. Она запыла, лицо было бледным, взволнованным, тонкие губы вздрагивали.

— Боря, Боренька, ты знаешь? Нет, ты, конечно, ничего не знаешь. Я к девочкам бежала, а по пути к тебе заглянула.

— Ну, говори, — сказал Боря, подходя к девочке.

— Ой, прямо не знаю, с чего начинать. Во-первых, Ираида

Александровна не придет. Она поступила в институт, инженером будет, а вместо неё приехал новый учитель.

— Ты его видела?

— Нет, но он приехал. Все говорят... — Осенённая догадкой, Тамара ойкнула, как от резкой боли. — Это не он подходил, когда мы мазали?

— Который тележку помог везти? Наверное, уполномоченный из района. — Мальчику почему-то казалось, что новый учитель обязательно должен быть важным, серьёзным. А тот был простым и слишком молодым.

— Пошли, узнаем... Ефремовна скажет...

Секунду подумав, Боря решительно двинулся к калитке. Они зашли за Нинушкой Бардиной и втроём отправились к школе.

Боря с неудовольствием косился на Тamarу. Она, размахивая руками, то подскакивала с ноги на ногу, то будоражила ногами горячую дорожную пыль и безумолку стрекотала.

— Уймись ты, сорока...

Но Тамара и не думала униматься. На середине моста она опасно перевесилась через перила и заодно крикнула первое подернувшееся слово:

— Нина!

Звук покотился по алой, игравшей переливами, воде, заглох в прибрежных травах. И как бы в ответ на него из-за камыша осторожно вынырнул нос лодки. Он него, точно усы, катились по речной глади волны. Вскоре показалась и вся лодка. На корме стоял мальчик и ловко отталкивался шестом. Второй сидел на банке и, кажется, боязливо озирался.

— Валерка! Давай сюда, новости расскажем! — пронзительно закричала и замахала руками Тамара.

— Валерка! — повторил за девочкой Боря и подошёл к перилам. Лодка, ускоряя ход, попрежнему пересекала реку. «Конечно он, Валерка! А кто с ним? Андрейка! Куда они, неужели в Сталинград?» — Сердце мальчика тревожно дрогнуло. — «Может, догнать их, с ними уехать? Тамарка увяжется, она ни за что не отстанет или разболтает всем».

Тем временем лодка ткнулась в берег. Валерка выскочил из неё, бросил в траву шест и, согнувшись, быстро побежал на косогор. За ним последовал Андрейка. Он бежал неуверенно, часто оглядываясь. Наверху мальчики остановились. Валерка снял фуражку и помахал ею стоявшим на мосту.

— Куда они? — неизвестно кого спросила Тамара.

А мальчики пошли напрямик к большаку, по которому непрерывно сновали автомашины — возили на элеватор зерно.

Боря смотрел вслед товарищам грустно и задумчиво.

— Подумаешь, зазнайки... Даже слова не сказали. Пошли! — предложила Тамара и настойчиво потянула Бору за руку.

— Пошли, пошли! — нетерпеливо подтвердила Нина, — а то мне некогда.

У Бори пропал всякий интерес к новому учителю. Он хотя и шёл за девочками, но мысли его то и дело догоняли ушедших на большак товарищей.

ЗНАКОМСТВО

Около школы стоял маленький, весёлый домик из жёлтых, ещё не слинявших брёвен. Одну половину занимала Ефремовна, а во второй жила зимой Ираида Александровна. Но учительница давно уехала, и квартира пустовала. По вечерам в окнах никогда не бывало света. Они казались таинственными и даже немного жуткими. Но теперь окна ярко, заманчиво светились. Это первой заметила Тамара.

— Смотрите! Смотрите... — прошептала она, указывая вперёд.

Ребята остановились, недоумевающе переглянулись. Кто там? Новый учитель? А может Ираида Александровна приехала? Вот здорово, если она!..

Отстраняя жиденький куст черёмухи, Боря решительно двинулся вперёд.

— Тише! — строго прошептала Тамара.

Они были почти у дома, когда из-за угла раздался звонкий, залихватый лай. Нинушка ахнула и бросилась было наутёк. Боря, остановившись, сначала растерялся, но тут же нагнулся, стараясь отыскать подходящий камень.

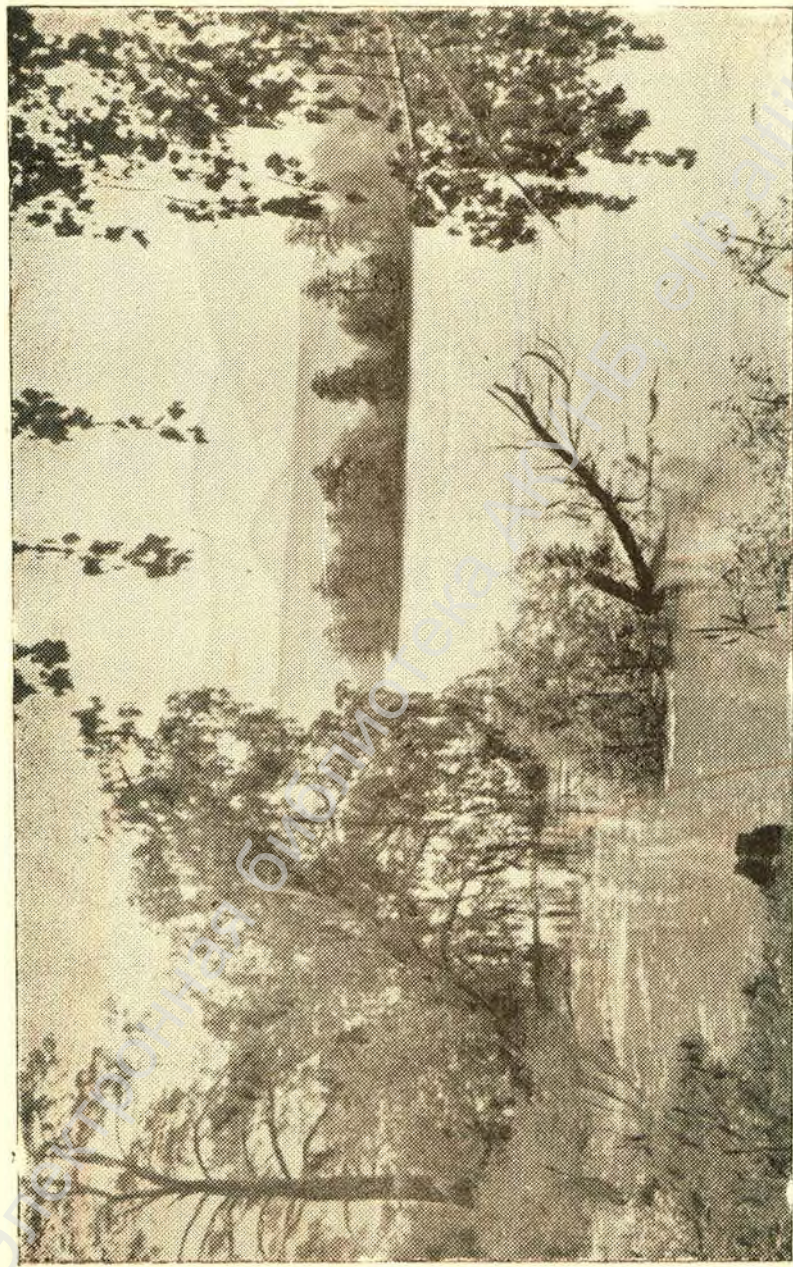
— Найда! Найдочка! — испуганно вскрикнула Тамара.

Из серых сумерок бросилась к девочке маленькая чёрненькая собачонка.

— Ух, глупышка, обозналась? — укоризненно спрашивала девочка. Найда, очевидно, сама чувствовала, что допустила большой промах. Она виновато махала хвостом и, припадая на брюхо, ластилась у ног Тамары.

Окна оказались задёрнутыми свеженькими кремовыми занавесками. Как ни старайся, а сквозь них ничего не увидишь. И щелочки никакой нет. Однако, Тамара и тут нашла выход. Она первой догадалась, что можно стать на прикрытую фанеркой кадучку с водой, припасённую на случай пожара, и тогда всё будет видно в комнате.

— Подсади! — попросила она и согнула в коленке ногу. Боре самому хотелось заглянуть в комнату, но не затевать же с девочкой спор, а вдвоём на кадучке не уместиться. Мальчик помог, и Тамара с кошачьей ловкостью взобралась на верх кадучки. Чтобы лучше видеть, привстала на цыпочки. Её остроносое личико, озарённое падающим из окна светом, было полно любопытства. Девочка, казалось, не дышала. Нинушку с Борей тоже разобрало любопытство.

Пейзажи родного края.

Разлив на реке Катунь

Фото М. Савица.

— Ну, что там? Говори, — нетерпеливо шептали они снизу.

Но Тамара лишь отмахивалась ладонью опущенной руки: дескать, не приставайте, потом... и клонилась ближе к стеклу.

— Ух, воображуля... — обиделась Нинушка, а Борю взяло нетерпение. Он схватился за борта кадлушки, подпрыгнул и сдвинул фанеру. Тамара качнулась, оступилась. Фанера затрещала, Тамара громко взвизгнула и, падая, тщетно пыталась ухватиться за раму окна.

Нинушка заревела и побежала, сама не зная куда. Боря шагнув в кусты, но сообразив, что Тамара барахтается в кадлушке, решил ей помочь. Только он схватил девочку за руку, как с шумом распахнулась рама, и Боря опять нырнул в кусты. Уже оттуда он видел, как курчавый, белокурый человек в майке выпрыгнул в окно.

— Как же тебя занесло сюда? — озабоченно спросил он, выхватывая Тамару из кадлушки.

Девочка в ответ только хныкала.

— Зайдём-ка в комнату. Вид у тебя, кажется, неприглядный. Воды не глотнула?

Они скрылись за углом, а Боря подошёл к окну. Вот так оказия случилась. Доегозилась... Ребятам рассказать, смеху будет. Ну, конечно, это он, который днём подходил. Новый учитель. Мальчик постоял в задумчивости с минуту и пошёл домой. Нинушка теперь, конечно, уж дома.

А Тамара в это время сидела на стуле посреди комнаты и, опустив голову, смотрела себе в колени. С прилипшего к телу платья звучно падали на чистый сосновый пол капли воды. Их уже столько напало, что вокруг стула образовалась полоса. Капли даже выкатывались из волос девочки, скользили по лбу и щекам, висли на подбородке. Тамара временами смахивала их ладонью, но они появлялись опять.

— В каком же ты классе учишься? — спросил учитель.

Когда Дмитрий Петрович повторил свой вопрос, девочка робко прошептала:

— В четвёртый перешла. — Она вдруг вскинула голову и быстро забормотала: — Мы ничего плохого не хотели, не озорничали. Мы только хотели узнать, вы это или не вы.

— Ты боевая, оказывается. А вот подсматривать в окна — нехорошо: можно было в дом зайти познакомиться. — Учитель скупо улыбнулся и, подойдя к этажерке, взял из горки тетрадей верхнюю.

— Валерия Серова знаешь? — спросил он, переводя испытующий взгляд с тетради на девочку.

— Валерку-то? Мы его только сейчас видели. Они с Андрейкой на большак зачем-то пошли.

— На большак? — тревожно переспросил учитель и положил тетрадь на место. Лицо его помрачнело, будто тенью покрылось.

- Ну да... мы им кричали...
- А где он живёт? — перебил учитель.
- В том конце! — девочка бойко махнула рукой. Она, видимо, совсем освоилась, забыла про кадушку и про платье.
- Пойдём к ним! — Учитель быстро снял с вешалки свой пиджак.

КТО ВИНОВАТ

Школа в деревне только начальная, и поэтому ребята с пятого класса учились за тридцать километров, в большом селе Боровом. Жили там в интернате и домой наведывались только по праздникам да на каникулы. Мать Кости Елистратова, лёнькиного двоюродного брата, уже готовилась к проводам сына: пекла каральки, сушила и сыпала в мешок сухари, сбивала масло. Костя чувствовал себя важно, всем говорил: «Вот скоро уеду». Как бы грозил кому-то.

Перед вечером Костя зашёл к Лёньке. Мальчик встретил брата с уважением, прямо почтительно. Да и как можно иначе встретить, если Костя изучает ботанику и вторую зиму будет жить один, без отца и матери, вроде как солдат. Костя же такое отношение к себе принимал как должное. Усаживаясь на завалину, он сказал:

— Давай последний раз сходим на рыбалку с ночевой, — и, косясь на раскрытые окна, шёпотом добавил: — У отца пороху отсыпал и трубку хорошую достал... Бахнем там. Только ты Шурику не говори, а то обязательно увяжется. Возня с ним одна.

Легко сказать это, но как утаиться от Костиного шестилетнего братишки? Этот лобастый, не по-детски серьёзный мальчишка, кажется, всё знает и видит. Не успели Костя с Лёнькой как следует договориться, а он тут как тут. Разыскал. Начал приставать с расспросами. Насилу отговорились. Долго пришлось ждать, пока Шурик забудет про рыбалку.

Когда вышли из дому, из-за бора тихо выплывали громоздкие тёмные облака. Они скрыли солнце, и утомлённая зноем степь лежала в мягком розовом полумраке. Лёнька спустился в глубокую, уходящую к реке, балку. Здесь было сумеречней, прохладней. Из-под ног с треском, брызгами, разлетались кузнечики. Среди пырея и жёлтого донника лохматыми шапками возвышались кусты шиповника и волчьей ягоды. Пышно цвела мальва. Любуясь её бледнорозовыми цветами, Лёнька остановился, потом обратился к Косте:

— На огороде посадить — будет расти?

— Кто её знает, может и будет.

Лёнька испытующе взглянул на Костю и с укором заметил:

— Ботанику изучал и не знаешь?

— Ну и что же, что изучал. Нам про это не говорили.

— А что же говорили?

— Да всякое-разное. Про клетки какие-то, в них зёрна. От солнышка они зеленеют. Я уж забыл, — признался Костя.

— А я ни за что бы не забыл, — уверенно заявил Лёнька. — Вот зимой про жизнь Тимирязева читал, так и сейчас могу всё рассказать.

— Да что ты пристал, как Шурка наш? — рассердился Костя, привыкший к почтительному отношению брата.

Лёнька насупился, засопел, а потом раздражённо бросил:

— Возьми свои удочки. Тащишь, как барину. — И, к удивлению Кости, бросил удочки прямо в траву.

До реки шли молча. Лёнька хотя был меньше, но шагал так проворно, что Костя с трудом поспевал за ним. Лёнька никак не мог успокоиться. Учится тоже, а ничего не знает. Только хвалится.

Узкая тропинка долго едва приметно шныряла в траве, кустарнике и, наконец, выскочила на высокий глинистый берег реки.

Лёнька много знал мест хорошего клёва рыбы, но сегодня решил пойти к гремучему ручью. Для этого надо было спуститься под обрывистый берег и пройти низом до двух старых кудлатых ракут. Ударяясь о их замшелые, прозеленевшие стволы, здесь в речку вливался прибежавший откуда-то из бора маленький ручей. Лёнька любил его за бойкое, неутомимое веселье. Всё ему нипочём. Неустрашимо прыгает через камни, коряги, хитро мнует бугры и звенит, звенит. Даже декабрьские морозы с трудом побарывали его. Вода в ручье была свежей, вкусной и такой прозрачной, что она никак не смешивалась с речной. Так и лежала широкой светлой полосой, точно дорога посреди реки.

Здесь, в глубокой тёмной заводи, водились крупные язи, щуки, окуни, чебаки, а на берегу лежали выброшенные половодьем большие кучи сухого, как порох, камыша. Точно кто специально заготовил его для костра рыбаков.

Лёнька положил на камыш фуфайку, котелок, удочки и бросил в гладкую, будто застывшую воду, для приманки несколько горстей пшена. Потом отправился копать червей.

Костю он даже не замечал. И тот чувствовал себя неудобно. Долго бесцельно топтался на берегу, потом стал разматывать удочки. А когда Лёнька вернулся с полным котелком чёрной земли, в которой, как резиновые, вытягивались розовые черви, Костя вынул из кармана небольшую медную трубку. Один конец её был расплюсчен, а другой крепко забит деревянной пробкой.

— Полную насыпал. Вот бахнет, так бахнет.

Лёнька неторопливо, как бы с неохотой, взял трубку, внимательно осмотрел её и, подобрев, скупно улыбнулся.

Забросили удочки, и с этого времени для ребят ничего, кроме поплавок, не существовало. С замиранием сердца каждый ждал, жогда клюнет. Тут уж не зевай. Не успеешь подрезать, рыба сни-

мет червяка и уйдёт. Но время текло, а самодельные камышовые поплавки лежали мёртво, будто вмёрзли в воду. Не клевало и у Кости. Лёнька взглянул на него и невольно улыбнулся. Сидя на куче камыша, он, согнувшись, так устремился вперёд, к поплавкам, что, казалось, вот-вот нырнёт в воду. Его тонкая шея стала длинней и ещё тоньше.

У круговины густого камыша тяжело бултыхнулась рыба. «Играет, а на крючок не идёт», — с досадой подумал Лёнька, глядя на свои поплавки. Они попрежнему были недвижимы. Но почему их только три, а где ещё один? И вдруг конец четвёртого поплавка вынырнул из воды и опять нырнул. Не помня себя, Лёнька метнулся к удилице и, как на грех, не смог его сразу схватить. Потом рванул, леска натянулась, и над водой пружиной взлетела серебристая рыба. Она описала дугу и у самого берега упала опять в воду. Лёнька ошалело бросился на рыбу, но она, виляя хвостом, ушла в глубину. Ох и здоровущая! Стоная и крикая с досады, Лёнька вышел на берег. В ботинках хлопала вода, мокрые до колена штанины потемнели и липли к ногам. Костя, бросив свои удочки, молча стоял рядом, растерянно моргая белёсыми ресницами. Потом упавшим голосом сказал:

— Ушёл... Язь...

Лёнька отбросил ногой сломанное в суматохе удилице и, озорно блеснув глазами, сказал:

— Давай стрелять. Такой взрыв устроим!

Костя востроился, точно в себя пришёл, и сразу принялся за дело. Положив в сторонке два камня, он зажал между ними трубку с порохом. Лёнька принёс большую оханку камыша.

Когда всё было готово, ребята отыскивали укрытие — глубокую, выбитую весенней водой яму.

— Ты за подрывника будешь. Только не зевай. Подождёшь — и сюда, — предупредил Костя.

Лёнька достал из кармана спички, опустил на колени.

— С краю поджигай! — поучал Костя, а сам незаметно пятился к яме.

Лёнька чиркнул спичку. Как только огонёк перескочил со спички на камыш, у Лёньки задрожали руки, по спине побежали мурашки. А огонь сразу заплясал, зашуршал сухим камышом.

— Беги! — кричал Костя, то высовываясь из ямы, то скрываясь в ней с головой.

Лёнька бежал изо всех сил. А за спиной, казалось, вот-вот рванёт. И тогда всё. Убьёт! Лёнька с разлёту нырнул в тёмную яму, ткнулся головой в грудь Кости. Жадно глотая воздух, лежал недвижимо.

— Сейчас... — шептал Костя, всё ниже прилегая к земле.

Было удивительно тихо. Казалось, всё насторожилось, замерло в ожидании взрыва. Лишь костёр трещал и густо сыпал в тем-

носизый вечер искры. И вдруг в этой напряжённой тишине раздался торжествующий голосок:

— Думали, не найду?

Удивлённые до крайности ребята выглянули из укрытия. У костра преспокойно стоял Шурик. Костя вскочил, замахал руками. Открыв рот, хотел что-то сказать или крикнуть, но вдруг сжался, как от удара, и, закрыв руками голову, поспешно сел.

— Спрятались! — радостно вскрикнул Шурик и засмеялся.

— Сюда! Убьёт! — не своим голосом закричал Лёнька и, не помня себя, бросился к Шурику.

А костёр всё больше разгорался, всё выше взлетало живое сплетение языков пламени, разгоняя сгущающуюся темноту. Лёнька бежал изо всех сил. Он не думал об опасности, о страхе. Только одна мысль владела им — спасти Шурика, который, ничего не понимая, удивлённо смотрел большими глазами то на Лёньку, то на костёр.

— Убьёт! Глупый! — задыхаясь, крикнул Лёнька и схватил Шурика за ручонку. Отбежав в темноту, Лёнька споткнулся. Падая, увлёк за собой Шурика. В это время в костёр точно грохнулось что-то огромное. С оглушительным взрывом подпрыгнуло и метнулось в сторону пламя. Неуклюже ковыляя, мимо ребят скатился по склону камень, сердито зашипел в воде. Стало необыкновенно темно. Лишь высоко вверх сверкали золотые искры, кружились и медленно, будто нехотя, оседали на кусты и чёрную воду. Крикали испугнутые утки.

Лёнька, шатаясь как пьяный, подошёл к костру, бросил в него охапку камыша, а сам, сев подле, начал снимать мокрые ботинки. Шурик тоже медленно подошёл к костру. Бледный, он дрожал как в лихорадке.

— Ты зачем пришёл? Кто тебя просил? — Костя зло сверкнул глазами. — Проболтнись только дома... Шкуру спущу. — Для убедительности своих слов Костя ткнул в бок братишку. Тот вдруг громко заревел.

— Чего ты к нему пристал? — Лёнька грозно встал против Кости. — Сам виноват, а пристаёшь. Кто додумался взрыв устраивать? Вот убило бы...

— А ты чего суёшься? Чего тебе надо?

Лёнька показал зажатый в руке ботинок, и Костя сразу смолк.

— Пойдём, Шурик, домой. Нечего тут делать. — Лёнька обулся, наскоро смотал удочки, набросил Шурику на плечи свою фуфайку, и они пошли. Дорогой Шурик долго не мог успокоиться. Нет-нет, да и всхлипнет. Где-то позади, в темноте, шагал Костя.

В деревне было тихо. Лишь у конторы правления колхоза внимание ребят привлекли столпившиеся женщины. Они плотно окружили сидевшую прямо на ступеньке крыльца мать Валерки. Здесь же стоял председатель колхоза.

— Да что же это? — подняв скорбное, залитое слезами лицо,

спрашивала мать Валерки. — Глупый он, всякое может случиться... И машиной может задавить, и вехорошим делам научиться. Попадёт в такую компанию.

— Да ты успокойся, Евдокия. Может, он никуда не делся. Тут где-нибудь, — успокаивали её женщины.

«Валерка убежал», — догадался Лёнька.

СБЕЖАЛИ

Утром, когда река ещё курилась тёплой молочной испариной, около конторы колхоза остановилась трёхтонка. Шофёр, круглолицый, здоровенный парень в замасленном комбинезоне, размашисто захлопнул кабину, шагнул через несколько ступенек на крыльцо.

В конторе в этот ранний час всегдалюдно. Колхозники приходят сюда решить перед началом трудового дня неотложные вопросы, посоветоваться.

Легко раздвигая могучими плечами народ, шофёр прошёл к барьеру, облокотился на него.

При виде незнакомого человека колхозники притихли, а председатель встал на пороге своего кабинета, скребя пальцами щетинистый подбородок, вопросительно поглядывал на вошедшего.

«Не подкрепление ли район подослал на хлебозаготовки?»

— Я из «Степного орла». Вот какое дело... — Шофёр рассказал, что вчера «подбросил» до станции двух мальчишек. — Просились слёзно. Говорили: едут в Новосибирск, в гости к родным.

— Наши, — заметил в тишине Савилов.

— Вы уж извините, — смущённо сказал шофёр, — не знал я, а то ни за что бы не взял.

Теперь всем стало понятно, что Валерка с Андрейкой сбежали. Об этом заговорила вся деревня, а Виктор Сергеевич ещё раз позвонил в милицию.

Светловым эту новость принесла соседка Семёновна, которая каждое утро ходит к ним пропускать на сепараторе молоко.

— Подумать только, родителям-то какая болезнь, — качала она горестно головой.

— И не говори, — согласилась бабушка. — Наш вот иной раз запропаستится куда-нибудь, так места себе не находишь. Всякое в голову лезет. А тут убежать за тысячи вёрст. — От этой мысли бабушке, видно, стало не по себе. Она сокрушённо всплеснула руками и опустилась на лавку.

Завтракая с отцом, Боря делал вид, что разговор его не касается.

— Борис не побежит, — сказал вдруг Фёдор Иванович. — Он с понятием. Вот скоро овец тонкорунных заведём. Дела-то и пойдут у нас. — Фёдор Иванович пристукнул по столу и, выставя

вперёд бороду, вопросительно посмотрел на сына, как бы спрашивая: правду ли он говорит.

Боря молчал, всё ниже склоняясь над тарелкой. Да и что скажешь? Ведь он тоже бежать собирался.

В общем ребятам теперь хоть куда не показывайся. Каждый встречный смотрит недоверчиво, будто подозревает в чём нехорошем. Ребята притихли, насторожились.

Тамару же этот случай привёл в полное смятение. Слышанное ли дело, убежать из деревни?! Девочка плохо спала. Поднялась чуть свет. Обежала подруг, побывала у Бори, а потом её увидели с новым учителем. Девочка вела его к Андрейкиной матери. Тамара безумолку говорила, размашисто жестикулировала.

Она рассказала, что мать Андрейки работает в колхозе бухгалтером. Муж у неё погиб на фронте, когда Андрейке года не было.

— А Галина Васильевна знаете какая? — спросила Тамара, заскакивая наперёд Дмитрия Петровича. — Её все любят. У неё столько женихов находилось, только она всем отказывает, разговаривать даже не хочет. Говорит, мне сына воспитать надо. А вот тут она живёт, — заключила Тамара, показывая на маленький новый домик, густо оплетённый вьюнами и буйным хмелем.

Полная женщина в голубом длинном халате гладила бельё. Белое, с прямым маленьким носом лицо выглядело усталым, глаза воспалёнными и грустными. На вошедших она бросила короткий, почти безразличный взгляд.

— Здравствуйте. Я — новый учитель. Пришёл насчёт вашего сына. Как же это получилось, Галина Васильевна?

— Сама не пойму, как случилось. Тамара, подай, пожалуйста, стул, — тихим голосом попросила хозяйка и сняла с подставки утюг. — Я всю ночь не спала. Всё думала. О том, что Андрюша убежал, я сильно не беспокоюсь. Никуда он не денется, не в Америке. — Галина Васильевна плавно качнула головой. — У него нехватило решительности отказаться. Пригласи его Валерка на Кавказ или куда-нибудь на Север — тоже не отказался бы.

— Тётя Галя, блузка! — Тамара, как ужаленная, подскочила к столу.

— Ох, — Галина Васильевна с виноватой поспешностью подняла утюг, — расстроилась я. Не знаю, как и работать сегодня буду.

— Ой, как сильно! Совсем испортили, — сокрушалась Тамара, рассматривая белую батистовую блузку с коричневым отпечатком утюга. Галина Васильевна равнодушно отбросила в сторону блузку и опустилась на стул.

— Маленьким был — голоса, бывало, не подаст. Целыми днями сидит в кровати, глазёнки таращит. Всем доволен. Другие из сил выбиваются с ребяташками, а у меня как будто его нет. Подрос — стал безразличным, сам ничего не затеет, не приду-

мает, всем подчиняется. Шурик Елистратов на четыре года моложе, в школу ещё не ходит, а командует им как хочет. Как-то заставил в колодец спуститься. Мой плачет, но лезет. Чуть не утонул.

— Надо развивать в нём инициативу, любовь к чему-нибудь определённомu привить, — посоветовал Дмитрий Петрович.

— Пробовала, но ничего не получается. Может, это от неумения моего. А посоветоваться не с кем. Ираида Александровна, прямо скажу, мало ребятами интересовалась. Купила я ему как-то «Конструктор», так этот же Шурка выменял его на клетку с чечёткой.

— Может, он птицами интересуется? — оживлённо спросил Дмитрий Петрович.

— Птиц он любит. Три скворешни сам смастерил. Всё лето глаз с них не спускает.

— Вот видите, оказывается, есть у него интерес, — учитель, довольнo улыбнулся. — Вы, Галина Васильевна, не убивайтесь. Я хоть и не видал вашего Андрейки, но уверен, что он неплохой мальчик. Ведь в каждом ребёнке есть прекрасные качества, и надо уметь их развить.

— Хочется, чтобы он был настоящим человеком, с горячим сердцем, с чуткой душой.

— Это зависит от нас с вами.

Галина Васильевна облегчённо вздохнула:

— Спасибо вам. Побеседовали — и легче стало.

Брови Тамары радостно прыгнули.

— Да мы его всем отрядом воспитывать будем! — звонко вскрикнула она. — Тётя Галя, вы только успокойтесь, — просяще заключила девочка.

— Кипяток... — Галина Васильевна одобрительно потрепала девочку по плечу.

Когда вышли на улицу, Тамара негодуяще сказала:

— Я бы этому Валерке не знаю что сделала. Сманил Андрейку...

— Плохой мальчик?

— Валерка-то? Так-то он ничего. Знаете он как рисует? Не как мы — выводим. Прямо махает карандашом — здорово получается. Наверное, правдашним художником станет.

— Секретарём комсомольской организации твоя сестра?

Тамара утвердительно затрясла головой:

— Тоня. Её единогласно выбрали. Знаете, как она речи говорит? Она строгая. Комсомольцы из клуба стесняются провожать её. Одна ходит.

Слушая девочку, Дмитрий Петрович улыбался.

Днём учитель побывал у Валеркиной матери, Виктора Сергеевича, а на заходе солнца пришёл к Кошелевым.

В калитке на него стремительно налетела Тамара, точно с при-

вязи сорвалась. Ткнувшись в выставленные руки Дмитрия Петровича, девочка испуганно отпрянула. Учитель! Вот так натворила! Стыдливо краснея, она вдруг бросилась в коридор. И только там догадалась, что Дмитрий Петрович пришёл к Тоне. Прячась за косяк, крикнула:

— Она дома!

Посреди просторной кухни Дмитрий Петрович увидел девушку с мохнатым полотенцем в руке. Очевидно, она только умылась: крутой загорелый лоб обрамляли мокрые и поэтому более тёмные колечки волос. На розовой мочке маленького ушка, точно сверкающая серьга, висела водяная капля.

На первый взгляд девушка, кажется, ничем не отличалась от других. Выделялся, пожалуй, её необычно стройный стан в лёгком розовом платье, чёткий прямой носик да большие открытые глаза. Они смотрели на вошедшего внимательно, изучающе, но временами в них едва уловимо мелькало что-то озорное, лукавое.

— Я, кажется, не во-время?

— Почему же? — Тоня подала учителю маленькую сильную руку. Наша «коза» вчера весь вечер о вас тараторила.

В это время из-за плеча Тони выглянули испуганно-диковатые глаза Тамары.

— Очевидно, заслужил таких разговоров. У смерти из лап её выхватил. — Дмитрий Петрович улыбнулся, а глаза Тамары поспешно скрылись. Тоня засмеялась, и всё неузнаваемо изменилось в ней. На неё смеющуюся хотелось смотреть и смотреть. И почему-то казалось, что человек с таким смехом не может иметь дурных, неискренних мыслей.

— Сегодня Виктор Сергеевич просил познакомиться с вами. Но...

— Я опередил. — подхватил учитель.

Тоня опять засмеялась и сказала:

— Чего же мы остановились? Пойдёмте в комнату.

Тамара, разжигаемая любопытством, первой проскочила в уютную боковушку сестры. Смирненно уселась на подоконник. Весь её вид говорил: «Я тихо буду сидеть». Девочка даже по-старушечьи подпёрла ладонью щёку и покорно опустила глаза. Но всё это не помогло. Когда Дмитрий Петрович, присев, повернулся к этажерке, Тоня выразительно показала сестрёнке взглядом на дверь. Что тут делать? Притвориться, что не поняла? Хуже может быть. Сестра не постесняется сказать при учителе «выходи». Обиженная Тамара неохотно поднялась и, с досады показав сестре язык, вышла. Секреты какие-то. Наверное, будут договариваться, как Валерку поймать? Тётя Евдокия совсем в постель слегла.

Расстроенная Тамара постояла на крыльце, вышла к воротам. Улица была пустынной и тихой. Неподвижно висело над дорогой золотистое облачко пыли. Вдруг лицо девочки оживилось: из рас-

пахнутого окна Тониной комнаты явственно слышался басовитый голос учителя.

— Педагог я молодой, без опыта, а в обстановку сложную попал. Вот и пришёл к вам за помощью.

«Что же Тоня скажет?» — Тамара быстро, на цыпочках, перебежала на другую сторону палисадника. Отсюда окно было совсем рядом. Можно, конечно, пробраться в палисадник и сесть под окном. Ну, а вдруг увидят? Стыдно будет перед новым учителем. Он ведь говорил — подслушивать нехорошо.

— Неопытная в этом деле, Дмитрий Петрович. Просто не представляю, как воспитывать детей. Мы вот с одной замучились. Вы думаете она сейчас где? Определённо под окном подслушивает.

Тамара шарахнулась за угол. «Прямо как ведьма, всё знает».

Успокоясь, Тамара опять начала приближаться к окну. Говорила Тоня:

— Мне кажется, заинтересует ребят и наш опытник Сергей Кузнецов. Скороспелые сорта арбузов выводит, дыню на тыкве выращивает.

— Конечно, — согласился Дмитрий Петрович.

Чтобы лучше слышать, Тамара сделала ещё несколько шагов. Но в это время, как на грех, послышался голос Нинушки. Она бегом пересекла улицу. Вот некстати несёт! Тамара отскочила в сторону, приложила палец к губам:

— Тс-с-с. У нас новый учитель, Дмитрий Петрович. С Тоней советуется.

— Правда? — Лицо Нинушки стало удивлённым.

— Пойдём отсюда, а то подумают, что подслушиваем! — предложила Тамара.

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Приближалось первое сентября. Мать Бори вынула из сундука синий сатин и предложила бабушке:

— Сшей внуку рубашку.

Старуха сразу принялась за дело. Достала с часов очки, вздела их на большой бугристый нос и начала кроить по старой рубашке. Потом шила и ворчала — никак не могла справиться со швейной машиной. Машину недавно купили, все её хвалили, говорили, что она действует взад и вперёд. Но бабушка никак не могла к ней приловчиться, и машина петляла. А в общем рубаха получилась замечательной. Бабушка даже, по просьбе Бори, пришла с левой стороны на груди карманчик. Он-то больше всего и нравился мальчику.

Каждый вечер, ложась спать, Боря считал по пальцам дни, оставшиеся до начала занятий. И вот пришел вечер, когда считать стало нечего — завтра в школу. Мальчик сложил в портфель тетрадки, учебники, ручку с пером, карандаши, заправил чернильни-

цу-непроливашку и всё просил бабушку и мать разбудить его пораньше.

— Разбудим, не беспокойся. Ведь тебе к девяти часам? — спрашивала с улыбкой бабушка.

Утром Борю будто в бок кто толкнул. Мальчик сквозь сон подумал, что бабушка или мать его будят. Открыл глаза — в комнате утренний полумрак и все спят. Повернулся на другой бок и увидел себя шагающим в школу. Один идёт. Обычно он заходил за Валеркой. С ним они два года сидели за одной партой. Но ведь Валерки нет, наверно, к Сталинграду уже подъезжает. Теперь разве за Лёнкой зайти? Он тоже по пути.

Когда бабушка звякнула на кухне ведром, Боря встал.

— Куда ты, полуношник? — удивилась старуха.

Мальчик молча выбежал во двор. На траве, на поблекших листьях обезглавленных подсолнухов лежала холодная роса. Лучи невидимого солнца румянили верхушки крыш. Было так свежо, что по телу сразу побежали мурашки. Ежась, мальчик заскочил в сени и начал умываться. Вода в умывальнике холодная, но приятная — сон как рукой снимает. Боря с удовольствием пенил на ладонях пахучее розовое мыло. Когда чистил пропитавшийся нафталином костюмчик, на улице послышались голоса. Мальчик с пиджаком и щёткой выбежал за ворота. Тамара с подружками идёт... Все нарядные. У Тамары платье с большими яркими цветами, в косичках широкие алые ленты, а на ногах новые жёлтые полуботинки. Так и блестят на солнце. Девочка ступает осторожно, необычно высоко поднимает ноги: то ли боится запылить обнору, то ли показать её всем хочет.

— Засоня! — укоряюще кричит с дороги Тамара и показывает язык.

— Да я пораньше твоего встал, — обороняется Боря и, чтобы досадить девочке, добавляет: — Утопленница!

Тамара приостановилась, бросила на Борю сердитый взгляд, потом со смехом махнула рукой и пошла дальше.

Боре уже не до завтрака. Напрасно бабушка доказывала, что времени ещё мало и скоро будут оладьи готовы.

— Может, они стояли, — говорит про часы мальчик, наскоро выливая стакан парного молока.

— Чудак человек, да и по радио только что говорили: семь часов тридцать минут.

Стукнув о стол опорожнённым стаканом, Боря схватил вортфель и отправился.

Уж если говорить, кто засоня, то это Лёнка. Когда пришёл Боря, он, видать, только поднялся. Заспанный, отмывал ноги, поставив их в таз с тёплой водой и ожесточённо натирая намыленной мочалкой.

— Всё лето не мыл, а теперь отмыть зараз хочешь? — замечает

Лёнькина мать, сея над столом муку. Сито, пощёлкивая, пляшет у неё между ладоней.

Лёнька пыхтит с досады, затем сердито бросает в таз мочалку, на глазах появляются слёзы.

— Не буду мыть и в школу не пойду. Не пойду и всё!..

Боря сидит на лавке, положив на колени портфель. От слёз товарища он беспокойно задвигался: неужели Лёнька не пойдёт? Он в самом деле может не пойти. Он такой. Однажды задали выучить стихотворение наизусть. Лёнька выучил, перед уроком барабанил, а когда спросили — не ответил. После признался: учительница не первым его спросила.

Мать молчала. Лёнька постоял над тазом и опять взялся за мочалку.

Когда Лёнька, наконец, собрался и ребята вышли огородом на берег реки, солнце поднялось высоко и так ласково пригрело, что чёрный козёл, прислонясь к стенке, блаженно закрыл глаза. В другое время Лёнька не преминул бы потурить своего исконного недруга, но сегодня было не до него.

С крутого берега реки сразу стала видна школа, прикрытая обвислыми, чуть побагровевшими ветвями берёз.

Зелёная поляна перед зданием школы так расцвела, что у ребят в глазах заестрело. Синие, красные, белые, голубые цвета сливаются... Доносятся звонкие голоса.

— Все собрались. Опоздаем, — тревожно говорит Лёнька и пускается бежать.

— С тобой, конечно, опоздаешь. Копун какой-то, — замечает Боря.

Лёнька молчит. В ранце, за спиной, у него всё время что-то брякает.

— Со мной сядешь? — спрашивает на бегу Боря, стараясь взглянуть в обеспокоенное лицо товарища.

УРОК НАЧАЛСЯ У КРЫЛЬЦА

Этот день, видно, для всех был необычный.

Ефремовна, в новом ситцевом платье с горошками, дежурила у крыльца. Лицо у неё строгое, но в глазах теплилась добрая усмешка. Из-под серенького платочка виднелись редкие, с проседью волосы. Они причёсаны гладко.

— Это зачем тебя понесло? — с напускной строгостью окринула старушка мальчугана, взбирающегося на беспорядочно сваленную кучу дров. — Ишь какой пряткий.

— Нельзя, нельзя, — говорила она другому, пытающемуся проскочить в школу. — Как позвоню, тогда. — Старушка поднимает руку с ярким медным колокольчиком.

Чуть в стороне принаряженную Софью Андреевну окружили

первоклассники. С ними совсем беда. Малышей никак не удаётся проверить по списку и выстроить по двое. Они то молчат, то начинают говорить хором. Софья Андреевна терпеливо объясняла, что учиться они будут с обеда, но малыши никак не хотели расходиться по домам и всё плотнее жались к учительнице.

Из школы на крыльцо вышел Дмитрий Петрович, а за ним парторг колхоза. Лицо учителя торжественно-деловитое. Костюм старательно выглажен и кажется совсем новым. Серый галстук делает Дмитрия Петровича важным и необычным.

Впалые, чисто выбритые щёки парторга отливают синевой. Учитель и парторг, о чём-то разговаривая, кивали головами, улыбались. Но вот Дмитрий Петрович поднял руку. Все понимают, что это означает. Спадает шум. Разгорячившимся говорунам ребята сами напоминают о порядке.

Больше сотни пар серых, чёрных, голубых глаз останавливаются на учителе. Это, видимо, взволновало его.

— Ребята, — прерывающимся голосом сказал он и прокашлялся, — сейчас вы зайдёте в свои классы — и не узнаете их. Вам будет приятно.

Чтобы было приятно не только сегодня, завтра и послезавтра, а весь год, надо очень бережно относиться к мебели: не ломать и не резать её, не царапать полов и стен, не забивать гвоздей.

Много миллионов ребят разных городов и сёл нашей страны придут сегодня в школу. Всем им приготовлены хорошие классы, парты, учебники, тетради, карандаши.

Поздравив ребят с началом учебного года, Дмитрий Петрович сказал:

— А теперь послушайте Виктора Сергеевича.

Парторг решительно вскинул голову, шагнул вперёд. Зашевелившиеся было ребята опять притихли, насторожились.

— А чего он будет говорить? — прошептал Лёнька, толкая в бок Боря. — Как вроде учитель?

— Тише! — прошептал Боря. — Он, может, не меньше любого учителя знает. Видал, сколько у него книжек?

— Я хочу немного рассказать вам об Алтае, — просто, точно в душевной беседе, сказал Виктор Сергеевич. — Его часто называют голубым. А почему? — вопросительный взгляд парторга прошёлся по толпе. Ребята задумались. В самом деле, почему? «На Алтае много гор и, наверно, они летом кажутся голубыми», — подумали некоторые, но сказать об этом не осмелились.

— Плохо вы знаете свой родной край, — укорил Виктор Сергеевич. — На Алтае очень много солнца. Почти круглый год над нами сияет голубое небо. У нас столько же ясных, солнечных дней, сколько их на юге, в Крыму.

— Я так и знала! — раздался вдруг звонкий голос Тамары.

Все засмеялись, а Лёнька критически заметил:

— Знала, а молчала.

Усмехнулся и Виктор Сергеевич. Но сбежала с его тонких губ улыбка, и ребята опять стали серьёзными, готовыми слушать без конца. А парторг начал рассказывать о богатствах Алтая. Раньше никому и в голову не приходило, что алтайская пшеница — лучшая в мире. А сколько здесь леса, дорогих металлов и камня, диковинных растений, зверей, мех которых называют «мягким золотом». Подумать только!.

Ещё удивительнее оказались люди Алтая. Парторг рассказал об изобретателе первой в мире тепловой машины Иване Ползунове, потом о Владимире Смирнове, который, защищая независимость Родины, так же как Александр Матросов, закрыл своим телом амбразуру вражеского дота.

Ребята услышали о славных делах многих Героев Социалистического Труда Алтая. А когда речь пошла об ученике Мичурина — лауреате Сталинской премии Михаиле Афанасьевиче Лисавенко, который «принёс» на Алтай сады, Лёнька, нетерпеливо расталкивая товарищей, пробрался к самому крыльцу и, задрав голову, не моргая, смотрел на Виктора Сергеевича. От чрезмерного внимания даже рот раскрыл.

— Теперь в нашей стране ведётся небывалое строительство. Весь советский народ сооружает на Волге и Днестре, в Крыму и Средней Азии громадные плотины и каналы. Они образуют новые моря, оросят миллионы гектаров земли. Гидростанции вырабатывают огромное количество электроэнергии для промышленности и сельского хозяйства.

Вместе со всеми трудится и Алтай, отправляя великим стройкам тракторы, дизельные моторы, лес, хлеб, мясо.

Ваши родители, братья и сёстры своим трудом тоже строят Сталинградскую и Куйбышевскую гидростанции, Волго-Донской и Туркменский каналы. А вы вот не хотите помогать взрослым, озорничаєте, убегаете из дома.

Под укоряющим взглядом Виктора Сергеевича ребята смущённо опустили головы, задумались. Всем стало ясно, что Валерка с Андрейкой совершили большую глупость. Убежали, а теперь красней за них.

— А как помогать-то? — нарушил напряжённую тишину Лёнька.

— Об этом вам расскажет Дмитрий Петрович.

Ефремовна радушно открыла обе половинки дверей, но у ребят пропало недавнее желание заскочить первым в школу. И только в классе они оживились. Тамара стрельнула взглядом по белым стенам, по серым, с прожилками, панелям, глянула на пол — в глянцевой поверхности видны её жёлтые полуботинки.

— Ой, как хорошо! Правда, не узнаешь класса? Нина! Нина...

Боря подошёл к своему месту. Парты чёрные, блестят, как новые. Мальчик откинул крышку, сел и тогда только догадался, что парта не та. На их парте Валерка ножом свои буквы вырезал, а

эта вся гладкая. Где её искать? А найти почему-то обязательно хотелось. Боря с Лёнкой обошли все ряды, но парта, отмеченная валеркиными буквами, как сквозь пол провалилась. Боря продолжал настойчиво откидывать крышки и, может быть, нашёл бы, если бы не Лёнка.

— А правда говорят, что Тоня Кошелева в этом году Героем Социалистического Труда станет?

Тамара засияла довольством, точно про неё говорили.

— В «Алтайской правде» писали, что наша Тоня — лучший комбайнер в крае, — сказала она.

— Говорят, вся первая бригада ордена получит: вон какой урожай выростили. Значит, и мой папа получит. Тогда у него пять орденов будет, — с гордостью заключил Лёнка.

В это время в коридоре несколько раз брякнул звонок и потом залился весело и торжественно. Казалось, он тоже хорошо отдохнул за лето. На какие-то секунды звонок всех заворожил. Смолкнув, ребята слушали и счастливо улыбались. Класс будто обезлюдел. Потом все разом заговорили, задвигались, выкладывая на парты тетради и учебники.

Тамара, подбежав к доске, положила на полочку мел, поправила тряпку, а потом просунулась в приоткрытую дверь — не идёт ли учитель. Не успела она сесть на место, в коридоре послышались твёрдые, быстрые шаги.

— Идёт! — полушёпотом пронеслось по классу, и учитель вошёл. Положив на край стола журнал, он придавил его пальцами, а сам, чуть наклонившись вперёд, изучающе посмотрел в лица стоявших ребят.

— Здравствуйте, садитесь! — наконец, сказал Дмитрий Петрович.

— Ух! — облегчённо вздохнула Тамара и не села, а как-то смаху плюхнулась на скамейку. Ей всё время казалось, что вот вот произойдёт что-то важное, необычное, а оказывается ничего не произошло. Учитель, глядя на неё, улыбнулся, и все заулыбались. Но это было только секунду, а в следующую Дмитрий Петрович спросил:

— Кто овец видел?

Ребята недоумевали.

— Где? — робко сказал Лёнка.

— Вообще кто видел овец?

Ребята переглянулись, и от парты к парте зашелестел тихий, а потом всё более смелеющий смешок. Кто ж их не видел? Овец много на колхозной ферме и у каждого во дворе есть.

— Значит, все видели? — немного выждав, спросил учитель. — Хорошо... Какую пользу они приносят человеку? — Взгляд учителя неторопливо пошёл по рядам парт и вдруг остановился на Тамаре. Девочка беспокойно двинулась, лицо охватил румянец.

Она смотрела вниз и чувствовала на себе взгляд учителя. Он ободрял и, казалось, говорил: скажи, ты смелая... И Тамара встала.

Двигая поднятую на ребро крышку парты, она заговорила быстро, точно рассказывала заученный урок.

— Овцы очень полезны потому, что от них люди получают шерсть. А из шерсти катают пимы, вяжут варежки, чулки... — Девочка, сжав плотно губы, вскинула вверх глаза, думая, какую ещё пользу дают человеку овцы.

— Ещё мы получаем от овец вкусное мясо, — подсказал учитель, — но давайте поговорим о шерсти. — Дмитрий Петрович вынул из кармана маленький бумажный свёрточек. Посмотрите...

Все привстали, но заметив, как похолодели глаза учителя опустили на места. Дмитрий Петрович развернул бумагу. В ней оказалось что-то белое, связанное наподобие крошечного снопика.

— Вата!

Учитель, передавая пучок на первую парту, отрицательно покачал головой.

— Это шерсть.

Но она мало походила на обычную, известную ребятам грубую шерсть. Длинные, тонкие, как паутина, нити были прочны и до того мягки, что почти не ощущались на пальцах, текли между ними, как мыльная пена.

— А вот овцы, от которых получают такую шерсть, — учитель поднял вверх большую цветную фотографию.

Ребята уставились на неё. Ну и овца! Тучная, на низких ногах, она вся заросла густой шерстью.

— Это овцы новой, тонкорунной породы. Они выведены у нас, на Алтае. Такие овцы вдвое, втрое больше грубошёрстных. Из тонкорунной шерсти текстильные фабрики изготавливают замечательную ткань для костюмов. Тонкорунные овцы в десять раз выгоднее грубошёрстных. В десять раз! — делая особое ударение на последнем предложении, повторил учитель. — Значит, одна такая овца может заменить десять на нашей колхозной ферме. — Учитель немного помолчал и шагнул от стола в проход между партами. — Наш колхоз скоро должен приобрести тонкорунных овец. Этого упорно добивается заведующий овцеводческой фермой Фёдор Иванович Светлов.

Ребята разом повернулись к Боре. Тот смутился, потупил глаза.

А учитель снова заговорил. И так увлекательно и горячо, что не заметил, как рассыпались по высокому загорелому лбу пряди волос.

Звонок на перемену показался всем неожиданным.

Пейзажи родного края.

На горном перевале.

Фото М. Саяна.

АГИТАТОРЫ

После уроков ребята не бросились, как бывало, врассыпную по домам. Тесно окружив Дмитрия Петровича, они засыпали его вопросами.

— Дмитрий Петрович, а как же?.. Были такие овцы, как у нас, а потом стали другими, тонкорунными? — упрямо допытывался Лёнька.

— Во-первых, Лёня, не вдруг и не из таких овец, как у нас. Вдруг ничего не делается... А, во-вторых, я сказал, что об этом буду подробно рассказывать на первом нашем отрядном сборе.

— Расскажите сейчас. — В глазах мальчика мольба.

— Сейчас, сейчас, — по-галочьи загомонили ребята, но учитель остался непреклонным.

Пожалуй, больше всех обрадовался тонкорунным овцам Боря. Мальчик беспредельно любил отца. А теперь он ещё более вырос в его глазах: ведь отец предлагает купить тонкорунных овец. Боре вдруг стали понятными разговор парторга с отцом у кошары, многие волнения отца и особенно в тот памятный вечер, когда он сказал: «Эх, Борька, мал ты ещё, ничего не понимаешь». Эти слова показались теперь обидными: почему же он, Боря, не понимает, что тонкорунные овцы в десять раз доходнее грубошёрстных. Ведь это очень просто: десять тонкорунных овец заменяют целых сто грубошёрстных. Вот здорово! Когда же их купят? Мальчику захотелось сейчас же увидеть отца.

За мостом Боря простился с товарищами и побежал пологим взгорком к ферме. Отец целыми днями там пропадал, к зимовке готовился. Иногда и про обед забывал.

Мальчик шагал серединой широкой улицы. На душе так и пело. Хотелось остановить каждого встречного и рассказать о сегодняшнем дне. Казалось, они всей школой поднялись на высоченную гору и увидели то, чего раньше никогда не видали. И теперь они, конечно, уже не мальчики, взрослым помогать будут.

Отца мальчик увидел издали. Он сидел на корточках у крылечка сторожки и тесал небольшие колышки. Новый топор сверкал в солнечных лучах, как стеклянный. На верхней ступеньке крылечка сидел парторг Виктор Сергеевич, писал что-то на кусочке доски. Они так увлеклись, что не заметили, как подошёл Боря.

— По моим подсчётам выходит, что тысяча пятнадцать надо, — сказал парторг, поднимая голову. — О, Боря, — парторг добродушно улыбнулся. Боря тоже улыбнулся.

— Хорошо занимались? Что нового узнали? Счастливым вы народ, каждый день вам рассказывают новое. Это, парень, ценить надо.

— Дмитрий Петрович про овец тонкорунных рассказывал

и про тебя, папа. Пал, а почему ты ничего не говорил про овец? Они в десять раз полезней грубошёрстных.

Фёдор Иванович, вогнав в чурбак топор, удивлённо глянул на сына, потом повернулся к парторгу.

— Слышишь, Фёдор Иванович? — спросил Виктор Сергеевич. — Так теперь по всей деревне говорить будут.

И парторг был прав.

Лёнька ещё по дороге домой придумал, как с наибольшим интересом рассказать матери об овцах. Переступив порог, он положил на лавку рюкзак и важно сказал:

— Мама, дай рубль, постричься. А то я зарос, как тонкорунная овца.

— Какая овца?

— Тонкорунная. Разве не знаешь? Тонкорунные овцы в десять раз выгоднее наших, — авторитетно заявил мальчик и начал рассказывать всё слышанное от учителя об овцах.

Нинушка Бардина, та прямо вся истомилась, дожидаясь мать и отца с работы. Пробовала об овцах рассказывать бабушке, но девяностолетняя старуха была туга на ухо.

НЕПРИЯТНОСТЬ

Фёдор Иванович съездил в район. Пробыл там два дня. Привёз много разных покупок, но больше всего книг. И почти все были про овец. Мальчик осторожно, с любовью, перелистал их, внимательно просмотрел фотографии, попробовал читать, но сразу же встретил много непонятных слов. Начал спрашивать их у отца. Тот охотно разъяснял. Фёдор Иванович был доволен поездкой. К вечеру сходил в приготовленную бабушкой баню. Когда пришла с работы мать, отец, потный, раскрасневшийся, с мохнатым полотенцем на шее сидел за столом и пил из большой синей кружки квас.

— Федя? — обрадовалась мать. — Как съездил?

— Хорошо, Ксюша. Всё обошёл, везде со мной согласны. Аркадий Николаевич прямо сказал: «Ты, говорит, Фёдор Иванович, смотришь вперёд. С разведением тонкорунных овец наш район отстаёт. Вот докажите маловерам важность этой замечательной породы».

Говорят, что раньше перед каждым собранием посыльные обегали несколько раз деревню, кричали под окнами: «Дядя Андрей, тётя Даша, на собрание! На собрание!»

Боря этого времени не помнит. Теперь в Зоринской оповещают народ совсем по-другому.

Утром в воскресенье, когда Боря, наслаждаясь ласковым, баюкающим теплом, лежал под одеялом, из репродуктора послышался голос:

— Внимание! Внимание! Говорит радиоузел колхоза «Вперед». Товарищи! Сегодня в клубе состоится общее собрание. Начало ровно в шесть часов вечера. Повторяю...

— Папа, на собрание! — радостно закричал Боря, вскакивая с постели.

Отец, подойдя к зелёному ящичку репродуктора, прибавил громкости. Запустив пальцы в бороду, внимательно прослушал объявление. Потом, взволнованный, закурил, прошёлся несколько раз по комнате, сел за книги.

— Ты как к экзамену готовишься, — шутливо заметила мать. — Переживаешь?

— А как же, дело не шуточное... Настоящий экзамен и есть.

Вскоре Боря убежал на улицу, а когда вернулся, отца уже не было.

— Как растаял, — обиженно ворчала мать, повязывая перед зеркалом платок. — К Виктору Сергеевичу, поди, отправился. А тебе, сынок, придётся подомоседовать. Если бабушка задержится, скотину встретишь.

Боря хотел возразить. Ему некогда. За ним сейчас зайдут товарищи. Всё уже договорено. Разве им не интересно побыть на собрании? Но мать не дала и рта раскрыть. Строго взглянув на сына, она сказала:

— Мне, выходит, придётся оставить собрание, сидеть дома, а ты отправись бегать? Так что ли? Сиди, пока бабушка придёт! — приказала она и, сердито хлопнув дверью, ушла.

Боря остался один. Походил по тихой комнате, заглянул на кухню. Эту бабушку вечно носит по гостям. Каждое воскресенье уходит.

Мимо окон то и дело проходили на собрание празднично одетые колхозники.

Вот показалась шумная гурьба девушек. Среди них выделялась своим нарядом Толя Кошелева. Весёлая она, а красивая какая... Так и хочется ей улыбнуться. Припав к стеклу, Боря тоскливо смотрел вслед удалявшимся девушкам. Издали они напоминали большой букет цветов. Боря тяжело вздохнул. В репродукторе зашипело и послышался голос:

— Матрёна Денисовна Золотухина! Через несколько минут начнётся собрание. Вы опаздываете.

«Ей не до собрания. С гусями, поди, возится», — подумал Боря, и мысли его перелетели в клуб. Веселье там теперь. Играет баян. Девушки поют и пляшут.

«Разве закрыть дверь на замок и уйти самовольно? Влетит от матери крепко». Боря вышел во двор. Здесь он нашёл интересное занятие. Привязав к концу толстого, прочного шпегата камень, раскручивал его и пускал вверх. Уходя в голубую высь, камень становился всё меньше и меньше, потом замирал на месте и с нарастающим свистом падал. Боре хотелось пустить камень так,

чтобы он совсем скрылся из вида. Для этого как раз подходил увесистый, скользкий голыш. Боря начал старательно раскручивать его. И тут произошло неожиданное. Камень сорвался, стремительно отскочил в сторону и — бах... в окно. Стекло жалобно зазвенело и посыпалось. Казалось, на мелкие кусочки разбилось и сердце мальчика. Бледный, он точно окаменел.

«Будет теперь жару», — с ужасом подумал Боря и, отыскав замок, торопливо запер дверь. Ключ положил в условленное место. «От бабушки больше всех попадёт, а сама виновата, не ходила бы по гостям».

Мальчику в первые минуты казалось, что надо убежать далеко, далеко, чтобы не нашли. А вернуться поздно, когда в доме утихнут сокрушающие охи и вздохи. Боря переулком выскочил к реке и, почувствовав себя в безопасности, остановился. А что если он пойдёт на собрание? Народу там теперь полно. Если забиться в самую гущу, можно остаться незамеченным и послушать разговор об овцах.

СОБРАНИЕ РЕШАЕТ

Хотя все окна и двери распахнуты, в клубе жарко. Женщины обмахивают потные лица тонкими батистовыми платочками, мужчины нет-нет да и выйдут по одному в коридор покурить и подышать свежим воздухом. Посреди сцены — большой, покрытый красным сукном стол. За ним — Матрёна Золотухина, председатель колхоза, парторг. Отец Бори стоит в конце стола. Смотрит или себе под ноги, или в пустоту, поверх сидящих в зале. Нерешительно переминается с ноги на ногу и, как бы прося помощи, временами поглядывает на парторга. Тот ободряюще улыбается.

— Не мастак я на разговоры, непривычный, — смущённо сказал Фёдор Иванович и впервые прямо посмотрел в зал. Он увидел знакомые лица. «Да чего же это я оробел, кого испугался?» Голос заведующего фермой наливается силой, сам он как будто распрямляется. А сын его, Боря, тем временем за спинами людей незаметно пробирается в дальний угол.

— Я всё время считал, что тонкорунные овцы очень доходны, но для нашего сурового климата нежны. Так оно в самом деле и было. — Заведующий фермой будто на торную дорогу выбрался, смело и легко зашагал по ней. Щёки его раздумянились, глаза блестели. Никогда Боря не думал, что отец может так хорошо говорить. И откуда что берётся у него? Он рассказал, как зоотехники выводили новую породу. Оказывается, много лет работали и добились своего. Овцы новой породы не боятся холодов, а весом больше ста килограммов бывают. С каждой столько настригают шерсти, что на три самых лучших костюма хватит. «Обязательно надо покупать», — бесповоротно решил Боря, а сам, ища сочув-

ствия, смотрит на колхозников. Большинство слушает Фёдора Ивановича с удовлетворением, согласно кивает головами. И лишь у некоторых на лицах — недоверие.

Когда Фёдор Иванович замолчал, птичница Матрёна Золотухина, хотя в зале было тихо, постучав карандашом по графину с водой, спросила:

— У кого есть вопросы? — Она помолчала и опять спросила: — Что же, нет вопросов?

— Матрёна Денисовна, ты не спеши, дай народу собраться с мыслями, — заметил председатель колхоза и необычно ласково обратился к Фёдору Ивановичу:

— А вы не объясните ли собранию, какая цена тонкорунных овец и как они содержатся?

— Стоимость овцы примерно пятьсот рублей. Бараны, наверное, подороже. Содержать овец можно по-разному. Но, сами понимаете, если животных кормить полноценными кормами и держать в хорошем состоянии, то и пользы от них больше, приплод будет лучше.

— Ещё вопросы есть? — спросила Золотухина, пристально вглядываясь в зал, как бы отыскивая кого-то.

«Почему все молчат? Наверно, дорогими кажутся овцы», — подумал Боря и представил отца, огорчённого решением собрания. Он тогда ни есть, ни спать не станет. Всё будет ходить и курить, и хмурить брови. Подымаясь на цыпочки, Боря выглянул из-за широкой спины сидящего впереди колхозника. «И чего ты, парень, сопишь под ухом? Шёл бы на улицу. Нигде от вас покоя нет», — проворчал колхозник. Лицо у отца спокойное. «Он только вида не подаёт, а сам, поди, переживает», — подумал Боря и, не обращая внимания на замечание, вновь опустил на корточки.

— Значит, больше вопросов нет? Тогда перейдём к прениям. Кто желает первым высказаться?

— Я не то, что высказаться, а так в виде справки, — с поспешностью заявил председатель, подымаясь из-за стола. Приглаживая ладонями свои редкие седеющие волосы, он вышел на край сцены, прищурившись, пытливо ловил взгляды сидящих в зале.

Говорил он ласково, но для Бори не очень понятно. Сначала похвалил Фёдора Ивановича. Потом сказал, что тонкорунные овцы очень дорогие и условий для их разведения в колхозе нет. Лучшее, говорит, расширить площади под картофелем. Он в городе дорогой. Вот так здорово! Выходит, овец заводить не надо.

— А до города двести километров, — крикнул кто-то.

— Григорий Данилович, бережёшь ты нашу общественную копейку. Спасибо за это, — спокойно начала Золотухина, — а вот робость твоя нам не по душе. Через это многое упускаем. Скажу про себя. В прошлом году на районном совещании животноводов ставился вопрос о пекинских утках. Доходная птица. Ведь они почти как гуси. Соседи давно их разводят.

— Правильно, тётя Матрёна! — вылетел откуда-то из гуши народа звонкий мальчишеский голос. Все засмеялись.

— Герой!

«Это Лёнька», — споткнувшись о чья-то ноги, Боря начал пробираться на голос товарища.

А на сцене стояла Тоня Кошелева, Стройная, она поправила длинные, свитые в кольцо косы и, удивлённо вскидывая тонкие брови, спросила:

— Как же это получается? В любой нашей полевой бригаде борются не только за посевную площадь, но и за урожай. А в животноводстве борьбы за продуктивность нет. Почему? — лицо и вся фигура Тони выражали недоумение. — Мы выполнили трёхлетний план развития поголовья скота и успокоились. Совсем не думаем о том, что мало получаем от животноводства доходов.

«Здорово режет, — улыбнулся Боря. — Теперь уже определён купят овец». Глаза мальчика так и сияли, так и бегали, но внезапно остановились, округлились. Впереди него, на самом краю лавки, сидела бабушка в новом сарафане. Боря сжался и с кошачьей осторожностью отступил, нырнул в народ. «Может, она и дома ещё не была», — надёжно укрывшись, услакаивал себя мальчик.

А на сцене появлялись всё новые и новые выступающие. Слово взял Сергей Кузнецов. Погромыхаяв костылями, он прошёл широкоим проходом. Остановившись около сцены, сказал:

— Я отсюда буду говорить. — Он задумался. В зале наступила напряжённая тишина. — Своими мыслями хочу поделиться. Может, немножко и некстати буду говорить, потому что не об овцах... — Кузнецов плотно сжал губы, помолчал. — Раненный в сорок втором под Сталинградом, я попал в Камышин. Арбузы там растут прямо удивленье. Ты с ножом к нему, а он на две половины разваливается. Во рту шоколадной конфеткой тает. В Камышине у меня зародилась мысль развести в колхозе бахчу. Запасся я там семенами разных сортов арбузов и дынь. Донёс их с собой до Кенигсберга. А когда вернулся домой, все сорта проверил. Это лето занимался прививкой дыни на тыкву. Теперь могу с уверенностью сказать, что бахчу в колхозе можно замечательную иметь. Как вы на это смотрите?

Колхозники одобрительно загудели.

— Кто хочет ещё выступить? — спросила Золотухина.

— Разрешите мне!

Все обернулись назад, откуда послышался голос. Из самого последнего ряда поднялся секретарь райкома партии Аркадий Николаевич Матвеев. Высокий, большелобый, он быстро прошёл к сцене.

— Здравствуйте, товарищи! Я немного опоздал, но выступления все слышал. Прямо скажу, присутствовать на таких собраниях — большая радость. Стремление к новому, желание при-

нести как можно больше пользы для общества — дорогие качества. Они у вас есть, эти качества. К этому нужны ещё смелость и настойчивость. Надо упорно стремиться к цели и добиваться её. Этому нас учит партия большевиков, товарищ Сталин.

В зале бурно всплеснулись аплодисменты. Вместе со всеми аплодировал Боря. Он был уверен, что на колхозной ферме скоро, очень скоро появятся овцы новой породы.

БЕГЛЕЦ

Собрание единогласно решило купить сто тонкорунных овец.

Семья Светловых пришла домой радостная. Бабушка, наскоро переодевшись, пошла доить корову, мать принялась готовить ужин. Отец уселся со свежей газетой на кухне. Но читал он мало, больше смотрел на жену, довольно улыбался. Только у одного Бори скребли на душе кошки. Ни живой, ни мёртвый он стоял около печки. Разбитого окна в потёмках пока ещё никто не заметил. Но после ужина все перейдут в переднюю и тогда уже никуда не денешься...

Разве самому об этом рассказать? Или лечь в постель, укрыться с головой. Может, подумают, что уснул, не станут ругать?

— Вот сокрушитель... Что натворил, — слышалось вдруг со двора.

— В чём дело? — Отец отодвинул газету, строго взглянул на сына.

Боря заплакал.

— Я нечаянно, — сквозь горькие рыдания мальчик рассказал, как разбил окно.

— Баловство никогда к добру не приводит, — твердила бабушка.

— Это правильно, — согласился отец и, помолчав, примиряюще добавил: — Он больше не будет. Так, что ли?

Боря утвердительно качнул головой и, облегчённо вздохнув, вытер подолом рубашки залитое слезами лицо.

— Ксения, заводи тесто на подорожники, — предложил отец и обратился к Боре: — Жидкий ты на расправу, сразу в слёзы.

Через два дня Фёдор Иванович с партотделом собирались поехать в племовцесовхоз. Боря с товарищами провожали их. Прямо с занятия они бросились гурьбой на колхозный двор.

— Не уехали! — радостно закричал Боря, увидев зелёную трёхтонку, окружённую колхозниками. Фёдор Иванович, перегнувшись через борт, разговаривал с матерью Валерки.

— Мы обязательно узнаем, — говорил Фёдор Иванович, только в Рубцовку они не должны попасть. У них должна быть другая дорога.

— А кто знает ихнюю дорогу. Может, и в живых уж нет.

В районной милиции говорят «найдем, найдем», а уж вторая неделя пошла... Пётр чуть не каждый день телеграммы отбивает. Всё нет, говорит.

— Найдут, не сразу, конечно... А слезами тут, Дуня, не поможешь. Успокойся.

Всхлипывая, мать Валерки уткнулась в конец шали. Женщина казалась такой печальной, что у Бори глаза тоже наполнились слезами. И колхозники все пригорюнились, опустили головы.

Из конторы, засовывая в грудной карман документы, вышел парторг.

— Виктор Сергеевич, мы проводим вас до тока?

— До тока? Сыпь в кузов! — Парторг широко махнул рукой и, запахивая новую зелёную стезонку, сел в кабину, захлопнул дверцу. Едва ребята запрыгнули в кузов, как машина, предостерегающе рывкнув, плавно двинулась.

— Садись! — командует Фёдор Иванович. Сам он сидит на золотистой соломе около кабины. Рядом с ним — сумки с продуктами, из-под дождевиков виднеется ведро, торчит ствол ружья.

Машина, кажется, не касается земли. Ветер рвёт с головы фуражки и треплет одежду, на поворотах какая-то невидимая сила так и тянет в сторону из кузова. За фермой, с бугра перед машиной необъятно распахнулась степь. На ней во-всю хозяйничает сентябрь. Совсем недавно он незаметно подкрался к молодым лесным полосам и зажгёт их. Огонёк робко прыгал с листа на лист. А теперь ветер колышет лохматые костры берёз, лапчатых клёнов, трясучих осин, сливает их в огромное пожарище, осыпая пламенеющие листья в траву, бурьянистую некоем по обочинам дороги. В низину ползёт жуком-гигантом трактор, оставляя за собой похожую на огромный ремень чёрную полосу пашни. Над трактором то и дело взлетают низкие кольца дыма.

На горизонте, где сходятся небо с землёй, появляется чёрная точка. Она сказочно растёт. А через какие-то секунды всем стало понятно, что это встречная автомашина «ЗИС».

— Ишь как мчится, — зорко вглядываясь, говорит Боря. — Чужая чья-то.

Машины стремительно сходятся, кажется, вот-вот они врежутся. От этой мысли даже сердце вздрагивает. Ещё мгновение и... ветер шипит и взвизгивает у бортов, а в следующее мгновение встречной машины уже след простыл. Остался только хвост бурой пыли, медленно оседающей на дорогу.

Вот и Волчий лог, а влево, чуть не доезжая, колхозный ток. Сейчас он тих и безлюден, а совсем недавно здесь круглыми сутками кипела работа, не стихал шум клейтонов, высились искристые вороха пшеницы. Одна только Тоня Кошелева ссыпала сюда из бункера своего «Сталянца» около двадцати тысяч центнеров...

Машина мягко катится с выключенным мотором и останавливается.

— Спешивайся, хлопцы, — предлагает Виктор Сергеевич, высовываясь из кабины.

Ребята недовольны. Они готовы целый день ехать в прозрачную солнечную даль, хоть на край света.

— А когда вы приедете?

— Дней через десять заявимся.

— Папа, вы только самых хороших овец покупайте, — просит Боря. — И значки пионерские не забудь.

Отец кивает головой.

— Всё сделаем, а вы не балуйте тут.

Ребята, махая руками, смотрели вслед сбегающей в лог машине. Потом тихо направились в деревню, серьёзно беседуя.

— Утром тепляк начали строить. Тысяч пятнадцать кирпича в него войдёт. Типовой, для тонкорунных ягнят.

— Люблю ягнят. Они какие-то... совсем глупые. Так и хочется прижать к себе, — говорит Тамара, и выражение её лица становится таким потешным, что Боря хохочет.

В конце деревни неторопливо возвращающихся ребят догнала пожилая женщина в широком сарафане.

— Вашего дружка привезли, — бросила она и, смешно взмахивая руками, устремилась вперёд.

Ребята недоумевающе переглянулись. Какого дружка? Все бросились бежать в центр деревни.

Ещё издали они увидели около колхозной конторы запылённую трёхтонку, окружённую народом. Около кабины возвышался круглолицый парень, шофёр из соседнего колхоза, который первый сообщил о побеге Валерки с Андрейкой.

В центре толпы ребята увидели Галину Васильевну, а рядом с ней Андрейку. Серый пиджак на нём замаслен и местами сильно порван. Шея стала тонкой и чёрной, как самоварная труба. Но всё это заметили после. Сейчас живой и невредимый Андрейка прижался к радостной матери. Нашёлся!

— Андрейка! — вскрикнула Тамара.

— Что, признали? — довольно засмеялся шофёр.

Андрейка, завидя товарищей, встрепенулся, но тут же голова его опустилась, и по тёмным щекам покатались крупные слёзы. Боря с Лёнкой опешили, а Тамара схватила мальчика за руку и участливо спросила:

— Наскучался?

Андрейка захлюпал носом. Большая, видно, с чужой головы фуражка сползла на лоб, закрыла надломленным козырьком лицо мальчика.

— А где Валерка? — спросила Тамара.

Андрейка молчал, а мать Валерки всхлипнула.

— Пойдём домой? — предложила Галина Васильевна и начала горячо благодарить шофёра.

ЛЕНЬКИН ХАРАКТЕР

Кандидатуры выдвинули две — Борю и Тамару. И хотя Боря учился лучше, вожатым звена всё же избрали Тамару. Мальчик немного обиделся, но потом подумал и успокоился: пускай будет Тамарка, она вон какая бойкая.

Новая вожатая при разговоре поджимала губы, в голосе её иногда чувствовались повелительные нотки. Важничает. А может так кажется: у неё и раньше такое было.

Тамара рассказала историю беглецов. В Барнауле они задержались — никак не могли попасть на новосибирский поезд. Событию, они попадали, но проводники снимали: «Их» не проведёшь, они знают все места, где можно ехать». Вскоре вышли продукты. Валерка с Андрейкой жили несколько дней на базаре. Там и поймал Андрейку милиционер, а Валерка скрылся.

— Завтра Андрейка придёт в школу, — сообщила Тамара.

— Надо на сборе его пропесочить. Пусть знает, как бегать, — гневно сказал Боря.

— Конечно, мать вон как переживала. Даже похудела, — согласилась Нинушка.

— Правильно! — подхватили ребята.

Но Тамара выжидающе молчала, а по лицу её видно было, что она не согласна с говорившими.

— А может, про побег и не поминать совсем. Как будто он никуда не бегал, а всегда с нами учился. Дмитрий Петрович говорит, что так лучше для Андрейки.

После шумного опора ребята согласились, что так действительно лучше для Андрейки.

— Он больше недели не учился. Здорово отстал... Помочь ему надо, — предложила Тамара.

— Я помогу, — назвалась Нинушка Бардина.

— И я, — назвался Боря.

И много нашлось ещё охотников. Как же не помочь товарищу. Только Лёнька промолчал. Вообще в последнее время он стал какой-то неузнаваемый. Сначала учился хорошо, а потом ни с того, ни с сего «схватил» двойку.

— Почему не выучил урока? — пылливо спрашивал Дмитрий Петрович. — Может, болел или времени не было?

Лёнька молчал, как воды в рот набрал, а Тамаре в перемену сказал:

— Нужно больно учить про князей. А знаешь ты, что арбузы и дыни содержат до 14 процентов сахара, а витамина С больше, чем в моркови и помидорах? А что такое витамин и с чем его едят?

— Чудной ты, Лёнька, — укоряюще сказала Тамара. — После уроков останешься, поговорим с тобой на звене.

— Пробрирать будете? Как же? Вчера ещё думал, — вызываю-

ше ответил Лёнька и не остался. А на второй день совсем не пришёл в школу.

После уроков Тамара с Нинушкой пошли к Лёньке на дом. День был тихий, задумчивый. Смотревшее издали солнце, казалось, так и хотело сказать: «Отошло моё время, надолго отошло».

Деревья роняли листья. Падали они легко, бесшумно. Вот крупный бронзовый лист, нежно коснувшись щеки Тамары, лёг на плечо. Девочка взяла его на ладонь.

— Пойти бы куда-нибудь... За рекой теперь хорошо.

— Тётя Анфиса картошку копает, — сказала Нинушка. — Может, Лёнька через это не пришёл. Ты говори с ней осторожно, как Дмитрий Петрович велел.

— Знаю уж, — отмахнулась Тамара и решительно открыла калитку. Узкой тропинкой девочки пошли в дальний угол огорода.

— Здравствуйте, тётя Анфиса!

Женщина, оставив воткнутую под картофельный куст лопату, распрямилась, приветливо улыбнулась.

— Из школы, девчата? Здравствуйте. — Она вытерла концом платка пот с лица. — А мой где же? Хоть бы помог выбирать...

Девочки переглянулись. «Что делать? Сказать, что Лёнька не был в школе?» — спрашивал быстрый взгляд звеньевой. Нинушка передёрнула плечами, а глаза её округлились: «Смотри, дескать, как хочешь. Если скажешь, попадёт ему здорово».

— А вы к Лёньке? — спросила тётя Анфиса.

Тамара замялась, ковырнула носком нового полуботинка землю.

— Да мы по пути. Книжку я хотела попросить...

— У него интересные есть. Этой ночью в два часа просыпаюсь, а он читает. Говорит, от Сергея Кузнецова принёс... Насилу прогнала на постель.

— Тётя Анфиса, мы поможем тебе.

— С какой же это стати? — удивилась хозяйка.

— Я сама как-нибудь управлюсь, а там, глядишь, Лёнька подойдёт.

Но пионерки и слушать ничего не хотели. Положив сумки с книгами, они схватились за большое, из чёрной жести, ведро. Тамара брала куст, встряхивала его — сизая картошка плюхалась в мягкую землю. Проворные руки Нинушки отправляли её в ведро. Оно так и гудело...

— Мороки не оберёшься, а раздуматься — ненужная она совсем, — рассуждала Анфиса, ласково поглядывая на помощниц. — На трудодни картошки нам придётся центнеров двенадцать, да эта. Куда её?

— И папа наш то же говорит, — согласилась Нинушка, поднимаясь, чтобы отнести наполненное ведро. Когда подруги взялись за дужку, Нинушка шепнула:

— Ой, некогда мне:

— Мы недолго. Лёнька сейчас заявится. Он хитрый.

Тамара не ошиблась. Не успели подруги наполнить второе ведро, как во дворе появился Лёнька. С ранцем за плечами, он шёл, насвистывая что-то весёлое. А когда, открывая ворота в огород, увидел Тамару с Нинушкой, встал как вкопанный. Сердце защемило, точно при падении в глубокую яму. «Всё, попался! Тут уже не открутишься. Ух, и вреднющая эта Тамарка». Первой мыслью мальчика было бежать. Бежать без оглядки. Лёнька хотел уже повернуть обратно, но встретился со строгим взглядом опёршейся на лопату матери.

— Иди-ка сюда!

У Лёньки пропали все мысли. Бледный, жалкий, он неуверенно шагнул вперёд.

— Когда занятия кончились? — спросила мать.

Лёнька, часто моргая, молчал.

«Он совсем не был на занятиях», — хотела сказать Тамара, но вместо этого, повернувшись спиной к тётке Анфисе, сказала, хитро подмигивая Лёньке:

— Ты, наверное, в библиотеку заходил?

«Не сказали. Мать не знает, что я не был в школе», — мелькнуло в голове у Лёньки, и он сразу ободрился.

— Я был в библиотеке, а там очередь. Вот и задержался. Зато книжку какую взял! Хочешь, мама, вечером почитаю вслух?

— В библиотеку можно было завтра сходить, — смягчившись, сказала мать. — Я же тебе утром говорила, что картошку буду копать? Какую ты Тамаре книжку обещал? Отдай да берись за картошку. Видишь, сколько выбирать надо?

Когда Тамара с Нинушкой уходила, Лёнька проводил их за ворота.

— До свидания, — сказал он, протягивая руку. — Двойка для меня чепуха. Я её завтра же исправлю.

О Ш И Б К А

Дмитрий Петрович поднялся, когда за окнами едва только начинало мутнеть утро. Умылся до пояса водой, в которой стекляшками поблёскивали звонкие льдинки, и бодрый, полный энергии, уселся за стол.

К занятиям он подготовился ещё с вечера, и поэтому решил посвятить утро ответам на полученные вчера письма. Он ещё раз внимательно прочитал их.

Как обычно, мать сильно беспокоилась. Корявыми буквами, которые можно понять только при большой скоровке, она длинно

описывала какой-то сон. По всем приметам, он не обещал ничего хорошего. «Почему, сыночек, нет от тебя весточки? Здоров ли? Я все глазоньки проглядела, письма ожидаючи. Может, они не доходят? Даль-то ведь вон какая». Дмитрий Петрович почувствовал в сердце шемящую боль. Да, он действительно очень виноват перед матерью. С этим побегом Валерки, с началом учебного года он так закружился, что забыл про письма. Дней десять, кажется, не писал. А матери они, наверное, за год показались.

Дмитрий Петрович мысленно представил, как старенькая мать поджидает у ворот почтальона, с надеждой и страхом смотрит на него. А когда тот, положив руку на толстую сумку, говорит: «Нет вам, Карповна», — лицо старухи становится горестным. Не находя себе места, она бродит по двору, дому, потом идёт через всё село к дочери.

«Сегодня же надо телеграмму послать», — решает Дмитрий Петрович.

Второе письмо было от двоюродного брата Михаила. С ним они вместе росли, за одной партией окончили семилетку. Потом Михаил решил учиться на механика сельскохозяйственных машин, Дмитрий Петрович — на педагога.

Теперь он расспрашивал брата о жизни, работе. Кажется, самое обычное в таких случаях письмо. Но по отдельным словам, намёкам Дмитрий Петрович почувствовал иронию. Дескать, занесло тебя в такую глушь. Там и народ-то, наверное, отсталый.

— Чудак ты! Близорукий, кроме своих тракторов ничего не видишь, — говорил Дмитрий Петрович, будто Михаил находился с ним за одним столом. Учитель раздражённо отбросил письмо. Стало обидно и горько. Вспомнилась большеглазая, стройная Тоня Кошелева. Мало ли таких комбайнеров? А Виктор Сергеевич. Фёдор Иванович, Сергей Кузнецов? Они не просто трудятся, а ищут свои кратчайшие дороги к счастью, к коммунизму, смело преодолевают трудности. Их души впитывают всё новое. С ними и он, Дмитрий Петрович, растёт, стал не таким, каким был два-три месяца назад. Вместе со всеми и он идёт вперёд, трудится. Не всё сделанное удовлетворяет его. Вот Валерка с Андрейкой убежали. Какие он должен принять меры, чтобы не убежали другие? Лёня Шукин увлекается растениями. У него бесспорные способности. И он, учитель, должен развивать эти способности. Это его долг перед Лёньюкой, народом, Родиной. Как это сделать?

Обо всём этом захотелось резко написать Михаилу. Только поймёт ли он? Вот Тоня Кошелева обязательно поняла бы. Она такая... Учитель улыбнулся. Горечь и досада стали таять.

Дмитрий Петрович торопливо отыскал бумагу и начал писать. «Живём мы, конечно, далеко, на Алтае. В девять часов в школе начинаются занятия, а вы в это время крепко спите. От станции до посёлка восемьдесят километров. Это летом. Зимой дороги пе-

реметаются сугробами. В это время, по словам нашей технички Ефремовны, мы удаляемся от станции самое малое на сто километров. Два дня надо ехать...»

Дмитрий Петрович, обмакнув перо, задумался и только склонился над бумагой, как в дверь постучали. Стук был осторожный и робкий.

— Пожалуйста. — Учитель положил ручку и повернулся к двери. Вошла Тамара. В белой, из кроличьего пуха, шапочке, с розовыми от мороза щеками, она остановилась у порога, виновато переступая с ноги на ногу.

— Ой, Дмитрий Петрович, с Лёнкой не так вышло.

— Рассказывай, — предложил учитель, усаживая девочку на стул.

Рассказ у Тамары получился коротким и сбивчивым.

— Обманули мы тётю Анфису, не сказали, что Лёнка не был в школе. Жалко мне его стало. Это ведь нехорошо, Дмитрий Петрович? А знаете, почему он не пришёл? Дядя Сергей дал ему интересную книжку, про растения. Лёнка ушёл к реке и весь день читал. Подружился он с дядей Сергеем. — Тамара взглянула на учителя. Он смотрел на этажерку с книгами и, кажется, не слушал.

— Правильно ли поступила? Такой вопрос надо задать всем ребятам. Пусть подумают, — сказал вдруг Дмитрий Петрович. — И ты ещё подумай.

Дмитрий Петрович долго думал о поступке девочек. Возможно, для опытного учителя ничего не стоило бы разрешить этот вопрос. Но он затруднялся. Конечно, если не считаться с характером Лёни, то девочки поступили неправильно. Нельзя скрывать поступки товарищей. Это всем известно. Но у мальчика характер своеобразный. Он обязательно зачислил бы Тамару в ябеды и, чего доброго, при удобном случае побил бы её. И всё-таки девочки поступили неправильно. Но как объяснить это?

Случай с Лёнкой озадачил ребят.

— Чего ж вы молчите? — допытывался учитель.

Ребята потупились, Боря задумчиво теребил учебник, Лёнка сидел красный, как пареная свёкла.

— Скажи, Боря, как ты думаешь?

Мальчик встал. Помолчал немного и сказал просто и ясно:

— Валерка звал меня на великую стройку. Я никому об этом не сказал. А если бы сказал, может, он со мной бы теперь сидел. А сейчас не знаю, где он. Надо всегда правду говорить. Тогда лучше будет.

— А я и сам скажу маме, что не был в школе, — крикнул Лёнка, не поднимаясь. — А по истории хоть сейчас спрашивайте.

ОИ, КАКИЕ ОНИ!

Эту новость первым узнал Андрейка. Сидя около окна, он ещё в начале урока заметил, что улицы за рекой необычно оживлены. Народ так и валил куда-то. «Уж не пожар ли?» — тревожно подумал мальчик.

За окном Ефремовна с кем-то разговаривает. В открытую форточку залетают слова. Андрейка напрягает слух.

— Некогда, а сходить бы обязательно надо, поглядеть, что за овцы. Говорят, больно хороши...

Белёные брови Андрейки радостно вскинулись. Мальчик схватил карандаш и, разорвав пополам промокательную бумагу, написал: «Овец пригнали!».

Розовая бумага незаметно порхала от парты к парте. Класс оживился, зашептался, захлопали крышки парт.

— Прошу потише! — сказал Дмитрий Петрович.

Но учителя как будто никто не слышал. Записка уже попала к Боре. Прочитав её, мальчик, крутя головой, окинул всех сияющим взглядом и, ткнув Тамару в спину, передал ей бумажку. А та, как будто и шустрая, а сразу попалась. Разложила записку на парте и читает. Кто же так делает?

— Тамара, чем ты занимаешься? — строго спросил учитель.

Девочка встала и ничего не могла сказать.

— Что у тебя за бумажка?

— Да я сама не знаю... Посмотрите... — Девочка протянула руку.

В классе наступила напряжённая тишина. Сейчас учитель прочтёт и начнётся гроза: «Чем вы занимаетесь? Кому я объясняю — партам, что ли! На моих нервах играете?» (Так часто говорила Ираида Александровна.) Но этого не случилось. Оторвав глаза от записки, учитель улыбнулся.

— Пригнали овец?.. Вот и хорошо. После уроков сходим на ферму, а теперь слушайте.

Все облегчённо вздохнули и стали слушать. Когда раздался долгожданный звонок, учитель повёл ребят на ферму. Народу там собралось точно на базаре в праздничный день. И кого только не было! Даже дед Лукашев пришёл, который в самые жаркие дни дальше завалинки шагу не ступает. Он стоял на тонких, как жёрдочки, ногах, около ограды денника. Ветер развеивал его белую бороду. Неужели он сам дошёл?

Учитель, увидя Матрёну Золотухину, остановился, а ребята, ловко шныряя между взрослыми, устремились к овцам.

Фёдора Ивановича и председателя колхоза ребята увидели посреди денника. Обветренное лицо заведующего фермой было радостным, точно в большой праздник и, казалось, спрашивало: «Что, не прав я оказался? Смотрите, какие замечательные овцы...»

А овцы, уткнув головы в ясли, с удовольствием похрустывали

зелёное разнотравное сено. И только одна, очевидно наевшись, подошла почти вплотную к председателю колхоза и пристально, не моргая, смотрела на него.

— Ишь, как уставилась, ровно смыслящая... Да, шёрстка на них хороша, — с удовольствием отметил председатель.

— Да и сами, что там говорить... настоящие бычки-полуторки, — слышалось из толпы.

Председатель засмеялся и от удовольствия потёр руки, словно грея их над огнём. Редко видели его таким колхозники. Видно было, что Савилов очень доволен приобретением. Да и все были довольны, радостны.

— Теперь, Фёдор Иванович, от тебя всё зависит. Покажи, какой ты овцевод. Чтобы не только из них, а из молодняка ни одна не пропала! Добьёшься? — Маленькие глаза Савилова пытливо уставились на заведующего фермой, казалось, заглядывали в душу.

— Постараюсь, — спокойно ответил Фёдор Иванович и разгладил усы. — Я ведь там пятидневный семинар прошёл.

— Вот и хорошо. А возле сторожки амбарушку надо поставить для концентратов.

— Обязательно надо, Григорий Данилович. Я давно просить хотел, да всё боялся — откажешь.

— Нельзя отказывать. Сам же говорил, что кормить их надо по нормам.

Пока шёл этот разговор, Тамара и Боря, после недолгих колебаний, открыли дверцу и вошли в денник.

Овца, стоявшая около председателя, заблеяла и уверенно пошла на Тамару.

— Ой! — вскрикнула девочка, — шея-то какая, вся в складках. И лицо-то всё, всё в шерсти.

— Разве у овец лица бывают? — спросил Боря.

— А чего же? Морда, скажешь? Это вон у грубошёрстных, может, морда.

Боря подбежал к отцу, и тот положил сыну на голову свою тяжёлую ладонь, заглянул в радостное, взволнованное лицо мальчика.

— Ну, как дела, сынок?

Боря ничего и сказать не успел. Подошёл учитель.

— Заждался он вас, Фёдор Иванович. Встречать бежал. Даже в школу разок опоздал, — сказал Дмитрий Петрович и, заметив, как Боря смутился, добавил:

— Учится он хорошо.

— Дядя Федя, а почему у овцы на ухе написано 2450? — выглядывая из-за спины Фёдора Ивановича, спросила Тамара.

— Под таким номером имеется у меня карточка-паспорт, а в ней записан и год рождения овцы, и её вес, и настриг шерсти.

Пейзаж родного края. Тракт в горах.

Фото М. Савина.

— Дядя Федя, а мы ухаживать будем за овцами, помогать вам?

— Помогать? Сейчас особенной помощи от вас не требуется. Весной, когда ягнята будут — другое дело. — Фёдор Иванович взглянул на учителя, шевельнул своими седыми бровями и сказал: — Хотя и сейчас ваша подмога кстати будет. Только мне помощники нужны с хорошими отметками. Понятно?

— А кому ящики сдали? — перебив Фёдора Ивановича, спросил друг Савилов.

— Сергею Кузнецову. У того от радости даже руки задрожали.

— Ох и мудрецы! — Председатель хотел ещё что-то сказать, но только покачал головой и вышел из денника.

— Папа, а что за ящики?

— Ящики? С золотом, сынок. — Фёдор Иванович усмехнулся и с лукавой таинственностью добавил: — С зелёным золотом.

СТАРОСТА

«Зелёное золото» оказалось саженцами винограда, яблонь, груш. Их подарил ребятам председатель колхоза имени Молотова, Герой Социалистического Труда Фёдор Митрофанович Гринько. Об этом узнали ребята на первом отрядном сборе. Здесь же Дмитрий Петрович предложил создать два кружка — зоотехнический и ботанический. Фёдор Иванович и Сергей Кузнецов рассказывали, чем будет заниматься каждый кружок. Ребята слушали внимательно, а потом поднялся шум. Каждый хотел, чтобы его выслушали первым. И поэтому нельзя ничего было понять. Дмитрий Петрович поднял руку, и шум постепенно стих.

— Меня в ботанический запишите, — уверенно сказал Лёнька.

— А меня в зоотехнический, — сказал Боря.

Андрейка окинул всех робким взглядом и прошептал:

— Меня тоже в ботанический...

Тамара колебалась. Ей хотелось в тот и другой кружок. Хорошо, конечно, выращивать виноград, но за тонкорунными овцами ухаживать тоже интересно, особенно когда появятся маленькие ягнята.

Лёньку избрали старостой кружка. Теперь всё свободное время он крутился около опытника Сергея Кузнецова, стараясь угадать малейшее его желание, а при удобных случаях напоминал о плане работы кружка. Угрюмый, с прямым характером, Сергей Кузнецов сразу же заявил старосте:

— Признаться, мне не очень хотелось заниматься с вами... Думал, баловство всё это. Ну, а когда побывал на сборе, вижу — по-настоящему берётесь. Но сразу предупреждаю: если будете ссаевольничать, не слушаться — пеняйте на себя...

— Что вы, дядя Сергей, да у нас такая дисциплина... мы же пионеры... Сами видели, как мы строились на линейку. — Голос и взгляд у мальчика были такими убедительными, что опытник смягчился.

— Видать-то видал, но предупредить не мешает.

Первое же занятие показало, что Лёнька был прав. Ребята слушали так внимательно, что любой учитель позавидовал бы. Дмитрий Петрович много рассказывал о растениях, но Сергей Кванецов говорил о них по-своему, как о живых, близких ему существах.

— Вот возьмём, к примеру, арбуз. Ему что ни больше солнца, то лучше. Любит загорать... В наших местах арбуз иногда не вызревает, потому что лето короткое. А ведь можно завести такой сорт, которому хватало бы нашего лета? — точно размышляя, говорил Сергей Кузнецов, посматривая на ребят пристальными, чуть усталыми глазами.

— Конечно, можно, — горячо откликнулся Лёнька. — Может, не сразу только... Мичурин вон сколько над своими сортами работал. Я читал...

— Польза от этого большая народу будет, — заключил опытник и сразу же над чем-то сосредоточенно задумался. От уголков рта сбежали вниз глубокие морщины, резко выделяя крепкий, угловатый подбородок.

Погода в эти дни установилась на удивление. Солнце светило ярко и так ласково, что все как-то оживились и стали ходить опять в летней одежде. За деревней открылся необозримый простор опустевших и поэтому немного грустных полей. Смотришь на них, и кажется — нет им конца. А под солнцем, на стенах домов, заборе клуба, на воротах колхозной конторы, на шагающих от электростанции золотистых столбах пестрят расклеенные пионерами и комсомольцами розовые, зелёные, голубые бумажные ленточки со словами: «Озеленим нашу деревню!»

Утром, в выходной день, пионеры четвёртого класса собрались около дома Лёньки. Ожидая старосту, сидели на завалине, разноголосо, точно птичья стайка, щебетали. Лёнька вышел и сразу приказал строиться. Его строгий взгляд прошёл вдоль шеренги и остановился на Нигушке Бардиной.

— Почему без галстука?

Девочка покраснела до ушей, сказала:

— Погладить не успела. Подумаешь, сам-то первый неряха.

Все взгляды пылливо обратились на Лёньку, но ничего не нашли в нём неряшливого. Напротив, он был одет аккуратно, алет тщательно разглаженный галстук, на груди был пионерский значок. Спокойно выдержав испытующие взгляды, Лёнька по-командирски сказал:

— Иди одень галстук! Не знаешь, что ли, какой сегодня день?

Около школы Лёнька остановил свой отряд, скомандовал

«смирно» и чётко, звонким голосом отрапортовал Сергею Кузнецову. Колхозный опытник, слушая мальчика, строго вытянулся на костылях, а всегда пристальные глаза его стали задумчивыми и, кажется, повлажнели. Быть может, в эту минуту он вспомнил свои длинные военные дороги от Сталинграда до Кенигсберга, вспомнил тот бой, в котором потерял ногу.

— Молодцы! — сказал скупой на похвалы Сергей Кузнецов и начал отдавать короткие, всем понятные приказания.

Подошли комсомольцы, Виктор Сергеевич, Дмитрий Петрович, Фёдор Иванович, Ефремовна, а через час, кажется, собралась вся деревня. Началась дружная работа. Комсомольцы принялись за ограду. Дюжие парни копали ямки, ставили в них столбики. Тоня Кошелева взялась за конец длинной золотистой доски.

— Вера, помогай!

Подруга поспешно схватила второй конец — доска, изгибаясь, провисла. Звонкие голоса, восклицания, визжание пил, стук топоров сливаются в единое, бодрое, неудержимое. Каждому нашлось дело. Ребята размотали длинную стальную ленту и, отсчитывая по ней метры, отмечают белыми колышками места для саженцев.

По мягкой земле Сергею Кузнецову трудно передвигаться на костылях, но он везде успевает, ходит среди работающих, разговаривает, шутит. Колхозницы смотрят на Сергея и удивляются: будто подменили его.

Вот он остановился около Ефремовны и что-то рассказывает. Старушка слушает внимательно, а потом говорит:

— Всё сделаю, Серёжа, только одна забота берёт — боюсь, не доживу до того времени, когда сад вырастет. Ну, ничего, другие увидят.

Председатель колхоза пришёл позднее других. Склонив голову, он долго присматривался к работающим и вдруг сказал сам себе:

— Ладно получается... — Потом удивлённо передёрнул плечами и, сдвигая на затылок фуражку, подошёл к Боре. — Давай-ка, сынок, я потружусь, а ты отдохни.

Боря к тому времени заканчивал пятую ямку, но отдыхать ему совсем не хотелось. Мальчик с видимой неохотой отдал лопату. Савилов, как истый землекоп, поплевал на ладони, примеряясь, повертел лопату и начал копать. Желтоватая жирная глина так и вылетала наверх.

— Дядя Григорий, не так...

Председатель, не разгибаясь, вскинул на Борю удивлённые глаза.

— Землю не надо мешать. Этой будем сверху засыпать, а для корней вот эта, чёрная. — Под пристальным взглядом мальчик смутился и, как бы оправдываясь, сказал: — Так дядя Сергей говорил.

Председатель молчал. Ему стало не по себе. Мальчишка, ко-

того он старше чуть не в пять раз, учит. Значит, мало он знает. отстаёт.

А работа кипела. Принесли большие деревянные ящики. В них находились обёрнутые сырой соломой саженцы. Прежде чем выдать их ребятам, Сергей Кузнецов внимательно осматривал каждый. Если замечал погибшие корни или ветки, острым кривым ножом быстро и ловко удалял их. Проверенные саженцы Лёнька с Тамарой опускали в ведро с похожим на сметану раствором глины и разносили колхозникам для посадки.

В грунте, маленькие, с поблекшими безжизненными листьями, деревца были совсем неприметными. Но ребятам они казались уже могучими деревьями с густой, шумящей листвой, крупными, румяными плодами.

П И С Ъ М А

Посаженный виноград вызвал много заботы. Сразу же возник вопрос: чем его укрывать на зиму? Землёй или соломой? А может, он зимостойкий?

Стараясь выяснить это, Сергей Кузнецов просмотрел в библиотеке литературу по садоводству, звонил в районный отдел сельского хозяйства. И всё бесполезно. Никто не знал, какого сорта виноград.

— И как он не догадался спросить у Гринько? — досадовал на парторга опытник.

— А мы напишем Фёдору Митрофановичу!

Лёнькино предложение всем понравилось.

— Напишем, напишем! — закричали ребята.

Сергей Кузнецов мысленно прикинул, когда придёт ответ, и согласился.

Хотя дело касалось только членов ботанического кружка, писали Гринько всем классом. После уроков Лёнька сел за учительский стол, поставил перед собой непроливашку, достал из ранца бумаги.

— Ох, уж и бумага. Не стыдно на такой писать? — укоряюще заметила Тамара и достала белый глянецовый лист. — Только руки помой, а то сразу зацапаешь.

Лёнька с победным видом поднял вверх пальцы, и все убедились, что они чистые.

— С чего начинать? — спросил Лёнька, берясь за ручку, и лицо его стало серьёзным.

Все задумались. Нинушка подлёрла щёку рукой и напряжённо смотрела на потолок, точно решала в уме трудную задачу.

— Пиши: письмо пушено 20 октября, — предложила она.

— Ой, этого совсем не надо, — остановила подругу Тамара и подошла к столу. — Так теперь совсем не пишут. Ещё скажешь,

поклон до сырой земли? Надо просто: «Здравствуйте, Фёдор Митрофанович».

Ребята один за другим окружили стол. Лёньку совсем не стало видно. Только слышалось его усердное сопение да скрип пера. Со всех сторон на его склонённую голову сыпались советы. Больше всех, конечно, старалась Тамара. Она даже не обращала внимания на то, что кто-то нет-нет да и дернёт её за кончики загнутых вверх косичек.

— Поэтому мы просим скорей написать, как спасти виноград от мороза.

— Приезжайте к нам в гости. Весной у нас очень хорошо. А эту весну должно быть ещё лучше, потому что зазеленеет сад.

— И будут маленькие тонкорунные ягнята, — добавил Боря.

— Может, Фёдору Митрофановичу совсем не интересно знать про ягнят? — спросила Нинушка.

— Раз он коммунист и Герой Социалистического Труда, то ему всё интересно, — заметил Боря.

Выслушав тот или иной совет, Лёнька повторял его и спрашивал:

— Так?

Если все соглашались, он начинал тщательно выводить буквы. И всё-таки, как ни старался, а уронил на бумагу круглую, как горошина, чернильную каплю. Все ужаснулись. Начали промокать кляксу и сделали ещё хуже — она расплылась в большое пятно.

Одобренное учителем и Сергеем Кузнецовым, письмо заново переписали и гурьбой понесли к конторе колхоза, где висел почтовый ящик. Впереди шёл Лёнька с бережно прижатым к груди конвертом.

— А вон и дядя Игнат! — вскрикнула Тамара, и все наперегонки бросились к маленькому, проворно шагавшему по противоположной стороне улицы, старичку.

— Ну, что, воробы?

— Дядя Игнат, прими, а то в ящике потеряется ещё, — сказала Тамара, а Лёнька подал почтальону письмо.

— Не было ещё того, чтоб терялись... Ну, да всё одно, давайте, утречком отправлю. — Старик, склонившись над конвертом, прочёл адрес и улыбнулся обветренными морщинистыми губами. — Гринько? Знаю, знаком с Фёдором Митрофановичем лично.

Старик достал из сумки синий блестящий конверт.

— А я к Евдокии спешу. Письмо ей из Сталинграда. Самолётом доставили! Во как!

Игнат, радостно взмахнув конвертом, поспешно ушёл, а ребята точно окаменели.

— От Валерки! — вскрикнула Тамара, схватив за рукав стояв-

шего рядом Боря. Девочке сейчас же захотелось убедиться в этом. — Пошли скорей! — твердила она, нетерпеливо перебирая ногами.

Письмо оказалось от Петра. Его читали около дома тётки Евдокии. Хозяйка держала письмо, а руки её мелко дрожали, из глаз капали слёзы. Плотной стеной её окружили сбежавшиеся со всей улицы колхозники.

Ребятам с трудом удалось протискаться поближе. Мать Валерки несомненно раз принималась читать, но голос у неё прерывался. Мешали слёзы.

Наконец она, немного успокоившись, начала читать тихим, срывающимся голосом:

«Дорогая мама, наш беглец благополучно прибыл, успокойся теперь. Пробрал я его здорово за глупость.

Каждый день к нам прибывают сотни семей. Их надо разместить по квартирам, обеспечить продуктами, детей устроить учиться. Он этого не понимает. А тебе какое расстройство принёс.

Определил я его в школу. Но заботы с ним много. Как тебе известно, я учусь и работаю. Времени свободного мало. Он без присмотра остаётся. Избаловаться может».

— В два счёта может, — кивая головой, согласилась пожилая соседка и вдруг вспыхнула: — Пробрал!.. Его не только пробрать... а ещё пионером называется, как вот и эти.

Все взоры обратились на ребят.

— Не пионеры вы, а неслухи и самовольники. Вот кто!

Ребята больше не слышали, о чём писал в письме Пётр. Один по одному выбрались они из толпы. С опущенными головами медленно шли вдоль улицы.

— Проходу из-за него не стало. Так и тычут в глаза, — ворчал Лёнька. — Нарочно, что ли, мы его послали туда.

— Давайте ему напишем, — предложил Боря. — Спросим у его матери адрес и напишем. Отругаем как следует.

— Нет! — задумчиво сказала Тамара. — Так нехорошо. Он ведь не плохой. В каждом есть хорошие качества, — повторила она слова Дмитрия Петровича. — А если мы ему про свою жизнь напишем? Может, он приедет?

Предложение Тамары всем понравилось. Ребята наперебой стали говорить, о чём следует написать.

— Об овцах тонкорунных...

— Про сад не забыть...

— О кружках...

— Про Дмитрия Петровича...

Ребята остановились. Поднялся такой шум, что хозяйка дома, сердито распахнув калитку, спросила:

— И чего вы разгалделись под окнами? Ребёнка разбудите.

Вечером в семье Светловых происходил серьёзный разговор. Когда поужинали и бабушка принялась убирать со стола посуду, мать Бори нерешительно сказала:

— Давно с вами посоветоваться хочу. На курсы мне надо. Ведь в работе я как слепая. Разве можно хороших показателей добиться без науки? Обязательно надо учиться. Как вы думаете? — Ксения испытующе смотрела на мужа и мать.

Фёдор Иванович задумался, а потом, разглаживая усы, спросил:

— В районе курсы?

Жена молча кивнула головой.

— И сколько же учиться.

— Три месяца.

— Три месяца! — ужаснулась бабушка и в расстройстве положила на стол вымытые ложки, которые собиралась отнести в буфет. — Да ты, Ксения, никак рехнулась? На кого же оставишь дом, корову, поросёнка, овчишек? От меня уже толку мало. Сама знаешь, седьмой десяток доходит, какая работница? Поясницу так и разламывает. Учиться можно дома, по книжкам.

Фёдор Иванович слушал, двигал лохматыми бровями и барабанил пальцами по клеёнке стола, а жена, стоя у печки, с волнением смотрела на него.

— Мать права, — сказал он, наконец, — тяжело ей будет с хозяйством управляться. А учиться всё равно обязательно надо. Я думаю, мы с Борей поможем бабушке. Как думаешь, сынок?

— Конечно, поможем! — радостно выкрикнул Боря. — Я сена корове дам и воды принесу... маленькими вёдрами. Мама, а после курсов ты кем станешь?

Ксения сразу повеселела. И хотя она не ответила на вопрос, мальчику казалось, что в комнате стало светлей и уютней.

— Ох, неладное ты, Ксения, придумала, — сказала бабушка, но в её голосе уже не чувствовалось прежнего упорства.

— Хорошо придумала. Теперь такое время, что всем надо учиться, — весело сказал Фёдор Иванович и, хлопнув ладонью по столешнице, поднялся. — К коммунизму подходим.

Через два дня Ксения уезжала в райцентр на курсы. Провожали её всей семьёй. Фёдор Иванович, неся увесистый чемодан, не спускал с жены ласкового взгляда. В сером пуховом платке и новом чёрном полушубке с пушистой оторочкой, она то весело и оживлённо говорила, то вдруг, смолкнув, становилась задумчивой, даже грустной. Фёдор Иванович успокаивал её.

— Твоё дело теперь учиться. О доме нечего болеть. Всё будет хорошо. Так, что ли, Боря?

Мальчик нёс мешочек с продуктами. Мешочек небольшой, но бабушка его так набила, что взятыя не за что. Боря поминутно

перехватывал ношу из руки в руку, но матери уступить ни за что не хотел. На слова отца он утвердительно кивнул головой.

— Мама, а вам отметки ставить будут?

— Раз курсы, то, наверное, будут.

— Мама, давай — кто лучше учиться будет. Чтоб на пятёрки...

Отец с матерью засмеялись и остановились дожидаться бабушку. Закрывая дом на замок, она немного отстала и теперь никак не могла догнать.

— Трудно мне, сынок, с тобой равняться, ну а всё-таки попробую. — Мать нежно коснулась ладонью раздумывавшихся щёк Бори и повернулась к мужу. — За ферму беспокоюсь. Время к отёлу идёт. Ты уж, Федя, заглядывай туда почаще, присматривай, Виктора Сергеевича я тоже просила...

— А его и просить нечего. Он и так всё сделает.

Около конторы колхоза стояла автомашинка. Еле слышно работал на малых оборотах мотор. Кузов до отказа был заполнен гомонливой молодёжью, едущей на какое-то районное совещание. Парторг ловко выхватил у Фёдора Ивановича чемодан и, поднимая его, закричал:

— Принимай! А сама в кабину. Ты же у нас теперь особенный человек, студентка, можно сказать.

— Как же, в институт или прямо в академию еду, — заметила мать Бори.

— На вершину горы всходят постепенно, шаг за шагом. Так и здесь. Придёт время — может, и в институте станешь учиться. От самой всё зависит, — сказал Виктор Сергеевич.

— Не с нашими годами об этом думать. Была бы помоложе... — сказала Ксения, а сама подумала: «На зоотехника учиться не мешало бы».

Громко, точно отфыркиваясь, зарокотал мотор. Машина тронулась. Набирая скорость, промчалась деревней.

Уехала мать. На целых три месяца уехала. Машина скрылась за увалом, а на щеках мальчик ещё чувствовал крепкие, прощальные поцелуи. Боре стало грустно. Он крепился, но глаза невольно наполнялись слезами, щекотало и пощипывало в носу.

— Ишь, как обмякло и заволакивает... Пожалуй, снег ляжет, — задумчиво сказал отец.

Дома весь вечер было тихо и скучно. Приготовив уроки, Боря попробовал читать, но ничего на ум не шло. Уснуть тоже долго не мог. Часы дробили время на секунды, минуты... Это мерное, бесконечное тиканье в слепой темноте сегодня показалось нестерпимо тоскливым. Боря, тяжело вздыхая, старался уснуть, закрывал глаза, но под тяжёлым стёганым одеялом становилось жарко, а всегда удобная постель казалась жёсткой. Мальчику явно чего-то нехватало. Мысли его беспрерывно сновали то к матери в райцентр, то к Валерке, на далёкую неизвестную Волгу, то возвращались в родную школу.

Прошло несколько дней, и зима из весёлой гостьи превратилась в сердитую и строгую хозяйку. Ночь, кажется, дальше околицы из деревни и не уходила. Залютовали морозы, зашуршали по жёсткому насту позёмки, а потом разыгралась такая метель, какой в деревне не помнили. Она бушевала сутки за сутками. Страшной силы ветер с воем и свистом рвал снег, вихрил его над степью, обрушивал на деревню. Посреди улиц, возле строений, на огородах — всюду выростали огромные, курящиеся снежной пылью, сугробы. Всё утопало в них. Сквозь белёсую муть виднелись лишь трубы домов да верхушки крыш.

В такую погоду никуда не выйдешь. Боря лениво слонялся по комнате, заглядывал в белые слепые окна. Ждал, когда притихнет буря и по радио объявят о занятиях в школе. Три дня он уже не был в классе, не видел товарищей. Как теперь дядя Сергей пробирается в теплицу? Трудно ему по такому снегу... Хочется побывать на ферме. Но отец не пускает. Куда, говорит, тебя такую даль понесёт. Сам ходит — ничего, а ему, Боре, нельзя. Он ведь не ради баловства туда просится, помогать станет, мало ли дел в такой буря на ферме.

После отъезда матери в доме как будто ничего не изменилось, но стало неприветливо, неуютно. На беленьких нежных занавесках появились тёмные пятна. Это бабушка зацапала их, когда убирала с окон воду. Не видит, что пальцы в саже, и хватается. Вчера Боря стал перебирать свои книжки, полка вся пылью заросла. Мальчик провёл по ней мизинцем, потом взял и расписался. Красиво получилось.

— Хорошее занятие нашёл, — заметил зашедший в комнату отец и укоризненно покачал головой. — А под столом погляди — второй день стружки валяются.

Боря виновато потупил свои чёрные лучистые глаза.

— У бабушки руки до всего не доходят. Надо помогать ей, а ты безобразничаешь. Матери об этом написать следует. Помнишь, что обещал?.. Сейчас же убери всё!

Возвращаясь из кухни с веником, Боря взглянул на отца, сидевшего на диване. Хмурый он стал в эти дни, неразговорчивый. Домой приходит поздно. Неохотно покушает и молча ляжет на кровать. Временами тяжело вздыхает. Мальчику порой хочется подойти к отцу, прилечь рядом, погладить его сильную руку. А вдруг он скажет: отстань, сынок, не до тебя теперь. И Боря молчит. Бабушка тоже молчит. Невольно кажется, что в доме кто-то тяжело заболел.

Сегодня отец собрался на ферму, когда Боря в сладкой дрёме лежал ещё на постели. И может заснул бы ещё, если бы не разговор на кухне, который хорошо слышался в приоткрытую дверь.

— За кормом поедем, — сухо бросил отец.

— Ой, что ты, Фёдор, — застонала бабушка. — Ведь нисколько не стихает, замёрзнете.

— Тут недалеко.

— Куда теперь ехать? Возьмите вы сена в бригаде или на МТФ.

— В том-то и беда, что негде взять. У всех в обрез. С первозимья сколько твердил председателю: завезти надо. Успеем, говорит. Вот и успели. Тулуп в чулане?

Не успела захлопнуться дверь за отцом, как Боря вскочил с постели и мигом взобрался на печь. Вскоре оттуда упал валенок, за ним второй.

— Это куда собираешься? — тревожно спросила бабушка, подкидывая в печку дрова.

— Папа за кормом поехал, а я до школы не могу дойти, да? Три дня дома сижу.

— Зачем же ты пойдёшь, если там нет никаких занятий? Ведь по радио-то не объявили?..

— А я всё равно пойду. Папа в степь уехал, а мне сидеть? Попрошу Дмитрия Петровича, чтобы домашнее задание проверил...

— Ну, неси тебя лихая, — бабушка досадливо махнула рукой. — Вы с отцом ничего в резон не берёте. Как зарубите на своём — всё! Настойчивые. — Последние слова старушка сказала так, что Боря не понял, то ли бабушка недовольна настойчивостью, то ли гордится ею. Да и разбираться некогда в этом. Радостный, он выскочил на двор. И только за воротами Боря подумал: куда он пойдёт? В школе, в самом деле, наверное, никого нет. А может, собрались? Всем, поди, надоело дома? Боря поднялся на вершину перегородившего улицу сугроба. Здесь встречный ветер был ещё злей. Он хлестал жёстким, похожим на крупу снегом, трепал одежду. И что у Бори за пальто. Когда хорошая погода, так в нём жарыща, в буран же ветер гуляет по всему телу, так и пронизывает насквозь. Мальчик прикрыл рукавичкой лицо, на миг задумался. Бабушка-то, может, правду говорила? В такое время лучше дома сидеть. А за кормом, наверное, из первой бригады поедут. До неё недалеко, там можно обогреться, а потом и в школу пойти. Интересно, кто поедет с отцом. Дядя Артём, наверное?

Мальчик нахлобучил поглубже шапку, перехватил в другую, не озябшую руку портфель и решительно зашагал.

— Ра-я-я, — донёс откуда-то ветер.

Боря оглянулся. Увязая в снегу, из переулка, то пропадая в густой пелене снега, то вновь появляясь, бежала маленькая, закутанная с головы до ног фигурка. От толчков ветра она качалась, спотыкалась. «Неужели Тамарка?» — обрадовался Боря. Но мальчик ошибся. Это была Нинушка. Она была закутана толстой

шерстяной шалью так, что на лице виднелись одни глаза. Чуть приоткрыв шаль, она сказала:

— Какие у тебя ледяшки на бровях... И на ресницах тоже. Пальцами прижми, оттают... Хорошо, что подождал. Вдвоём веселей. А нас так занесло, что соседи насилу откопали. И когда только затихнет? Дедушка говорит, что ещё неделю такая будет.

— Знает твой дедушка. По нему хоть всю зиму пусть несёт: на печке не продует.

— Нехорошо так о старых говорить, — укоризненно заметила Нинушка. — Дедушка погоду ногами узнаёт. Крутит их от ревматизма. Знаешь, сколько он в жизни перенёс?

— А знаешь, что на ферме сена нет? — вызывающе спросил Боря, подчёркивая этим, что всё остальное для него безразлично. — Сегодня поедут... Может, уже уехали.

— Нет, ты правду говоришь? — Охваченная беспокойством, Нинушка посмотрела в степь. Степь кипела, как огромный котёл. Извилистая дорога, шагающие в райцентр телеграфные столбы, ферма со знакомыми очертаниями увала — всё исчезло, точно провалилось куда-то. — Пошли в бригаду? — девочка нетерпеливо схватила Борю за рукав. — Узнаем.

Боря согласно кивнул головой. Он только этого и ждал. Шуточное ли дело — ехать теперь за кормом. А может, они ещё собираются и Боря с Нинушкой проводят их.

Тяжело идти. Шагаешь, шагаешь, а всё на одном месте. Нинушка то бежит рядом с Борей, то, приотстав, ступает в следы мальчика и прячется за его спину. Так немного легче.

Перед воротами бригадного двора метель накрутила высоченный, похожий на башню, сугроб. Мимо него торопливо прошмыгнули спорбленные бураном фигуры.

Во дворе, к удивлению ребят, оказалось многолюдно. Лица у всех тревожные, разговаривают отрывисто. А у задних ворот, впряжённый в сани, стоял Слон — самый сильный в колхозе конь брабансонской породы.

— По три тонны возит, — оборачиваясь к Нинушке, заметил Боря. — А дорогу лучше любого человека знает. Откуда хочешь домой привезёт.

За Слоном стояли ещё две готовых подводы, около четвёртой возился Фёдор Иванович и дядя Артём. Из-под навеса вышел Виктор Сергеевич с толстой берёзовой жердью на плече. Боря сразу догадался, что это гнёт. Наложат сена на сани, а сверху гнётом так придавят, что падай воз — ничего не случится. Чуть покачиваясь под тяжестью, Виктор Сергеевич шагал бодро. Увидев ребят, он так подмигнул, что те невольно прыснули. Всегда он такой весёлый. А вот дядя Артём насупился. Во всех его движениях медлительность и явная неохота. На коня ворчит, хотя тот стоит в оглоблях не ворохнувшись.

— Вас не ветром случайно сюда забросило? — спросил парт-

орг, положив в сани гнёт. — Ну, что молчите? — шутя крикнул он.

— Нет, мы в школу. Дядя Витя, кто за сеном поедет?

— Дома-то надоело. Ведь так от программы можно отстать, — дополнила Борю Нинушка.

— Ишь, забеспокоились... Значит, и бурана не боитесь.

— Чего его бояться-то, — ответил Боря, шмыгая озябшим носом. Нинушка тоже нетерпеливо топталась на одном месте: ноги, видно, замёрзли.

— Слышишь, Артемий Кондратьевич? А ты испугался.

— Чудной ты, Виктор Сергеевич. До детишек меня приравниваешь. Я ничего не испугался. Только одно говорю, что в такую бурю добрый хозяин и собаку в степь не пустит. А мы отправляемся.

— Что же теперь делать? — сердито спросил Фёдор Иванович. — Овцы погибать должны?

— Сиди на печке, я поеду.

— Раз такое дело, никто не откажется, — заметил конюх и обратился к Артёму: — Оставайся за меня на конюшне.

Окруживший подводы народ одобрительно загудел. Послышались голоса:

— Каждый поедет!

— Какой может быть разговор!

Артём смолк, сняв рукавицы, начал старательно затягивать супонь. В калитке появился председатель колхоза. В новой лисьей шапке и чёрной дублёной шубе, перехваченной синим кушаком, он подал парторгу руку, кивком головы поздоровался с колхозниками, с недоумением посмотрел на ребят, точно спрашивая: «И ты без вас не обходится?»

— Ну, что, — обратился к парторгу.

— Сейчас выезжать будем.

— Да.. а..а, — задумчиво протянул Савилов, взглянув на мутное небо. — Зайдём-ка в бригадную.

— Пойдём и мы погреемся. — Нинушка настойчиво потянула Борю за рукав.

Из бригадной избы доносился многоголосый говор. Ребята сразу остановились около плиты. Красная, она дышала приятным теплом. Боря снял рукавицы, растегнул пальто, протянул над плитой ладони с негнушными пальцами. Нинушка сняла с себя шаль и тоже жалась к плите. Одежда на ребяташках обмякла повлажнела, а по телу растекалась сонная истома.

Нинушка взяла табурет и начала устраиваться около печки.

— Не ожидал я от тебя такого совета, Григорий Данилович, — послышалось вдруг из конторки бригадира, отгороженной от общей комнаты тонкой деревянной переборкой.

Ребята встрепенулись. Говорил Виктор Сергеевич, но голос у

него был на этот раз жёстким. Никогда не слышали ребята такого голоса у парторга.

— Весь народ беспокоится, а я, секретарь партийной организации, в сторону отойду? Пусть тонкорунные овцы гибнут. Так, что ли? Не к лицу тебе, Григорий Данилович, такое.

— Да ты не кричи! Вспыхнул, как спичка. Пойми, о чём речь веду. Здоровье у тебя слабое, раны открыться могут. Вместо тебя двоих можно послать... И сам могу поехать. О хозяйстве, сам знаешь, как я беспокоюсь. Но кто же знал, что с перевозимья такое разыграется...

— Руководитель должен всё знать, — едко бросил Виктор Сергеевич и чётким военным шагом вышел из конторки.

Вскоре из ворот бригадного двора одна за другой выехали четыре подводы. Слон, грузно увязая в снегу, шагал спокойно, уверенно. Ветер трепал его пушистую гриву. Прижавшиеся около ворот ребята с гордостью смотрели на закутанных в лохматые тулупы колхозников.

Вот они скрылись в снежной мути. Метель поспешно зализывала следы уехавших.

ТОЛЬКО ПРАВДУ ГОВОРИ

Несмотря на плохую погоду, в школу пришли почти все ребята. Но Дмитрий Петрович чувствовал, что последний урок идёт как-то комом. Ребята сидели как будто тихо, ничем посторонним не занимались, но никак не удавалось добиться напряжённой сосредоточенности их, того восторженного блеска глаз, когда учитель с радостью видит, что всё окружающее забыто, дети на лету ловят слова и надолго, быть может на всю жизнь, запоминают их.

«Плохой я педагог. А почему всё-таки они не слушают, что отвлекает их?» — испытующий взор Дмитрия Петровича поочерёдно останавливается на учениках.

Лёнька, нахохлясь, точно холодно ему, тербил и листал раскрытый учебник. Когда от сильных порывов ветра вздрагивали стены, а в стёкла бился и сыпался сухой снег, мальчику становилось не по себе. Он досадливо, даже болезненно морщился. Лучистые чёрные глаза Бори широко открыты. Смотрел, кажется, внимательно и даже не моргал. Но не слушал. Мысли мальчика где-то далеко. Но где? Не так-то легко узнать чужие мысли. А мысли Бори были сейчас в степи, около стога сена. Он как наяву видит отца и Виктор Сергеевич подают чабану Артёму навильник за навильником. Лучше дяди Артёма мало кто умеет накладывать воза, но сегодня у него ничего не получается. Ветер заворачивает углы воза, срывает семя с вил. Ключья его летят по степи. Чабан то ворчит в бороду, то начинает громко проклинать буран. «Спокойно! — поднимая навильник, кричит Виктор Сергеевич. — Принимай!»

Когда мимо самого носа пролетел и звучно стукнулся о парту туго свёрнутый кусочек бумажки, Боря от неожиданности вздрогнул, но сообразив, что это записка, быстро накрыл её ладонью. Украдкой взглянул на учителя. Кажется, не заметил... Зажав бумажку в ладони, мальчик опустил руку под парту. По аккуратным, чуть склонённым на левую сторону буквам Боря сразу узнал руку Ниинушки. «Ты только не поднимай меня насмех, — писала она. — Говорят, если всех лысых в деревне переписать и эту бумажку выбросить на улицу, то погода обязательно утихнет. Я этому нисколько не верю, а если хотите, попробовать можно».

Мальчик укоризненно покачал головой: как, дескать, тебе не стыдно. Девочка смугилась, а Тамара, перехватив взгляд Бори, согласно закивала головой: «Всё это чепуха, бабушкины сказки», — убедительно говорили её глаза.

— Очень тяжело человеку, когда он работает, старается и видит, что всё впустую, — с горечью сказал учитель.

По классу точно ветерок прошёл.

Застигнутые врасплох, ребята наспех принимали серьёзный сосредоточенный вид, стараясь подчеркнуть этим, что они всё время внимательно слушают и ничем больше не занимаются, ни о чём не думают.

Тамара аккуратно сложила на парту руки и уставилась на учителя. Девочка безуспешно пыталась припомнить, о чём рассказывал учитель. Только Лёньки ничто это, кажется, не касалось. Он попрежнему рассеянно листал и тербил учебник.

— Правду я говорю, Тамара?

Девочка побледнела, потом зарумянилась так, что, казалось, вот-вот вспыхнет пламенем. Её устремлённый на учителя взгляд перескочил на парту, потом обратился к товарищам. «Что же мне делать? Помогите!» — умолял он, и вдруг глаза Тамары радостно вспыхнули и устремились на учителя.

— Конечно, правда. Я даже по себе знаю. Прошлым летом заставила меня мама воды натаскать. А кадучка рассохлась, как решето. Таскала я, таскала — и бестолку. Даже досада взяла...

Слушая, учитель сосредоточенно смотрел в раскрытый классный журнал, точно отыскивая фамилию Тамары, чтобы поставить оценку. Но вот он вскинул голову.

— Меня тоже досада взяла. Говорю я, говорю, и никто не слушает. В чём дело?

Тамара пыталась что-то сказать, но учитель перебил её:

— Только правду говори! Ты знаешь, что надо всегда говорить правду.

И Тамара начала рассказывать. Опустившись на стул, учитель внимательно слушал. Глаза его стали тёплыми, на губах играла довольная улыбка. Вот он опять нашёл те нити, которые прочно всегда связывали его с ребятами. «Но почему я их потерял?» — с укором спросил себя учитель, и лицо его стало серьёзным.

— А что ты на окна заглядываешь?

Неохотно поднявшись, Лёня молчал.

— Говори! Чего испугался-то, — шептал Боря.

Лёнька переступил с ноги на ногу, окинул всех взглядом и начал рассказывать.

НА ПОМОЩЬ!

После звонка не успел Дмитрий Петрович прикрыть за собой дверь, как класс сразу загудел. Все нетерпеливо вскочили с мест, не слушая друг друга, заговорили. Андрейка устремился со своей задней парты к Лёньке. Он так разбежался, что не смог сразу остановиться и наскочил на товарища.

— Говорил, что Дмитрия Петровича нечего бояться. Сразу надо было сказать.

— Пойдём к Ефремовне за лопатами, — предложил Лёнька и, чтобы сократить путь, начал прыгать по скамейкам парт к двери.

Вскоре, застёгивая на ходу полушубок, в класс вошёл учитель.

— Готовы? — спросил он. — Сколько лопат?

— Три, — послышался из коридора голос Лёньки. — Одна совсем плохая.

Вышли на крыльцо.

Метель, кажется, стала ещё яростней. Со стоном металась берёзы, точно рвались и не могли убежать куда-то. То и дело бухала сорвавшаяся с крючка дверца ставни, пронзительно скрипели ворота. Эта режущая стихия подавила ребят. Примолкнув, они опасливо оглядывались вокруг, невольно запахивая плотнее одежду. С крыши крыльца сеялся мелкий снег. Из-за угла здания нет-нет, да и вырвется снежная струя и здесь, в затишье, сразу обессилев, ляжет в большой сугроб. Сходить с крыльца страшно, точно в ледяную воду окунуться надо. Переглядываясь, ребята ёжатся.

— Вперёд! — вдруг лихо, по-командирски закричал Лёнька и решительно прыгнул в пухлый, перегородивший дорогу сугроб. За ним последовали остальные.

Цепочкой ребята пробирались к теплице. Но она пропала. На месте её виднелся высоченный сугроб, а из-за него смутно выглядывал верх кирпичной трубы.

Тяжело вздохнув, Лёнька воткнул в снег лопату. Как же дверь под снегом искать? Хватит работёнки.

— Ой, я снегу начерпала, — стонала Нинушка.

Ухватившись за Тамару, она поджала ногу, чтобы снять валинок. Но озорно наскочивший ветер так ударил девочек, что они свалились с ног. Стали подниматься и по пояс провалились в снег. Мальчики попытались им помочь и сами провалились. Со всех сторон слышались смех, шутки, советы. Пострадавшие сначала испуганно визжали, потом стали смеяться.

Вместе со всеми смеялся и Дмитрий Петрович. Молчал только Лёнька. Ему не терпелось зайти в теплицу, узнать, всё ли благополучно там. Нащупав лопатой тропинку к двери, он начал копать снег. К нему присоединились Боря и Дмитрий Петрович. Глубоко вонзая лопату, Дмитрий Петрович ловко откалывал огромные снежные глыбы и быстрым взмахом выкидывал их. Ветер подхватывал глыбы, разбивал их на мелкие куски, переваливал с боку на бок по волнистому насту. Лёнька тоже пытался откалывать большие глыбы, но ему это не удавалось. «Дерьмо какое-то, а не лопата», — сердито шипел он под нос. Мальчику стало жарко. Он расстегнул верхние пуговицы пальто, сдвинул на затылок шапку. А девочки стояли, дрогнули от пронзительного свистящего ветра, слёзным голосом просили дать им работу. «А то уйдём», — гримасничала Тамара. Но все знали, что она ещё час будет дрогнуть и никуда не уйдёт.

Снежная трапеза становилась всё глубже. Вскоре открылась дверь теплицы.

— Прыгай сюда! — скомандовал Лёнька. Он постучал лопатой по увесистому, облепленному снегом замку. Затем достал из внутреннего кармана пальто завернутый в бумажку ключ.

— В тамбуре постоим, а то сразу настудим теплицу. Нас вой сколько, — предложил Лёнька таким голосом, что возражать ему было невозможно. Все поняли, что он хозяин, знает, что делать, и ему необходимо подчиниться.

Ребята зашли в теплицу и будто в другом мире оказались. Даже не верилось, что за стенами по стеклянной крыше гуляла метель. Влажный, чуть пряный воздух пронизан светом больших электрических ламп. На полочках стоят добытые где-то Сергеем Кузнецовым кактусы. Они напоминают большие, соединённые в букет огурцы, густо унизанные иголками. Рядом с ними зеленеет душистый лимон, чайная роза и ещё какие-то неизвестные ребятам растения.

Лёнька первым делом подбежал к висевшему на стене термометру.

— На три градуса меньше нормального, — сказал он упавшим голосом, — подтапливать надо. Вот там мы посадим огурцы, — говорил он, распахивая дверку печки. — Если дядя Сергей достанет лампы дневного света, то в апреле свежие овощи будут. А весной мы обеспечим всю колхозную плантацию рассадой.

Лёнька хотел ещё что-то сказать, но неожиданно где-то вверху закрипел снег. Все насторожились. В дверь ввалилась белая от снега турьба народа. Среди закутанных в шерстяные платки девушек Боря узнал Тоню Кошелеву. Большие, опушённые заиндевелыми ресницами, глаза её весело сверкали.

— А мы теплицу шли откапывать. Оказывается, опоздали. Здравствуйтесь, совсем забыла, — сказала девушка.

Вошёл запыхавшийся Сергей Кузнецов. Протолкавшись впе-

Пейзажи родного края. Над Катунью. Фото М. Савина.

рѣд, он молча осмотрел теплицу и устало опустился на скамейку около печки.

— Спасибо, Дмитрий Петрович. У меня вся душа истомилась. Пришлось вот комсомольцев поднимать...

Учитель хотел сказать, что это забота старосты кружка Лёньки, но не успел.

— В набат бьют! Люди заблудились! — послышался чей-то изменённый до неузнаваемости тревожный голос.

Сердце Бори сжалось. Бледный, с полными ужаса глазами, он смотрел на окружающих, как бы спрашивал: «Теперь они замёрзнут?» Поражённые известием, люди на какое-то мгновение замерли, а потом сразу ринулись к двери.

— Товарищи, только спокойно. Организованно надо, — звонко предложила Тоня Кошелева.

Вместе со всеми выскочил из теплицы и Сергей Кузнецов. За дверями он долго барахтался в пухлом снегу, пытаясь выбраться из вырытой ребятами ямы. Выбившись из сил, он горько пробормотал: «На одной ноге далеко не ускачешь. Где уж мне другим помогать?» В опустевшей теплице Сергей сердито бросил в угол свои костыли, сел. Взгляд его остановился на Лёньке. Сидя на сложенных стопкой кизяках, мальчик внимательно следил за разгоравшимся в печке огнём. Всё остальное, казалось, его не касалось. Рядом стоял Андрейка. Растерянный вид мальчика говорил, что здесь он находится по воле старосты и готов в любую секунду устремиться вслед за ушедшими.

— Вы чего же, как одиночники... Нас не касается, хата с краю?..

— Дядя Сергей, как же теплицу бросать? Вон как выстудили. Сколько народу побывало. Температура на пять градусов упала.

— А не будь народа, ходил бы вокруг теплицы. Мы с тобой откопали бы её?.. Нельзя так, — сказал Кузнецов. — Беспокойство о людях надо иметь.

Небо было хмурым и таким низким, что, казалось, вот-вот упадёт на землю. Надвигалась ночь. Только на западе края глыбистых облаков были пропитаны алым, точно клюквенный сок, светом.

Боря бежал, напрягая все силы и стараясь не терять из вида маячившую впереди чью-то спину.

— Ребята, в школу! Все в школу! — слышался позади голос Дмитрия Петровича.

Бум... бум... бум... — метались в вихрях бурана тревожные удары колокола.

— Боря, Боря, подожди!..

Мальчик испуганно оглянулся. «Уж не в школу ли его хотят вернуть?»

— Подожди, Боря, вместе... — с трудом выговаривала запыхавшаяся Тамара и протянула мальчику руку.

Боря молча схватил Тамарину руку в пушистой белой варежке. Так они добежали до кошары. Здесь ветер, срываясь с увала, пронёсился на бреющем полёте. Крыша кошары трепетала, как живая, шуршала каждой камышинкой. Казалось, вот-вот она будет сорвана и развеяна в клочья. У распахнутых дверей, в полосе яркого света, ребята увидели Слона. В хомуте, накрытый тулупом, конь стоял могучий и, как всегда, спокойный. И только забитая снегом волнистая грива, ледяные сосульки вокруг рта и глаз говорили о том, что Слон прошёл трудный путь.

— Приехали!

— Папа! Виктор Сергеевич! — радостно вскрикнул Боря, поспешно вбегая в кошару.

Ой, сколько народа здесь! Тоня Кошелева со своими комсомольцами, бригадиры полеводческих бригад, председатель колхоза, конюх, доярки, свиноводы. Но почему все хмурые, сердитые? И никто не обратил на ребят никакого внимания. Даже головы не повернул. Жадный, стремительный взгляд Бори ищет отца, Виктора Сергеевича. Но их нет. В тесном людском кругу стоит лишь один чабан Артём. Выше остальных почти на целую голову, он смотрит на окружающих опасно, точно боится людей.

— Ты хоть Расскажи путём, как всё получилось? — нарушая напряжённую тишину, предлагает чабану председатель колхоза Савилов и ожесточённо трёт щетинистый подбородок — так он всегда делает, когда сильно волнуется.

— А чего рассказывать-то? — с озлоблением отзывается чабан. — В кошаре можно всяко думать. А там, пожалуй, по-другому заговорили бы... Мы из сил выбились, пока воза наложили. Она сперва низом мела, а когда тронулись, сверху повалила так, что как ночью стало. Руки вытянешь и не видишь их. Вот я и отстал... Дорогу потерял. Мучился, мучился — сил никаких нет. Конь тоже совсем пристал. Провалился по брюхо и ни с места. Хоть плачь. Вот и пришлось отпрягать. Взял я вожжи, один конец Слону за гужи, а второй за себя.

— Да-а, — задумчиво произнёс Савилов, — некрасиво у тебя получилось.

— А что же мне — замерзать? — Чабан гордо вскинул голову. Его вызывающий взгляд с председателя колхоза перескочил на Тоню Кошелеву, скользнул по всем колхозникам и поспешно упал на носки своих больших, обмерзших валенок. — Не верите?

— Сам посуди, Артёмий Кондратьевич, у Фёдора с Виктором пять возов, а кони послабей. Где же им за тобой ухватиться. — Помолчав, Савилов с горечью заключил: — Не ожидал я от тебя, Артёмий Кондратьевич, такого.

Народ заволновался. Гул голосов прорывали резкие слова:

— Струсил.

— Ясное дело.

— Дорогу из колхоза указать следует...

— Григорий Данилович, людей надо спасать.

— Да-да, — спохватился председатель, — с этим после разберёмся. Но что делать?

— Они поблизости, должно быть, — продолжала Тоня Кошелева. — Искать надо!

— Пойдёмте, — Савилов резким движением запахнул полы шубы. — Да несите фонари!

Двое комсомольцев бросились в теплушку за фонарями, остальные, обступив председателя, внимательно слушали его распоряжения.

— Только не терять друг друга из вида. Знать, кто справа, кто слева, и всё время перекликаться.

Артём остался в стороне. Сгорбясь, точно под тяжестью, он всё время теребил крючковатыми пальцами бороду, в которой сверкали не растаявшие ещё ледяшки.

О нём будто забыли. Только Боря с Тамарой не спускали с чабана пытливых взглядов. Мальчику казалось, что перед ним кто-то другой, а не дядя Артём, о котором отец говорил: «Не чабан, а золото. Любит своё дело. Характер каждой овцы знает». А теперь папа замёрзнет из-за этого «золота». Глаза мальчика наполняются слезами. Так и хочется сказать Артёму что-то обидное, оскорбительное.

— Напрасно, Боря, так расстраиваешься. Всё будет хорошо. Найдём отца и Виктора Сергеевича, — говорит неизвестно когда подошедший Дмитрий Петрович. — Только из кошары ни шагу... Слышите, Тамара? — строго спрашивает учитель.

Ребята утвердительно кивают головами.

— Всё будет хорошо! — повторяет Дмитрий Петрович и, хлопнув Борю по плечу, ободряюще улыбается, а у самого в лице беспокойство, тревога. Скрывает, а чего уж тут скрывать...

— Пошли, товарищи! — командует Савилов.

Боря выбежал за ворота. Ему нестерпимо хотелось ускользнуть вместе со всеми. Но рядом, как часовой, выросла Тамара.

Они стояли за дверями и неотрывно смотрели на цепочку напряжённо мигающих фонарей. Уплывая всё дальше и дальше, огни таяли в темноте.

— Продрогла я. Пойдём греться, — с трудом шевеля непослушными губами, говорит Тамара.

Слова девочки взрывают расстроенного Борю.

— Проваливай, если охота! — кричит он. — Люди в степь ушли — ничего, а она около кошары замёрзла. Скажи — струсила, как дядя Артём?..

— Ну и уйду, — обидчиво отозвалась девочка. Но после этого

ещё долго стояла подле Бори. Потом, боясь повернуться к обступившей темноте спиной, стала осторожно пятиться к двери кошары. А Боря, присев на корточки, упорно всматривался в лохматую ночь. Где же отец, Виктор Сергеевич? Вон что-то чернеет и, кажется, движется. Это они!

— Папа! — обрадованно вскрикнул мальчик и рванулся вперёд. Ветер, точно решив помочь, напористо толкал Борю в спину. Проваливаясь в снег, мальчик спотыкался, падал, но бежал и бежал. А то чёрное отодвигалось, скрывалось и, наконец, совсем пропало. Задыхаясь от усталости, Боря недоумевающе огляделся. Может, вот эти кусты березняка он принял за возы с сеном? Стало обидно и страшно. Но где же отец, Виктор Сергеевич? Боря опять двинулся вперёд. Ветер теперь бил в левый бок и как иголочкам колоч щёки, шею и руки. Потом мальчику захотелось отдохнуть, сесть прямо в снег. Он сел и почувствовал, что страшно устал и хочет спать. Глаза мальчика закрылись. Внезапно появилась мать. И как она только успела приехать из района? Заботливо укрывает полущубком Борю: «Спи, сынок, спи!» Мальчику становится тепло, приятно, будто лежит он на горячей печке. В приглушенном сознании вдруг ярко всплывает слышанный от кого-то рассказ о замерзающих: «Совсем холода не чувствуют».

«Замерзаю!» — от этой страшной мысли Боря кричит, барахтается в снегу, вскакивает. Пьяно качаясь, идёт, сам не зная куда. Ветер то стихает, будто передышку делает, то с новой силой набрасывается на мальчика, больно стегает лицо. Боря отворачивается и видит в тёмной дали мелькающие огоньки.

«Едут!» — Мальчик бежит, спотыкается, падает, задыхается от усталости.

А огни всё ближе и ближе. Мальчик уже видит руки людей, несущих фонари, их ноги, видит воза сена, слышит сквозь шум метели отрывистый говор, пофыркивание коней. Люди идут уверенно, смело. Кажется, нипочём им страшный буря!

Боря бросается к идущему у переднего воза человеку.

— Кто это? — удивлённо вскрикивает тот, подхватывая мальчика.

— Папа!

— Сынок!

Фёдор Иванович прижимает Борю к груди, накрывает широкой полой лохматого тулупа. Мальчик чувствует кислый запах намокшей свчины. Он почему-то кажется приятным.

КОГДА НЕ БЫВАЕТ СТРАШНО

Никогда Боря не думал, что болеть хуже всего на свете. На улице ослепительно сверкает снег. Яркое солнце заглядывает в проталины морозных узоров на стёклах, из колхозной кузицы доносится весёлый перестук молотков, а он, Боря, должен всё

время лежать, ни о чём не думать, ничего не знать, а только принимать порошки, таблетки, пить какую-то кисло-солёную микстуру. Ох, и надоели они.

Вчера приходили Тамара, Лёнька и ещё кто-то. Боря слышал, как мать разговаривала с ними на кухне.

— Температура спадает, кашель меньше... Но сегодня к нему нельзя. Врач не велел. Приходите завтра.

Боря хотел выскочить на кухню, но даже подняться с кровати не смог. В голове сразу зашумело, в доме всё закачалось, точно на воде. Вошли бабушка и мать.

— И что же ты такой неугомонный? — укоризненно спросила бабушка. — Ведь хуже себе делаешь. Никуда твои товарищи не денутся. Ослушник, суёшься куда не следует. Через это вот и хворашь...

— Хватит! — тихо, но строго сказала мать. Старуха обиженно смолкла и, рассерженно шлёпая валенками, вышла на кухню. А мать под села к сыну, нежно гладила его горячую руку. За несколько дней болезни Боря сильно изменился. Лицо осунулось, а чёрные глаза стали ещё больше и лихорадочно блестели. Мальчик казался нежным, хрупким, точно прозрачным.

— Мама, а что ребята говорили?

— У них всё хорошо. Тебя ждут. Виктор Сергеевич с Дмитрием Петровичем тоже заходили. Говорят, пусть скорей поправляется. А мне надо на курсы ехать. Отстать могу.

— Я тоже отстал. Но мы догоним. Правда, мама?

— Конечно, постараемся...

— Мама, Лёнька про теплицу ничего не рассказывал? А на ферме как? — пытливо спросил мальчик. Но мать не ответила. Нежно обняв сына, она задумчиво сказала:

— Беспокойное у тебя сердце, в отца... В жизни, видать, свою дорогу сумеешь найти. На одном месте топтаться не будешь.

...Вечером отец с матерью ушли на общее колхозное собрание. Пришли оттуда радостные, взволнованные. Слушая их, Боря тоже разволновался и долго не мог уснуть. Да и можно ли быть спокойным, если общее собрание постановило объединиться с колхозом «Степной орёл». Теперь в деревне будут строить кирпичный завод, животноводческие фермы, заложат большой сад. О школе тоже говорили. Виктор Сергеевич сказал: «Хватит нам возить ребятшек по чужим деревням. Пора свою семилетку построить». Скорей бы весна приходила...

А ещё отец рассказывал про чабана Артёма. Ходил он в эти дни сам не свой, на людей не смотрел. А на собрании сказал:

— Вы, товарищи, или выгоните меня из колхоза или простите, дурака старого. Не могу я так жить: совесть замучила.

...Утром чуть свет появились по пути в школу Тамара, Лёнька и Нигушка. При матери Бори они чувствовали себя неудобно. На цыпочках прошли в переднюю, осторожно сели на краешки пред-

ложенных стульев. Не зная с чего начать разговор, беспомощно переглядывались. Но вот Ксения Филимоновна ушла, и все сразу оживились.

— Боря, ты слышал, о чём на собрании вчера говорили? — Тамара с шумом пододвинула к кровати стул.

— Знаю, — сказал Боря.

Это явно разочаровало девочку, но она продолжала:

— Здорово, правда? Боря, ох ты и смелый! Как не побоялся тогда пойти в стель? Ночью одному... мне и сейчас об этом вспоминать страшно.

— Мне тоже было страшно, я даже плакал, — Боря начал подниматься с постели.

— Ты лежи! — строго заметил Лёнька.

— Конечно, лежи, а то хуже будет. Бабушка наша от простуды над горячей картошкой парится. Хорошо помогает, — сказала Нивнушка, взглянув на лежащие на столе лекарства.

— Нет, вы послушайте... Когда я думал о себе, мне было очень страшно. Оглянешься и, кажется, волков видишь. Крадутся и вот-вот схватят. А вот когда я вспоминал о папе и Викторе Сергеевиче, мне не было страшно. Я хотел их обязательно найти, боялся, что они замёрзнут. Это почему? — Горячий взор мальчика пытливо останавливался то на одном, то на другом товарище.

— А знаете! — обрадованно вскрикнула Тамара, — папа рассказывал, что и на фронте также. Когда, говорит, думаешь о родине, о своём народе, то ничего не страшно. Идёшь прямо на фашистов.

— Правда? — спросил Боря и, довольный, устало опустил глаза на подушки.

— Заговорились, а времени половина девятого, — напомнила ребятам вошедшая мать Бори.

НАШ АЛТАЙ

Прошло два дня. У Бори спала температура, и мать со спокойной душой уехала опять на курсы.

Мальчик всё меньше лежал на постели. Он готовил принесённые товарищами домашние задания, читал книги. Но кому не надоест заниматься этим целый день? Боря всё чаще задерживался около окон. Затейливые искристые узоры на стёклах после обеда растаяли. Значит, на улице потеплело, или, как говорит бабушка, отмякло. В окна стали видны заваленная по крыши снегом деревня и степь, вся в стылых снежных гребнях.

К вечеру из-за вылизанного ветрами увала медленно поплыли тёмные облака. Боря долго смотрел на небо и ему вспомнилась географическая карта.

Облака напоминали разбросанные по синим океанам острова. Их становилось всё больше и больше. Вскоре они сомкнулись и

нависли над степью. В помрачневшем воздухе замелькали крупные хлопья снега. На улице появились малыши, кто на лыжах, кто с санками или ледянками. Вокруг них суматошно носились и звонко лаяли собаки.

Боря любил такую погоду. Ему тоже захотелось выйти на улицу, побывать на ферме или у товарищей. Да и почему не пойти, если у него ничего не болит — он совсем здоровый. Но бабушка оказалась иного мнения. Боря только заикнулся об этом, а она замахала руками:

— И не моги думать! Без того с тобой горя хлебнули...

Боря понял, что разговор бесполезен.

— Ладно, — сказал он. От досады и горести голос мальчика дрогнул. Боря лёг на опостылевшую за эти дни постель. Хотелось в отместку чем-нибудь досадить бабушке. «Самовольно убегу», — решил он.

Как только старуха вышла зачем-то из дома, Боря, сломя голову, бросился на кухню одеваться. Нахлобучил обеими руками шапку, но никак не мог найти валенки и пальто. Бабушка оказалась хитрей. Спрятала и пальто и валенки. Наверное, в сундук, под замок закрыла.

Так и не пришлось Боре побывать на улице.

Но вот, наконец, настал день, когда Боря вместе с товарищами широкой улицей шёл в школу. Утро было ясное, морозное. Всё радовало мальчика и казалось новым, необычным. Как-то по-особенному, очень уж зябко, вздрагивали на ветру молодые берёзки. От клуба слышалась необычная музыка, даже дым из труб и тот удивлял мальчика.

Боря то заскакивал на самый высокий сугроб и кричал первое подвернувшееся слово, то ни с того, ни с сего шутливо толкал Тamarу или набрасывался на Лёньку. Товарищи во всём уступали Боре. Всем понятно, как наскучался Боря за время болезни. Вот и резвится. И только когда мальчик расстегнул верхние пуговицы пальто, Нинушка строго напомнила:

— Простынешь!

А Боре жарко. Бабушка закутала его так, что поворачиваться приходится по-волчьи — всем туловищем.

На крутом берегу реки ребята приостановились. На той стороне показалась школа. Возможно, новый человек и не приметил бы это небольшое, утонувшее в сугробах здание. Но для ребят оно стало совсем другим. Всё свободное время они пропадали в школе. Она невидимыми, но прочными нитями соединила ребят с колхозом, краем, всей страной. Из рассказов учителя, занятий кружков, книг они узнали много неизвестного. Мир раздвигался, становился большим и понятным.

Прежняя учительница, Ираида Александровна, проявляла явное недовольство, если ребята заходили по какому-нибудь случаю к ней на квартиру. Она, конечно, ничего не говорила, но кто не

может догадаться об этом по лицу, по голосу, по тому, как учительница поспешно проходит к порогу и говорит: «Надо ждать меня в школе, я скоро приду». Поэтому, когда Дмитрий Петрович пригласил ребят к себе, все очень удивились, у всех стали большими глаза.

В первое посещение ребята стеснялись, кучкой жались к порогу. Но побывали ещё раз, второй и привыкли. Стали ходить в маленькую комнатку учителя так же смело, как домой.

Постепенно сам собой сложился порядок поведения. Если учитель готовился к урокам или проверял тетради, ребята потихоньку рассаживались и, безмолвно переглядываясь и шмыгая носами, ждали. Но вот Дмитрий Петрович закрывал последнюю тетрадь и поворачивался к ребятам. Завязывался оживлённый разговор. И о чём только ни заходила речь: о разных случаях из своей жизни, о прочитанных книгах, о колхозе. Потом наступала очередь Дмитрия Петровича. Говорил он просто, но увлекательно. Скажет несколько слов и на самом интересном месте замолкнет. Ребята нетерпеливо двигаются с табуретками к учителю.

— А потом, Дмитрий Петрович?

И как нарочно, в разгар самого интересного за дверями слышалось просящее повизгивание и царапанье. Ближний открывал дверь. В комнату вкатывалась обрадованная Найда, а за нею с генеральской важностью вышагивал любимец Ефремовны — кот Мухряй. С поднятым трубой хвостом он по-хозяйски обходил комнату, тёрся выгнутой спиной о ноги ребят, прыгал на колени и всё мурлыкал, мурлыкал.

Не реже других бывал у Дмитрия Петровича и Андрейка. Вместе со всеми он слушал учителя, смеялся, когда все смеялись. Но ни разу Дмитрий Петрович не заметил, чтобы Андрейка чем-нибудь загорелся, проявил инициативу, что-либо предложил. Учитель беседовал с мальчиком, бывал не раз у него на дому. И всё бесполезно. Не удавалось найти той дорожки, которой бы Андрейка смело и напористо пошёл в жизнь.

Когда Андрейка записался в ботанический кружок, учитель обрадовался, но преждевременно. Мальчик очень скоро попал под влияние Лёньки, слепо выполнял все его приказания. «Лёнькин адъютант», — шутливо стали называть Андрейку товарищи.

Учитель подбирал для Андрейки книги. Мальчик прочитывал их и возвращал.

— Понравилась?

— Ничего, — неопределённо говорил он.

Дома Андрейка держал в клетках щеглов, чечёток. Во дворе, на высоком шесте, висела самоловка.

— Зачем мучаешь, выпусти!

— А чего? Я кормлю их, — сказал Андрейка и не выпустил птиц.

Как-то Дмитрий Петрович подал Андрейке толстую книгу в си-

нем хорошем переплётё. Мальчик перевернул несколько страниц, и лицо его оживилось. Это была книга о птицах Алтая. Учитель выписал её по межбиблиотечному абонементу из Барнаула. Андрейка читал книгу запоем, много и восторженно говорил о ней.

После этого ещё один случай окончательно убедил учителя в большом интересе Андрейки к птицам. Произошло это во время бурана. Зайдя после занятий к Ефремовне, учитель увидел Андрейку. Глаза его были полны слёз.

— Что случилось?

Андрейка протянул к учителю руки. В сложенных лодочкой ладонях лежал серый комочек. Это была чечётка. Головка птички безжизненно сникла, глаза затянuty тонкой, как папиросная бумага, плёнкой.

— С чердака упала, — заметила Ефремовна.

— Она замёрзла? — спросил Андрейка.

— Конечно... В такой буран взять-то нечего... Вот и пропала... На чердаке их полно набилось.

— Пойдём, посмотрим, — предложил Андрейке Дмитрий Петрович.

— Лестница в сарае, — напомнила Ефремовна.

Когда голова Андрейки всунулась в тёмное отверстие лаза, на чердаке поднялся невообразимый переполох. Стая птичек влетела под крышу, беспомощно заметалась между балок и стропил. Тут были и важные красногрудые снегири, и кокетливые с подрагивающими длинными хвостиками синицы, и серые чечётки, и досужие воробьи. Некоторые из птичек до того обессилели, что не могли взлетать. Нахохленные, жалкие, они лишь отступали в тёмные углы чердака.

У Андрейки перехватило дыхание. Несколько секунд он не мог ничего сказать, потом выдохнул.

— Ой, сколько!.. — Глаза мальчика вопросительно уставились на учителя: «Что делать?»

— Столовую им надо организовать, а ты заведующим будешь.

Пока Дмитрий Петрович отыскивал в сарае листы фанеры, укладывал их на чердаке, Андрейка вернулся от Ефремовны с полными карманами пшена. Торопливо рассыпал его по листам. Воробьи первыми набросились на корм, за ними робко подступили и другие птички.

— Проголодались! — шептал Андрейка, отступая к порогу.

С этого дня Андрейка всё свободное время пропадал на чердаке школы. Сюда он принёс и своих птичек, выпустил их из клеток.

Для Мухряя настали тяжёлые дни. Его совсем не выпускали на свободу.

Птичьей столовой заинтересовались и другие ребята. Многие приносили из дома пшено, конопляное семя, хлебные крошки. Андрейка корм принимал охотно, но на чердак допускал только в исключительных случаях, с большими предосторожностями. Буран

давно стих, но птицам, видать, не хотелось покидать сытного места. Улетев с чердака, они вскоре возвращались. Это радовало Андрейку.

Вот и сегодня Лёнька, Боря, Тамара и Нинушка ещё издали увидели на лестнице человеческую фигурку.

— Андрейка завтрак раздаёт, — безошибочно определила Нинушка.

Когда друзья взошли на крыльцо, Лёнька властно приказал:

— Ну-ка, заведующий столовой, сбегай в теплицу, узнай — дядя Сергей там или нет!

Андрейка, будто не слышал Лёньку, обратился к девочкам:

— Корм принесли? Давайте сюда! — Мальчик поспешно спустился с лестницы.

До звонка было ещё больше получаса, но Дмитрий Петрович уже стоял в коридоре. Увидев Борю, он обрадованно воскликнул:

— Пришёл? Выздоровел? Хорошо! — проходя в учительскую, Дмитрий Петрович кивком головы пригласил ребят.

В маленькой уютной комнате ребятам в первую очередь бросились в глаза щиты. Они напоминали классные доски, но были значительно меньше, с красивыми рамками, свеженькие, только из под фуганка.

— Это что такое, Дмитрий Петрович?

— Это?.. Стенд будем делать.

— Стенд! — повторило несколько голосов непривычное слово.

— А зачем?

— Как делать?

— Потом расскажу.

— Теперь!

— Теперь!

Учитель сдался. Подошёл к столу, взялся за трубку из толстой плотной бумаги.

Ребята тесно обступили стол. Им казалось, что учитель уж очень медленно развёртывает бумаги. Нарочно, что ли, маринует? На первой длинной полосе оказалось всего два слова, написанных стройными, красивыми буквами: «Наш Алтай». Ребята прочитали их и недоумевающе переглянулись. Что это значит? А Дмитрий Петрович тем временем отпустил бумагу. Она пружинисто свернулась и открыла ещё одну, не менее красивую надпись: «Знатные люди Алтая». Под этой оказалось ещё много надписей. Ребята едва успевали их читать: «Природа и животный мир Алтая», «Алтай — великим стройкам коммунизма», «Укрупнённый колхоз «Вперёд», «Наши лучшие люди», «Полеводство», «Животноводство», «Тонкорунное оцеводство».

Дмитрий Петрович аккуратно свернул бумаги, глянул на ребят и рассмеялся:

— Вижу, ничего не понимаете. Садитесь, объясню.

Ребята бросились гурьбой к старенькому дивану, стульям, во некоторым мест всё же не досталось. Пришлось стоять.

— Под этими надписями будут фотографии и рисунки. Некоторые я подобрал, но большую часть будете подбирать сами. Для этого придётся много почитать. Вот Лёня, например, возьмётся оформить стенд «Знатные люди Алтая». Ему надо знать этих людей, знать, что они сделали для Родины.

— А я знаю их. Лисавенко, разве не знатный? — бойко отозвался Лёнька. — А Фёдор Митрофанович Гринько?

— Правильно, — согласился Дмитрий Петрович и достал из папки фотографию, поднял её вверх. Сквозь прорезанные очки на ребят смотрел пожилой человек в военной гимнастёрке. Его добродушный взгляд, казалось, спрашивал: «Что, не узнаете?»

— Михаил Афанасьевич! — закричал Лёнька. — Я его сразу узнаю.

— А вот выведенные им сорта яблок, — учитель начал показывать красочные рисунки. Яблоки были прямо настоящими, так и просились в рот.

— А вот другой знатный алтаец.

Ребята увидели длинноволосого, испитого болезнью человека. С гусиным пером в руке он склонился над бумагой.

— Иван Иванович Ползунов — изобретатель первой в мире тепловой машины. Жил в Барнауле, — пояснил Дмитрий Петрович.

Ребята вспомнили это имя, названное первого сентября Виктором Сергеевичем. Вот он какой, Ползунов! Первым в мире изобрёл тепловую машину.

— Трудно, видно, ему было, — сожалеюще заметила Нинушка.

— Трудно, очень трудно. Он умер от чахотки.

Дмитрий Петрович начал показывать другие фотографии и рисунки. Над столом поднимались портреты создателей тонкорунной породы овец, творцов новых машин, токарей-скоростников, мастеров высоких урожаев. Ребята видели эшелоны с алтайским лесом, тракторами, снимки Телецкого озера, зверей и птиц Алтая.

Когда зазвенел звонок, Дмитрий Петрович сказал:

— Теперь подумайте, кто какой стенд желает оформить. Я помогу.

— Я — птиц и зверей! — смело заявил Андрейка.

— А я — про тонкорунных овец, — сказал Боря.

Лёнька с Тамарой взяли себе знатных людей Алтая.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Бывает так: ждёшь-ждёшь чего-нибудь и никак не можешь дождаться. А потом перестанешь ждать, а желанное само приходит.

Так и с ребятами получилось. Они никак не могли дождаться от Валерки ответа на своё письмо.

— Не хочет он нам писать! — решительно заключил Лёнька. Это походило на правду. Поэтому все согласились с Лёнькой, а Тамара пренебрежительно бросила:

— Ну и наплевать... Подумаешь, загордился. Ещё посмотрим, кто больше великим стройкам поможет. — Тамара окинула всех многозначительным взглядом и важно отошла.

По всему было видно, что она узнала что-то новое, интересное. А может и не узнала, а только делает вид, что знает. А нового и так много. Вот стенд — разве не новое? С ним столько интересных хлопот. Лёнька с Тамарой перед всем классом заявили, что оформят стенд с портретами знатных людей лучше всех. Никто из ребят, конечно, не захотел им уступить. Разгорелось настоящее соревнование: Но за Тамарой трудно угнаться. Она достала через сестру книгу из библиотеки. В ней рассказывалось о знатных людях Алтая и были хорошие их портреты. А потом эти портреты оказались вырезанными. Тамара приспособливала их на стенд. Дмитрий Петрович узнал и очень рассердился. Сказал, что так можно все книги перепортить. Попало, наверное, Тамаре и от сестры.

В общем о Валерке ребята на время забыли. Они уже не стали приставать к дяде Игнату с неизменным вопросом: «Нет ли письма?» И вдруг не письмо, а сам Валерка заявился.

Боря узнал об этом в выходной день. Утром только проснулся, а отец с иронической улыбкой заметил:

— Проспал всё на свете... Приятель-то твой как с неба упал.

Мальчик застыл в недоумении и вдруг, осенённый догадкой, рванулся к отцу, вскрикнул:

— Валерка?!

Фёдор Иванович не успел рта раскрыть, а Боря уже сорвал с вешалки пальто и шапку, распахнул дверь.

— Глаза-то хоть бы промыл, суматошный! — закричала вслед бабушка.

Во дворе на ходу Боря надел пальто, запахнулся и, не задерживаясь, побежал к Лёньке. «Спит ещё», — подумал впопыхах мальчик и ошибся. Лёнька чистил от снега крыльцо. С широкой лопаты вместе с большими, похожими на рафинад кусками снега летела вверх сыпучая серебристая пыль, оседала на Лёнькину шапку, чёрный барашковый воротник шубы. Выслушав новость, Лёнька неторопливо воткнул в сугроб лопату и сказал:

— Пошли!

Чтобы сократить путь к дому тётки Евдокии, ребята пошли огородами, по гребнистым сугробам. В сенях старательно обмели валенки. Боря с трудом открыл обшитую кошмой дверь. В просторной кухне никого не оказалось. В большой русской печи с гулом и треском полыхали дрова, а на затоптанном до черноты полу переливались розовые отсветы. В углах виднелись окурки, обрывки газет. Было удивительно тихо. Ребята переглянулись. Что

же это такое? «Неужели папа пошутил? — беспокойно подумал Боря. — Тогда Лёнька засмеёт».

— Мама! — услышался звонкий знакомый голос.

Ребята переглянулись и поспешно зашли в переднюю.

Валерка лежал в постели. Увидев ребят, он испуганно вздрогнул и беспокойно завозился под зелёным байковым одеялом: повернулся на бок, потом сел. Боря с Лёнькой, встав посреди комнаты, исподлобья, изучающе смотрели на Валерку, точно это был не товарищ, а совершенно незнакомый человек.

— Не по-пионерски ты сделал! — сурово рубанул в напряжённой тишине Лёнька. — Пионеры самовольно не бегают.

На бледном, продолговатом лице Валерки вспыхнул румянец. Он залил щёки, уши и шею. Мальчик молчал, не двигался, лишь беспокойно теребил тонкими, длинными пальцами край одеяла. Доброе сердце Бори не выдержало такого напряжения. Он жалостно посмотрел на Валерку, потом умоляюще на Лёньку и забормотал что-то невнятное.

— У меня альбом есть, — встрепенулся Валерка. — Вот посмотрите... — Мальчик проворно подскочил к маленькому чемоданчику, открыл его.

В это время в комнату заскочила Тамара с подругами. Потом незаметно зашёл Андрейка.

— Когда приехал? — с налёта спросила Тамара.

— Ночью, — охотно ответил Валерка, внутренне радуясь возможности уклониться от неприятного разговора о победе. Стараясь не встречаться с Лёнькиным укоряющим взглядом, мальчик торопливо затараторил: — Мы с дядей Леонидом... Гидротехником работает... Воду измеряет и профиля чертит. А в Боровом у него брат. Так он в гости к нему... Приехали в одиннадцать часов. Зашли домой, а за нами народу полная комната набилась. Как начали расспрашивать... Дядя Леонид до пяти часов рассказывал, а потом уехал в Боровое. Председатель своего рысака Мрамора дал. Говорит, за такие ваши дела ничего не жалко.

Тамара с тяжёлым, досадным вздохом опустилась на стул. Девочка никак не могла простить себе оплошности. Ещё ночью приехал Валерка, а она не знала. Как старуха какая. Тоня тоже хороша, только сейчас сказала. Нет — ночью забыть или хотя бы утром пораньше. А то Лёнька с Борей пришли...

Валерка бережно положил на колени большой красивый альбом, и глаза его радостно блеснули.

— Сам рисовал. — Валерка поднял толстую крышку.

Ребята увидели множество железнодорожных путей, и все они забиты эшелонами. А над ними возвышались костлявыми великанами краны. Одни из них хватили с платформы тракторы, автомашины, огромные ящики, целые горы мешков, другие уже высоко подняли ношу и как бы говорили: «Смотрите, какие мы сильные!»

— Товарная станция гидростроя, — пояснил Валерка. — Сюда со всех сторон поезда приходят. Я там и алтайские тракторы видел, и лес, и какие-то ящики с аппаратурой.

— Знаем, — сказал Лёнька. — Мы стенд такой оформляем.

Валерка перевернул страницу.

— Шагающий экскаватор! — вскрикнула Тамара.

Валерка утвердительно кивнул головой.

— А как он шагает?

Валерка начал подробно объяснять.

— Ноги у него такие, как лыжи. Как шагнёт — метра на два. А ковш — как дом почти. Как разинет его, как схватит — сразу целую гору.

Валерка перевернул ещё несколько страниц и вдруг ребята увидели Тоню Кошелеву. Как живая, смотрела она большими серыми глазами. На чуть приоткрытых губах играла счастливая улыбка.

— С газеты рисовал... Когда наградили её...

Склонясь над альбомом, Тамара долго рассматривала портрет сестры, а потом окинула взглядом тесно обступивших её товарищей и довольно рассмеялась.

— Для стенда! — звонко воскликнул Лёнька.

— Вот здорово!

Глаза ребят восторженно заблестали. Они начали наперебой рассказывать о своих делах. Но слова казались мало убедительными. Решили сейчас же показать всё Валерке. Но тут энергично вмешалась тётка Евдокия. Помолодевшая от счастья, она предложила ребятам позавтракать. Да где там! Ребята замахали руками и гурьбой высыпали на улицу.

ВМЕСТЕ СО ВСЕМИ

Валерка сразу вошёл в дружную семью товарищей. Лёнька не отходил от него. Горячо и многословно рассказывал о винограде, яблоках, грушах, колхозной теплице. В который раз водил смотреть сад. Делал он это с тайной надеждой на то, что Валерка запишется потом в ботанический кружок. Но сад Валерке не понравился. В сущности, сада никакого не было. Были только высоченные сугробы с торчашими кое-где колыями ограды.

— Это сейчас, а летом будет сад, — уверял Лёнька.

Теплица Валерке понравилась. Он, как зачарованный, смотрел на пышно зеленеющие под лампами дневного света растения.

Но всё же ясно было видно, что расчёты Лёньки не оправдаются. Валерку больше всего привлекли тонкорунные овцы. Когда Боря подманил к себе куском сахара свою любимицу Сластунью, Валерка удивлённо воскликнул:

— Да они и на овец-то непохожи! Хороши...

— Такая порода.

Но Валерка уже не слушал товарища. В прищуренных глазах у него точно огоньки вспыхнули. Мальчик поспешно выхватил из кармана блокнот с карандашом.

— Сейчас, сейчас... — приговаривал он, коротко посалывая, и размашисто бросал на бумагу то едва заметные, то жирные линии. Боря смотрел в блокнот и удивлялся. Из небрежных штрихов чётко вырисовывались голова, шея и спина Слостуньи. Подошёл чабан Артём и тоже удивился.

— Как две капли похожа... Дар в тебе, парень, большой. Не потеряй его.

После бурана чабан сильно изменился. В разговоре с ребятами у него пропали нотки пренебрежения. К Боре же он стал относиться по-особенному ласково. Часто приглашал в сторожку. Однажды даже пустился в откровенность. Окутываясь клубами едкого самосада, он говорил:

— Вот ты, Борька, малой ещё, а уже заслужил уважение. И отца твоего я уважаю, и всех остальных... Правильные люди. А я, кажись, не такой, — чабан как от нестерпимой боли закрутил головой.

— Теперь человеку с чёрными мыслишками и всякой грязью на душе — нет места. Да, жизнь иная... Бывало, каждый только о себе думал, до остального никому никакого дела.

Не отрывая взгляда от волосатого лица Артёма, Боря слушал внимательно, но понимал очень мало. Слова, казалось, тонули в зелёном дыму самосада. Он, пожалуй, мог согласиться только с тем, что жизнь действительно иной стала: радостной, хлопотливой. А время помчалось, точно колхозный рысак Мрамор. Дни мелькают, как спицы в колесе. Бывало, день идёт-идёт, конца ему не дождёшься. А теперь сходишь в школу, сделаешь уроки, побываешь на ферме — и вечер. А ещё надо стенд оформлять, к Лёнке в теплицу заглянуть...

Вот совсем незаметно подступил новый год. К нему готовились в каждом доме.

Круглые сутки над деревней и стылой степью не смолкал могучий рокот дизельных тракторов. Огромными санями они возили из дальнего бора лес. Его сгружали близ механической мастерской. Выбьют стойки, и красноватые, промёрзшие брёвна нехотя покатаются, загудят, как чугуны. Здесь же наскоро строили сарай с большими окнами. В нём установили какие-то диковинные станки.

Говорили, что они будут строгать, пилить, долбить дерево. Колхозники всё чаще стали упоминать строительный двор. Боря знал скотный двор, конный, просто двор, но что такое строительный двор — не мог понять. Своё недоумение он высказал Виктору Сергеевичу. Тот улыбнулся.

— Строительный двор... Как тебе проще объяснить? Плотничные и столярные мастерские. В них заранее будем делать потолки,

полы, стропила, рамы, косяки, двери. Строительство новыми методами.

— Виктор Сергеевич, а новая школа?

— Обязательно будем строить.

Если побывать вечером в правлении колхоза, то чего там не наслушаешься. Говорят о кирпичном и черепичном прессах, подвесных дорогах, кормозапарниках, электрострижке, механической дойке. Вот и попробуй разгадать смысл этих новых слов. Сколько их стало. Ломаешь, ломаешь голову.

А колхозники шумят, спорят, а потом замолкнут и начнут усердно крутить цыгарки.

— Курить в коридор! — строго напоминает Савилов.

Некоторые обижаются.

— Завели тоже порядки. Без табака и беседа не влась.

Но председатель неумолим. Укрупнение колхоза ещё более оживило его, прибавило сил. Он вихрем носится на Мраморе по бригадам, часто ездит в район.

— Дыхнуть некогда, — жалуется он.

— Действительно, — говорит Виктор Сергеевич, — но для бритья время надо находить.

Савилов трёт ладонью шетинистый подбородок и соглашается.

— Григорий Данилыч, а научили мы тебя новое понимать, — иронически заметила как-то Матрёна Золотухина.

Председатель вспыхнул:

— Я всегда понимал... Только тогда связаны мы были, а теперь... — Савилов широко взмахнул рукой и тихо добавил: — Конечно, подсказали... Спасибо за это.

...Вместе со всеми готовились к новому году и пионеры. В выходной день всей школой ходили на лыжах за ёлкой. Выпавший за последние дни снег пышно застелил волнистый наст. Сверкая до рези в глазах, он сухо похрустывал под лыжами. Впереди, в одинаково синих костюмах, шли Дмитрий Петрович и Тоня Котелева. Их окружили Тамара, Боря, Лёнька, Валерка. У Андрейки что-то неладилось с лыжей и он приотстал.

В лесу было по-особенному тихо. С глыбами снега на мохнатых зелёных лапах могучие сосны и ели, казалось, беспробудно спали. Молодняк же совсем утонул в снежной толще. Над искристыми холмами виднелись лишь их сочнозелёные вершины.

Звонкие голоса постепенно стихли. Ребята точно боялись разрушить этот сказочно-красивый покой природы.

— Ну, выбирайте... — предложил Дмитрий Петрович.

Ребята останавливались около одной ёлки, второй, и все не нравились. Наконец, облюбовали по-девичьи стройную красавицу.

— Жалко её, — сказал Лёнька, — давайте похуже найдём.

— Для нового года можно срубить, — сказал Дмитрий Петрович и, сойдя с лыж, двинулся к ёлке с топором. От первого же удара упали куски снега, посыпалась снежная пыль.

Пейзажи родного края. На высокогорных пастбищах.

Фото М. Савина.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Хотя и жалко было ёлку, но она принесла много радости. Под новый год вспыхнула разноцветными огнями, засверкала. Ребята, тоже нарядные, не спускали с неё зачарованных глаз. Девочки запели что-то весёлое. Потом пришла Толя с комсомольцами, Сергей Кузнецов, а за ними — дед Мороз с большой бородой, в длинной шубе и полным мешком за плечами. Наверное, в нём были подарки. Девочки завизжали от удивления, а дед Мороз молча обошёл вокруг ёлки. И никто не мог догадаться, кто же нарядился дедом Морозом. И вдруг Тамара закричала:

— Виктор Сергеевич! По брюкам узнала...

Виктор Сергеевич, то есть дед Мороз, раздал подарки и сказал:

— Поздравляю с Новым годом. В новом году советский народ добьётся много нового счастья. Желаю и вам вместе со всеми бороться за новое счастье.

Все захлопали в ладоши, а Дмитрий Петрович сказал:

— У меня тоже есть новогодний подарок. Я получил от директора Алтайской плодово-ягодной станции Михаила Афанасьевича Лисавенко письмо. — Учитель достал из кармана конверт. — Послушайте: «Как мне известно, учащиеся вашей школы проявляют большой интерес к великим стройкам коммунизма. Я прошу их принять непосредственное участие в этом строительстве. Для озеленения обводнительных и судоходных каналов Куйбышевской и Сталинградской ГЭС требуется большое количество различных древесных и кустарниковых пород. Ребята могут оказать большую помощь в сборе семян растений. Как это делать, подробно рассказано в высылаемой инструкции». Дмитрий Петрович окинул притихших ребят внимательным взглядом.

Лёнька молча протянул за письмом руку. Долго рассматривал его и сказал:

— Сам подписал.

Письмо пошло гулять по рукам. Ребята читали его и от радости хлопали в ладоши, топали, а девочки, конечно, визжали.

А тем временем Виктор Сергеевич подал Сергею Кузнецову баян. Тот уселся поудобнее на стул, решительно потрянул чубом и заиграл, да так весело, бодро, как давно не слышали от него. Ребята слушали, смотрели на ёлку, а мысли их улетали в будущее. Пионеры видели на Волге свои деревья, видели в колхозе новую школу, тонкорунных ягнят, большой сад.

Это были большие и красивые мечты.

Василий ОВЧИННИКОВ,
*колхозник сельскохозяйственной артели
имени Жданова, Каменского района.*

В МОЁМ КОЛХОЗЕ

ХЛЕБ СОЗРЕЛ

Хорошо хлеба созрели,
И пшеницы, и овсы.
Каждый колос — в самом деле —
Отрастил себе усы.
Зёрна крупные поближе
Разгляди, на зубы брось:
Пропитался маслом рыжик.
Без сомнения, насквозь.
Сплошь гречиха загорела,
Стал горох совсем тугим.
Всё подчёркивает зрелость
Цветом, запахом своим.

ПРИНИМАЙ, МОЯ СТРАНА!

Поднялись хлеба высоко,
Хорошо дела идут...
Тракторов весёлый рокот
Раздаётся там и тут.
Трактор движется по кругу,
Жниво гусеницы мнут,
Локтем чувствуя друг друга,
Два комбайна вслед идут.

Хлеб стеной! И лезут волны
С полотна на полотно.
Глядь, и бункер переполнен,
Словно золотом, зерном.
Потрудились мы недаром,
Окупилось всё сполна:
Тридцать центнеров с гектара
Принимай, моя страна!

У НАС ТЕЛЕФОН!

К дому сельсовета
Подошли столбы,
Выставили гордо
Тёсаные лбы.
Дюжие, сосновые,
Точно на подбор,
Закусили трубок
Вылитых фарфор.
Чуть повыше уровня
Наших с вами глаз —
Даты появления
Тех столбов у нас.
А повыше даты
Держит каждый
свой
Номер трафаретный
и очередной.
На столбах царалины
Свежие видны,
Меж столбов натянуты
Звонких две струны.
По широкой улице
Зашагали в степь,
Вдоль дороги к городу
Вытянулись в цепь.
Связь везде наладили
Через провода.
Может даже Сталин
Позвонить сюда.
Подоспело время,
Ожил аппарат,
Прогремели звонких
Три звонка подряд.
Секретарь совета
Подбежал и вмиг

К телефонной трубке
Радостно приник.
Говорит волнуясь,
Суетясь, спеша:
— Слышимость какая?
— Очень хороша!
То в ответ воскликнет,
То задаст вопрос...
Счетовод колхозный
Сводку уж принёс.
— Как дела с уборочной?
— Тоже неплохи.

Понеслись по проводу
И мои стихи.

Электронная библиотека АКУНБ, eLIB.altlib.ru

Борис ОРЛОВ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НА ЗАВОДЕ

(Из поэмы)

Я сегодня
Счастливей всех.
Большая радость есть ли?
Я захожу в механический цех,
В мир, который мне неизвестен.
Я вижу перед собой
Станки, с металлом вступившие в бой.
Вращается диск. Не встречал я краше
Картины: на доске этак и так
Солнечный зайчик играет, пляшет,
Неутомимый такой весельчак!
Мне с зайчиком этим расстаться жалко.
Вдруг слышу звонок: берегись!
Грохоча, надо мной пролетает кран-балка,
Деталь опускает вниз.
Таращу глаза на эту машину,
Чуть «лицом не ударил в грязь»!
А сверху глядит из летящей кабины
Девушка,
Надо мной смеясь.
Смеётся, а мне не до смеха:
Я мог бы тут поплатиться лбом!
Но кран обратно, на тот край цеха,
Летит и с собою уносит гром.
Станки — сплошное разнообразье,
Вот — высоченный, он даже с лестницей.
Гляжу: по лестнице ловко слазит
Девчонка, моя ровесница.

Ростом — кнопка, и «кнопке» дадена
Власть над такою громадиной!
Тряпкой рычаг протерев любовно,
Нажала его. Великан тотчас
Диск завращал,
Беспрекословно
Выполняя приказ.
Мне это
Понравилось очень!
Иду. Порой на меня с любопытством
Глядит станочница или станочник.
У всех — такие радушные лица!
Глазами брата ищу — Николая.
Давно уж смену сменила смена.
И вдруг неожиданно замечаю:
Моя знакомая Лена.
Смотрю на неё и понять не могу:
В движениях экономная, точная,
Она от станка переходит к станку.
А-а!
Лена — многостаночница!

Оглядываюсь, а брат мой рядом.
Глядит на меня дикующим взглядом.
Проходим к его рабочему месту.
Вон он — станок расточный!
Смотрю: какой интересный
(Недаром он для работы точной!)
Сколько тут рычажков и кнопок!
А каждая кнопка — ведь не случайна.
Я приближаюсь — медленно, робко.
Весь для меня он окутан тайной.
Брат начинает мне объяснять,
Слух напрягаю. Мне жарко.
А в цехе не устаёт мерцать
Свет
Электросварки.
Во сне ли это, иль наяву?
Подобного я не видел до этого!
Точно по волшебству,
Цех становится вдруг фиолетовым.
И вещи — не те, и люди — не те
В необычайной своей красоте.

— Это, — брат говорит мне, — шпиндель.
А это — для обработки деталь.
Включаю.

Я слышу гуденье винта,
Резец врезается в сталь.
Вращается он легко и послушно,
И, завиваясь, падает стружка.

Падает стружка. Время летит.
Ползуны — кусок неоформленной стали —
Строгий, иной принимает вид,
Грани его чистотой заблистали.
Любо смотреть! Хочется трогать,
Гладить поверхность — так он красив.
А в цехе стихает гул понемногу,
Брат говорит: перерыв

Вдруг Лена — ко мне:
— Костенька, здравствуй!
Я вижу: сияет лицо её,
И чувство, огромное чувство счастья
Сердце наполняет моё.
Ты — комсомолец? Ну, так вот:
Встань у меня на учёт.
Тут юркий к нам прибежал паренёк
В комбинезоне синего цвета:
— Вы — новенький?
Я веду драмкружок,
Сейчас готовим
«Ромео и Джульетта».
Запишитесь? Что? Способностей нет? —
И он недовольную мину сделал:
— Жаль! У нас есть двое Джульетт
И нет подходящего Ромео.
Вдруг новый парень, толстяк в веснушках,
Басом своим огорошил всех:
— Скажите, не пишете ль вы частушки?
Нам нужно продёрнуть литейный цех.
Вздыхаю тяжело: что я не умею
Писать частушек — очень жалею.
Но радость в сердце моём растёт
Безудержней, нетерпеливей,
Вся душа, ликуя, поёт,
Я — в коллективе!

Нина ПАВЛЕНКОВА

РАЗГОВОР С СЫНОМ О МИРЕ

Года сынишки можно счесть по пальцам.
Родился он под мирною звездой,
От вражьих бомб в подвале не спасался
И трупов не видал на мостовой.
В большой и светлой он живёт квартире
И вдоволь у него всего, всего...

~~Он, может быть, не думает о мире,~~

~~Но просто жить не может без него.~~

~~Смышленней и пытливей с каждым часом,~~

Сын обо всём дознаться хочет сам:

И что такое «пушечное мясо»,

И кто такой тот самый... дядя Сам.

Всё для него загадка,

Всё так сложно.

~~— Зачем война?~~

~~А без неё нельзя?~~

— Да, да, конечно, мой хороший, можно!

Об этом говорят твои друзья.

Их очень много,

В мире нет им счёта.

Как листьев на деревьях, или нет,

Их словно в небе птиц при перелётах,

Как мне точнее дать тебе ответ?

Они повсюду,

В каждой части света:

На юге и в пустыне ледяной,

Где солнце светит косо даже летом

И слышится полярных волн прибой.

— А кто они такие, эти люди?
— Простой народ.
Хоть строить, хоть пахать...
У них на всё могучей силы будет.
Такая рать!
— А что такое «рать»?
А атомную бомбу кто придумал?
А что такое этот... Уолл-стрит?
А почему тот страшный... мистер Трумэн
Народам мира вновь войной грозит?
И в самом деле.
Как не удивиться?
Ведь ты совсем в другой стране рождён.
В твоём мозгу не могут уместиться
«Война» и «жизнь», «насилие» и «закон».
Ты не поймешь, за что убили негра,
Который был ни в чём не виноват,
И почему вознаградили щедро
Убийцу,
А не заключили в каземат,
Зачем опять нужна война банкирам,
Зачем им гибель женщин и детей.
Но твёрдо знаешь ты, что лагерь мира.
Всех поджигателей войны сильней.
Ты будешь жить без слёз и без печали,
Без воя бомб, в уюте и тепле.
Улыбку детства охраняет Сталин,
И значит:
Будет мир на всей земле!

Валентин ПИВОВАРОВ

СТРОИТЕЛИ

Я с утра детским шумом разбужен,
В доме целый переполох:
С огорода огромная лужа
Катит волны под самый порог.

Что-то строят с серьёзным видом
Ребятишки, собрав кирпичи.
И глядят удивлённо, завидуя,
Прилетевшие с юга грачи.

Все строители в полном сборе,
Торжество выражает взгляд.
— Во дворе Цимлянское море
Мы построили, — говорят.

И нельзя обвинять проказников —
Радость детская так чиста,
Ведь для них стала тоже праздником
Воплощённая в жизнь мечта.

Алексей КАЛКИН

ТАБУНЩИК

Много вырастил
Стране коней
Опытный
Табунщик Кюндюбей.
Про него
Везде молва идёт:
— Кюндюбей —
Отличный коневод!

Вот он едет
Ночью при луне
На гривастом
Вороном коне.
Объезжает
Кюндюбей табун,
Он годами стар,
Да сердцем юн.

Потому что
Знает Кюндюбей:
Он для Родины
Растит коней...
И не даром
Говорит народ:
— Кюндюбей —
Отличный коневод!

Перевод с алтайского К. Козлова.

Еркемен ПАЛКИН

ГОРНАЯ РЕКА

Не шелохнёт
Высокая трава,
И безмятежна
Неба синева.
И как всегда, проворна и легка,
Ревёт, рокочет
Горная река.
Спросил я
У красавицы-реки:
— Твои пути,
Наверно, далеки,
Куда несёшь,
Скажи, не утай,
Ты волны
Бедоленные свои?
— Спешу в колхоз,
И там среди долин
Я попаду
На лопасти турбин.
Чтобы вовеки
Не входила тьма
В большие
Светлоглазые дома.

*Перевод с алтайского М. Юдалевича
и И. Фролова.*

Вячеслав ЧИЛИКИН

ЭКСКАВАТОРЩИК НИКИФОР ЯРЫГИН

Очерк

На столе — пачка писем и телеграмм. А почтальон всё чаще заглядывает в квартиру Ярыгина, и пачка писем и телеграмм продолжает расти.

— Вся страна вам пишет, — тепло улыбается почтальон, доставляя очередную корреспонденцию. Он уже в курсе дела и вручает пакеты с особой почтительностью.

Читая тёплые слова поздравлений со званием лауреата Сталинской премии, Ярыгин будто чувствует пожатия тысяч дружеских рук. Товарищи по работе заходят к нему радостно возбуждённые. Шумно приветствуют и дольше обычного смотрят в глаза, как бы стараясь увидеть в них то, чего раньше не замечали.

— На большую высоту поднялся ты, Никифор Михайлович. Далеко, брат, шагнул. Твоя фамилия в одном ряду с фамилиями академиков стоит.

И в этот момент все они особенно сильно ощущают значимость своих простых, будничных дел.

За окном брызжет лучами мартовское солнце, через форточку проникают запахи талой земли и ещё чего-то весеннего, свежего.

И вместе с ними наплывают воспоминания о таких же ярких днях, когда молодой крестьянский парень Никифор Ярыгин обдумывал, как устроить свою судьбу. Было это в 1929 году. Ярыгин имел тогда за плечами 19 лет жизни, курсы трактористов да сноровку деревенского пастуха. А ещё имел он неукротимое желание собственными руками выполнять план пятилетки.

Вести о великом строительстве доносились и до маленького селения Церковный Салмак, близ Казани. Шли разговоры о постройке Нижегородского автозавода. Сельские агитаторы-комсомольцы, напористые, вездесущие парни, солидно разъясняли:

— Новый мир строим. Своею собственной рукой.

И наизусть цитировали:

«...Когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор, — пусть попробуют догнать нас почтенные капиталисты, кичащиеся своей «цивилизацией».

Ярыгин делился с товарищами своими планами:

— Думаю отправиться на стройку. Большого дела душа просит.

— На автозавод? — недоумевали некоторые. — Но ведь там специалисты нужны. А ты не каменщик, не плотник, да и тракторист пока не первой руки.

— Это неважно, — упорствовал Ярыгин. — Будем и специалистами.

...Он прибыл на строительную площадку вместе с тысячами других. Собственно, никакой площадки ещё не было. Под ногами хлюпала болотистая почва, выпирали кочки, поросшие яркозелёной травой. Перешёптывался листьями мелкий березняк. Трудно было поверить, что через некоторое время здесь поднимутся цехи промышленного гиганта.

Но сроки строительства были точно определены, и уже потекла по отводным каналам пахнувшая прелью вода.

Земляные работы были самыми трудоёмкими на строительстве.

Вести о том, что скоро придут экскаваторы, особого впечатления на людей не производили. Мало ли машина на свете. А об этой новой машине — экскаваторе рабочие знали пока лишь то, что у неё мудрёнее название. Не вызвали энтузиазма и более точные сведения о прибывающих механизмах, которые, по слухам, предназначены для рытья земли.

— Машина — машиной, а земли нам, ребята, копать — не перекопать, — говорили те, кто кое-где уже побывал и кое-что видел. — Машина — вещь мудрёная, она на любые чудеса горазда. Только землекопу от неё проку мало: наше землекопное дело — проще простого, никаких затей в нём не требуется. Знай — силу вкладывай.

Такие разговоры часто можно было услышать среди землекопов. Случайно Никифор услышал и другое. Какой-то строитель, среднего роста человек, в кожаной куртке, покуривая папироску, беседовал с товарищем:

— Экскаватор — чудесная штука! С такими механизмами мы в два счёта и местность осушим, и корпуса смонтируем.

— А ты их видел, эти механизмы?

Человек в кожаной куртке усмехнулся, потушил окурок.

— Не только видел, а вот этими самыми руками на их рычагах работал.

И, заметив удивлённое лицо собеседника, в свою очередь удивился.

— Разве ты не знал, что я по специальности машинист-экска-

ваторщик? Вот уж действительно: давно знакомы, дружим, живём душа в душу, а о себе умалчиваем.

Никифор узнал и фамилию этого человека — Аристархов. Вскоре им пришлось встречаться очень часто.

Экскаваторы, наконец, прибыли. Высоко вскинув стрелы, шли эти машины, похожие на подъёмные краны. Землекопы с любопытством обшаривали их глазами, соображая, каким образом эти стальные громадины будут рыть траншеи и котлованы. Заметив металлические черпаки, начинали догадываться, а прикинув объём этих черпаков, заранее убеждались, что с такими машинами дело быстро подвинется вперёд.

Аристархов в эти дни стал одним из самых популярных людей на строительстве. Сотни землекопов собрались посмотреть, как, зайдя в кабину, он повернул стрелу, и ковш, увлекая за собой подъёмный канат, с гулким звуком врзался в землю. И вот ковш уже опять в воздухе, наполненный землёй. Стрела повернулась, тяговый канат сразу ослаб и ковш опрокинулся, высыпав целых полкубметра грунта. Времени на это потребовалось меньше минуты.

Люди смотрели, как зачарованные, а Никифор Ярыгин восхищённо говорил молодому строителю Василию Сатинову, с которым недавно подружился:

— Вот бы нам с тобой оседлать такую премудрость.

— А справимся?

Никифор пожал плечами.

— Было бы желание. А желанья у нас, хоть отбавляй.

Вскоре на стройке были организованы курсы экскаваторщиков. Обучал будущих механизаторов всё тот же Аристархов.

Настал день, когда молодой экскаваторщик Никифор Михайлович Ярыгин принял машину. Тщательно осмотрел её и, хлопнув ладонью по холодному металлу, сказал, как живому существу:

— Поработаем, товарищ!

...Двадцать два с лишним года минуло с той поры. Большим мастером стал Никифор Михайлович. И всё та же машина верно служит ему.

Много им, машине и экскаваторщику, пришлось поработать.

Трудились на рытье всевозможных котлованов, канав, траншей, вынимали грунт из воды, осушали болотистые места, очищали откосы, рыли «корыта» под дороги, производили планировку. И везде, где семафором вздымалась стрела экскаватора, возникали гигантские корпуса заводов, весело сияли окнами многоэтажные здания, уходили вдаль ровные, как линейка, дороги. Новую, чудесную жизнь приносили с собой строители.

Бывает: река, вырвавшись из берегов, устремляется в новое, широкое русло и бежит по нему, бурливая, словно помолодевшая. Нечто подобное произошло однажды и в жизни Никифора Ярыгина.

Страна узнала о подвиге Алексея Стаханова, простого донецкого шахтёра. Удары его отбойного молотка возвестили начало стахановскому движению. Иными глазами взглянул тогда Ярыгин на свой повседневный труд.

Работал он неплохо, выбирал за смену до трёхсот кубометров грунта. Машина заменяла семьдесят—восемьдесят землекопов. Кажется, выработка похвальная. Но ведь никто не упрекал и тех шахтёров, которые укладывались в нормы, а Алексей Стаханов, дерзко рванувшись вперёд, бросил вызов этим нормам, перечеркнул их.

Напряжённо работала мысль Ярыгина. Он тщательно изучал трудовой процесс, и всё ясней становилось ему, что экскаватор работает не с полной нагрузкой. Да, время терялось на незаметных мелочах, по секундам утекали часы. А отсюда — недоработка, огромная скрытая недоработка. «И в нашем деле могут быть рекорды, да ещё какие! — думал Ярыгин. — Старые нормы — не в счёт. Пожили, пора и честь знать».

Заступая на смену, он по привычке прозвнёс, обращаясь не то к экскаватору, не то в пространство:

— Будем перестраиваться.

Канат дрогнул, и объёмистый ковш пошёл вниз.

Возможности для стахановской работы, действительно, оказались неограниченными.

С каждым годом Ярыгин совершенствовал своё мастерство.

Особенно много нового внёс он за последнее время. Раньше было принято, например, выбирать землю таким путём: когда ковш с грунтом поднимался вверх, стрела оставалась неподвижной; машинист приводил её в движение лишь после того, как ковш поднимется на нужную высоту. Поворачиваясь вместе с кабиной, стрела несла ковш к месту высылки грунта.

Ярыгин, вместе с другими экскаваторщиками, изменил этот метод. Поворот стрелы стал производиться одновременно с подъёмом ковша. На этом выигрывалось порядочно времени. Время выигрывалось и на том, что при новом способе устранялось раскачивание ковша, а это позволяло более быстро освобождать его от грунта. Точно так же совмещались операции обратного порядка, когда ковш погружался в забой.

Таким образом был сокращён рабочий цикл.

Никифор Михайлович перестал довольствоваться готовым проектом организации земляных работ. Конечно, проект составляют знающие люди, но ведь работать придётся ему, Ярыгину, и он должен быть убеждён, что всё обстоит именно так, как ему нужно.

Вместе с инженерами склоняется Ярыгин над листом бумаги, изучает схему движения экскаватора и распределения отвалов, установки и движения автомашин. Мысль работает напряжённо и улавливает то, что до сих пор ускользало.

Пейзажи родного края.

Утро в долине.

Фото М. Савяна.

— Нужно разбить котлован на забои, — говорит Никифор Михайлович и, убеждаясь в правильности догадки, спешит подтвердить:

— Да, да, на забои. В результате будет обеспечен меньший угол поворота экскаватора, — это сократит цикл. А кроме того, мы сведём к минимуму недобор нижней части котлована. Кругом польза!

Польза, на самом деле, оказалась большой. Прежде всего возросла выработка экскаватора. Повысилась и производительность автомашин за счёт устранения лишних заездов. Кроме того, улучшилась отделка откосов и дна котлована.

Экскаваторщик Ярыгин прослыл замечательным рационализатором. Он распознавал скрытые резервы повышения производительности труда там, где другие не предполагали их найти. Одно за другим вносил он в машину конструктивные усовершенствования. Для работы в зимнее время использовал тяжёлый металлический клин. Стремительно опускаясь с высоты, клин раскалывал мёрзлую землю.

Выработка росла. Она достигла девятистот кубометров за смену. Попрежнему безупречно действует ветеран-экскаватор. У Ярыгина правило: беречь машину пуце глаза.

— Это — наш святой долг, — не раз говорил Ярыгин. Он говорил об этом алтайским комбайнерам, пожелавшим послушать знатного экскаваторщика. Об этом напоминал он в 1951 году участникам Барнаульской конференции механизаторов-строителей. Никифор Ярыгин стоял на трибуне и старательно, во всех подробностях рассказывал о своём опыте. Рассказывая, всматривался в зал, в лица участников совещания: каждому ли понятны его методы работы? Нужно, очень нужно, чтобы их понял каждый. Ведь не один он, Ярыгин, решает судьбу строительства. Сила — в массе, в коллективе, и надо, чтобы весь коллектив работал стахановскими темпами.

— Здесь, в зале, есть экскаваторщик Винокуров с Южсиба, — говорил с трибуны Ярыгин, окидывая взглядом аудиторию. — Видеть я его не видел, а о делах его слышал не раз. Замечательно работает товарищ. Порой бывает трудно с ним тягаться. Но я от лица своей бригады заявляю, что нам любо всё, что трудно, и поэтому вызываю вас, товарищ Винокуров, на соревнование.

Он сошёл с трибуны, сопровождаемый шумными аплодисментами, а на его место встал крепкий, энергичный человек — Винокуров.

— Вызов принимаю, — произнёс он, и аудитория аплодисментами скрепила соревнование двух знатных механизаторов.

Они подружились. Винокуров не раз приезжал к Ярыгину. Наблюдая за его работой, советовался и давал советы. Не однажды бывал на Южсибе и Ярыгин. Один радовался успехам другого, убеждаясь, что оба работают одинаково — быстро и хорошо.

На больших стройках с особой наглядностью видна всемогущая сила человеческого коллектива. Трудовые рекорды одиночек, в конце концов, мало что означают, если они не множатся, если рекордистов не догоняют сотни, тысячи других людей. Мастерство одного человека утрачивает почти всю свою ценность, если он скрывает его от других.

Много людей обучил Ярыгин своему мастерству экскаваторщика. Ларин, Шевяков, Гусев, Брониченко и другие механизаторы — выученики Ярыгина с благодарностью отзываются о своём учителе.

Одним из последних учеников Ярыгина был Александр Евграфович Карпов. Вместе с Ярыгиным Карпов приехал на Алтай из Горького. Александра Евграфовича давно привлекала специальность экскаваторщика, но этому человеку не везло. Нехватало общей подготовки и препятствовал физический недостаток. Стараясь не унывать, Карпов посмеивался над собой.

— Знал я одного человека, который звёзды в трубу наблюдал, в том его работа состояла. Астрономом был, специалистом по небу. Обращался я к нему с вопросом — можно ли точно установить, какая звезда была над головой, скажем, ровно двадцать лет назад в двадцать четыре ноль-ноль. Можно, отвечает, только дело это больших математических расчётов потребует. Неважно, говорю, есть предложение подсчитать, какая звезда была над головой в день и час моего рождения. Он спрашивает, на какой предмет это нужно. А на тот, отвечаю, предмет, чтобы ту невезучую звезду ликвидировать как таковую, пока другим, как и мне, жизнь не попутала.

Иронически щурясь, вспоминал:

— Ей-богу, испортила она мне всю жизнь. В машинах я с пугай разбираюсь, а мне это иногда на счёт лени относят. Один скажет другому, другой — третьему и — пошла лисать губерния «Карпов лентяй». Вот и попробуй тут стать экскаваторщиком.

В шутовском разговоре Карпова, в его насмешках над собой Ярыгин угадывал большую душевную обиду.

— Берусь тебя обучить, — предложил Ярыгин, от всего сердца желая помочь товарищу.

— Доставлю я тебе хлопот, Никифор Михайлович, а проку, может, и не будет. Планида моя такая.

— Ты это оставь. Год будешь учиться, два будешь учиться, а поймёшь, что и как. Машинист из тебя выйдет, головой ручаюсь. Так Александр Евграфович вошёл в бригаду Ярыгина.

Рано встаёт солнце в летнюю пору. Не успеет угаснуть вечерняя заря, как опять от горизонта ввысь и вширь растекается многоцветное полымя. Тускловатым краем показывается из-за горизонта солнце, и этот край тут же словно раскаляется, становится ослепительным.

Рано встаёт солнце, но ещё раньше встают экскаваторщики. Смена начинает работу в четыре часа утра. А придти к машине нужно раньше.

Первым приходит помощник машиниста Карпов. Гордый ответственностью, которую на него возложили, он держится уверенно, и уже не сомневается, что со временем полностью освоит экскаватор.

Одна из главных обязанностей помощника машиниста — подготовить фронт работы. И Карпов внимательно осматривает всю трассу. Заметив висящие провода, он спешно направляется к десятику и просит быстрее устранить эту помеху. Затем с особой тщательностью начинает проверять каждую деталь машины. Предыдущая смена вычистила и смазала экскаватор, но Карпов кое-где дополнительно смазывает движущиеся части.

— Чувствуй себя хозяином машины и ухаживай за ней, как за невестой своей ухаживал, — не раз учил его Ярыгин.

Уходу за экскаватором в бригаде придаётся такое же важное значение, как и повышению выработки. Каждый член бригады закреплён за определённым узлом и целиком за него отвечает.

Машина поблёскивает металлом, словно новенькая, только что полученная с завода. Карпов удовлетворён. Доволен работой помощника и Ярыгин, но он скуп на похвалы и выражает своё удовольствие, так сказать, в мобилизующем порядке:

— Вот эту старательность и на дальнейшее распростири, когда самостоятельно за рычаги сядешь.

Медленно, но верно овладевал Карпов мастерством машиниста. Он давно мог бы самостоятельно управлять машиной, знал назначение каждого рычага. Однако Александр Евграфович не спешил определяться в машинисты. Он знал весь процесс, но знал элементарно, как знает любитель-пианист технику игры: он довольно проворно бегаёт пальцами по клавишам, извлекает верные звуки, но инструмент не живёт своей богатой музыкальной жизнью, и мелодия, совершенно правильная, в точности соответствующая по-там, кажется безжизненной, деревянной.

Это значит — нет настоящего искусства.

Вот и Карпов не владел ещё настоящим искусством, таким, чтобы экскаватор работал во всю свою мощь, как поёт рояль под руками большого музыканта. Тот же самый рояль, та же самая мелодия, — но в ней жизнь, в ней душа, в ней оживают чувства композитора и исполнителя.

Ярыгин будто сливается с машиной воедино, и на малейший импульс его воли тотчас же реагирует стрела и приходят в движение канаты, несущие ковш-драглайн.

— Это — искусство, и такому искусству учил Ярыгин своего помощника. Понемногу он начал обучать его работе на рычагах. При этом в первое время грунт обязательно ссыпался в отвал.

Ссыпать грунт в транспорт — сложнее. Для этого требуется

особая спорка. Неопытный машинист легко может разбить ковшом автомашину или опустить ковш на её кабину.

И уже убедившись, что Карпов знает дело досконально, предложил ещё одну заключительную форму обучения.

— Едем вместе на завод за экскаватором. Собственными глазами посмотришь, как его там собирают.

Старший механик Хрупало давно уже настаивал, чтобы Карпов перешёл на самостоятельную работу. Ярыгин доказывал:

— Товарищ прошёл несколько стадий обработки. Нужна ещё полировка.

Была пройдена и «полировка». Карпов весело взглянул на своего учителя из кабины нового экскаватора:

— Посоревнуемся?

И в тот же день переработал 9000 кубометров грунта вместо 4000, полагающихся по норме.

— Как же теперь быть с твоей несчастливой звездой? — в шутку напомнил ему Ярыгин давнишний разговор. Карпов расхохотался.

— А она не выполняет своего назначения. Долго я её глазами на небе искал и сглазил-таки!

Никифор Михайлович тоже чувствовал что-то вроде большой отцовской радости, наполнившей его сердце. Теперь к непосредственному труду Ярыгина в какой-то мере приплюсуетя труд его ученика, а это значит, что Ярыгин делает больше, чем делал до сих пор.

Многогранен наш советский человек. Так много занятий, так много интересов, что порой затрудняешься в определении: кто он — инженер или рабочий, государственный деятель или писатель, учёный или студент.

В городе Горьком Ярыгин был избран депутатом городского Совета. Сейчас он депутат райсовета. Характерен случай, когда один из экскаваторщиков заявил Ярыгину:

— Обращаюсь к тебе, Никифор Михайлович, как к стахановцу-бригадиру. Помоги выработку поднять. Тружусь я в поте лица, а норму перекрываю на каких-нибудь двадцать процентов. Стало быть, бестолковщину в чём-то допускаю, а в чём — ума не приложу. Помоги разобраться.

— Охотно, — согласился Ярыгин, — понаблюдаем, как ты работаешь.

Он собрался было идти к машине, но экскаваторщик остановил его.

— Подожди немного. Я обращался к тебе, как к стахановцу. А теперь обращаюсь, как к депутату. Займись, прошу тебя, вопросами быта. Жильцы в общежитии серьёзные претензии предъявляют. Очень хотят с тобой потолковать.

— Вечером я к ним загляну, — кивает головой Ярыгин. Он делает шаг с места, но экскаваторщик снова удерживает его.

— Всего на секунду, Никифор Михайлович. — Обращаюсь к тебе, как к коммунисту, агитатору. По моей критической заметке в стенгазете до сих пор меры не приняты.

Ярыгин обещал помочь. Экскаваторщик поблагодарил и спросил между прочим:

— Когда ты с лекцией выступаешь? Ребята ждут, особенно интересуют их твои рационализаторские дела.

— Что ж не добавляешь — «обращаюсь, как к лектору»? — усмехнулся Ярыгин.

— Нет, я больше как к новатору, — ответил экскаваторщик.

Большими заботами, интересными делами наполнен день Никифора Михайловича Ярыгина.

Солнце ещё не опустилось за горизонт, но сумерки уже крадутся длинными тенями, стелются лёгкой мглой у каждого пригорка, у каждого дерева. Ярыгин спешит домой. Трудовой день окончен.

Жена встречает его у порога, показывая конверт.

— От Володи? — обрадованно спрашивает Никифор Михайлович. — Как он там поживает, наш сокол?

Именно сокол. Сын Никифора Михайловича — лётчик, и отец гордится этим. Он любит образно говорить:

— Высоко поднялся хлопец.

Дружная семья у Никифора Михайловича. Средний сын Юрий учится в восьмом классе и, как отец, неравнодушен к технике. А самому младшему, Виктору, — четыре года. Звонким, как колокольчик, голосом он спрашивает отца:

— Ты чего мне принёс?

И обхватывает ручонками его колени, нетерпеливо посматривая снизу вверх.

— Сегодня в кино хорошая картина идёт, — намекает жена, собирая на стол. Никифор Михайлович разводит руками.

— Хочешь — казни, хочешь — милуй, а не могу сегодня. Перенесём на завтра. Хорошо? Сегодня должен гранки своей книги прочесть.

— Ну, ну, писатель, только завтра идём обязательно.

Заря за окном меркла, истлевая. Включили электричество. Улёгся спать неугомонный Витя. А Никифор Михайлович с пером в руках долго ещё вычитывал типографские гранки брошюры, в которой рассказывал о своём многолетнем опыте работы на экскаваторе.

Двадцать два года безупречно действует экскаватор в умных и крепких руках Ярыгина. Он используется и на монтажных работах, приспособленный как подъёмный кран. За двадцать два года Ярыгин произвёл один миллион 830 тысяч кубометров земляных работ, поднял и установил 150 тысяч тонн металлоконструкций. Технический срок службы экскаватора превышен в два с лишним раза.

Двадцать два года! Огромный шаг сделала за это время техника нашей страны. На великих стройках коммунизма работают гигантские шагающие экскаваторы с ёмкостью ковша в сорок кубометров.

Всего полкубометра грунта вмещает ковш экскаватора, на котором работает Никифор Михайлович. Но стахановец умеет чудесно использовать эту машину, он как бы увеличивает её мощность своим знанием, своим многолетним опытом.

Присуждение Сталинской премии Никифору Михайловичу Ярыгину — праздник для всех коллективов строителей.

Знатным земляком гордятся все труженики Алтая.

Принимая поздравления, чувствуя заочное пожатие тысяч дружеских рук, Никифор Михайлович взволнованно думает: «Чем я отплачу за отеческую заботу нашего великого вождя?»

И решает:

— Буду работать так, как учит нас партия, — не останавливаясь на достигнутом. Ещё выше подниму производительность машины. Это вполне возможно.

Да, всё возможно в нашей необыкновенной стране, где простой человек, неутомимый труженик и искатель, овеян славой героя.

ИЗ ПРОШЛОГО АЛТАЯ

А. ВОРОТНИКОВ

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ ГОРНОЙ КОЛЫВАНИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Александр Иванович Воротников — старейший мастер Колыванского камнерезного завода имени И. И. Ползунова (бывшая Колыванская шлифовальная фабрика). Он начал работать на фабрике ещё до того дня, когда отмечалось её столетие.

Род Воротниковых удалось проследить по архивным документам со второй половины XVIII века. В 50-х годах XVIII века солдат Воротников был послан с пакетом из Кабаньей пристани на Чарыше я Барнаул И. И. Ползуновым. Сын этого солдата Андрей Воротников по окончании горнозаводской школы в Барнауле был взят выдающимся русским академиком В. В. Петровым в основанное им Барнаульское горное училище. Под руководством В. В. Петрова Андрей Воротников обучался два года, а затем работал на Змеиногорском руднике. Никита Андреевич Воротников был мастером на Колыванской шлифовальной фабрике при Стржекопе.

Прадед автора — Трофим Никитич Воротников работал при Лаулине и Вецеле шлифовальщиком. Дед — Тит Трофимович Воротников родился в 1821 году, а умер в 1891 году. Он работал резчиком по камню. Отец — Иван Титович Воротников также работал на Колыванской шлифовальной фабрике. Таким образом, род Воротниковых на протяжении всей истории Колыванского камнерезного завода принимал участие в изготовлении изделий из камня.

Александр Иванович Воротников сейчас персональный пенсионер. До сих пор он помогает заводу выпускать художественные изделия, руководя их обработкой. Не раз слушал он рассказы старых мастеров, работавших ещё в 30-х годах XIX века, о прошлом старейшего предприятия края. А. И. Воротников помогает краеведам восстанавливать историю своего завода. Ряд экспонатов при его содействии и непосредственном участии удалось найти и поместить в залах Алтайского краевого музея. А. И. Воротников знает много интересных преданий и легенд, которые часто рассказывает туристам, посещающим Горную Колывань.

В августе 1962 года совпадает три юбилея Горной Колывани: 225 лет со дня постройки на её территории старейшего предприятия в Западной Сибири — Колывано-Воскресенского медеплавильного завода; 150 лет со дня пуска в действие Колыванской шлифовальной фабрики; 5 лет со дня присвоения Колыванскому кимберезному заводу имени Ивана Ивановича Ползунова.

Готовясь к юбилеям Горной Колывани и Колыванского камерезного завода, А. И. Воротников решил записать и привести в систему свои воспоминания и те рассказы, которые он слышал от старых мастеров. Эту запись он передал мне, прося подготовить к печати. Я постарался сохранить не только план этой рукописи, но и весь фактический материал, изложенный в ней.

Н. САВЕЛЬЕВ,

заведующий отделом истории Алтайского краевого музея.

МОЕМУ ЗАВОДУ В ГОД ЕГО 150-ЛЕТИЯ

I

В живописном месте расположен наш рабочий посёлок Горная Колывань. В окрестностях его по горам и низинам гранитные камни, громадные друг на друга, образуют высокие скалы причудливых форм. Уступы скал, словно ковровыми дорожками, покрыты лишайниками разных расцветок. Идёшь по дороге, а скалы то обступают тебя со всех сторон, то прячутся за кудрявыми берёзами, соснами, пихтами, осинами, то появляются на вершинах сопок, рисуясь в синеве неба, точно маяят в краю чудес алтайского камня.

Журчит невидимый ручей, бегущий по каменной осыпи в зарослях черёмухи, рябины, жимолости, малины, смородины. Вдали голубеет скалистая вершина красавицы Синюхи, и плывут над ней белые облака. Век бы смотрел на эту красоту, вдыхая полной грудью приятный воздух.

Густой бор был прежде на этом месте. Вековые сосны гордо поднимали ввысь свои верхушки. Далеко-далеко на север и запад уходили леса, тесня поля и луга водораздела рек Чарыша и Алая. О чём шепчет лес, кивая вершинами? О чём рокочет ручей? Не о тех ли далёких временах, когда окаменели от ужаса лесные чудовища, превратившись в скалы, видя гибель красавца Колыванского бора под топором хищных промышленников?

Давно-давно в бору на месте нынешней Горной Колывани возникла крепость — форпост на границе России. Улица, на которой я живу, сейчас называется Революционной, а до советской власти звали её Крепостной. Сохранилось и более старое её имя — Крепостной вал, так как здесь был земляной вал, укрепленный камнем, окружённый с одной стороны глубоким рвом. И сейчас ещё видны следы этих сооружений, за которыми прятались заводские постройки.

Горы вокруг Колывани названы Будкой, Фабричной и Караульной. Были на них тогда караульные посты. К подножью горы Фабричной прикинула плотина, а за нею, прячась между обрывами, в старинных зданиях расположен наш Колыванский камнерезный завод имени Ивана Ивановича Ползунова, бывшая Колыванская шлифовальная фабрика.

Вдоль крепостного вала высились, выдаваясь вперёд, бастионы. Много времени прошло с тех пор, но и сейчас ещё четыре холма называют бастионами. Первый из них неподалеку от моей квартиры. Не всё ещё стёрло время. Западнее меня высится холмик Второго бастиона, а на юге Колывани — Третий и Четвёртый бастионы. Где-то здесь высились башни проезжих ворот, пропускавших подводы с углём и рудой.

Изогнувшись крутою скобой, упирался восьмисотметровый вал своими концами в Будку и крутояр речки Велой. Далее продолжали его горы Караульная и Фабричная.

У подножья Первого бастиона, там, где он примыкал к крепостному валу, небольшая яма. Это всё, что осталось от бывшего погреба, в котором хранились ядра и порох для пушек. Малые и большие пушки, грозно смотревшие вдаль с бастионов, долго хранились в Горной Колывани. Со всем недавно одну из них увезли в Барнаул в краевой музей. Чугунные ядра и сейчас ещё часто выкапывают в своих огородах жители Горной Колывани.

Посёлок наш, Горная Колывань, старинный. 225 лет исполняется нынче с того времени, когда вырос на его территории первый в нашем крае завод. Это и явилось причиной постройки крепости с бастионами, валом и рвом. Позднее целая линия таких крепостей шла от города Бийска до Усть-Каменогорска (на Иртыше). Ближние из них были от Колывани в 50—60 километрах по направлению на восток. Называли эту линию крепостей Казачьей линией. Сюда с просторов оренбургских степей, с берегов реки Урала посланы были казаки для охраны личных заводов царя. В неприступных и труднопроходимых местах расположились казачьи заслоны, чтобы не пропускать в глубь Алтайских гор беглых с заводов на всякий случай быть готовыми, если кто-либо посягнёт на собственность царя.

Беглые стремились уйти от царской кабалы как можно дальше в горы. Немало было среди них таких, которые из-за Урала приходили сюда в надежде обрести свободу и землю. Но казачий заслон нередко лишал их этой надежды, превращая в крепостных царя.

Много разных легенд слышал я о том, почему наш посёлок зовут Колыванью. Иные говорят, что такое имя носил начальник крепости. Чем он был знаменит — неизвестно, но будто бы и та Колывань, что на Оби, в Новосибирской области, также носит его имя.

Старинки рассказывали, что не начальник, а мастеровой был тому причиной. Ещё шума тайга и не было в ней жилья человека, когда, пробираясь звериными тропами, рудоискатель Иван нашёл здесь богатую жилу медной руды. Раньше рудники часто назывались по имени первооткрывателя руд. Черепановский, Карамышевский и многие другие рудники сохраняют и ныне имена таких людей. Где в сплошной тайге найдёшь второй раз ту же самую жилу, если не оставить приметы? Кто и найдёт её, может подумать, что первым пришёл и увидел её богатства. И решил Иван помимо других примет сделать свою — особую. Вытесал он кол, написал на нём своё имя «Иван» и глубоко вкопал там, откуда рудные места видны.

Спрятав несколько образцов в свою сумку, он пошёл пытаться счастье дальше. Но куда ни придёт, есть вроде руда, да не так богата, как здесь. Долго бродил по оврагам, ручьям, поднимался на сопки, спускался в долины. Нет больше такого обильного месторождения. Так и ушёл на Урал.

Узнали приказчики Демидова про находку Ивана. Чуть не чистая медь в образцах. Доложили хозяину: так, мол, и так — в предгорьях Алтая найдена богатая жила в бору. Нет там казённых заводов и никто про ту медь не знает. Приказал Демидов идти на Алтай, посмотреть, много ли руды в той богатой жиле. И повёл Иван приказчиков Демидова к заветному месту. Скоро ли найдёшь в лесу забитый кол? Рыскают приказчики, пытаются у Ивана, где он приметю свою оставил, а он и сам найти не может — мало ли гор исходил, мало ли речек, ручьёв и оврагов миновал. То ли приказчики озлобились и убили Ивана, то ли убежал он от них, только пришлось им одним поиски продолжать.

Вряд ли они по бору, в голове одна мысль — кол Ивана найти. Как это случилось — неизвестно, только нашли они заветную приметю. Видят — место удобное, чтоб завод поставить, а руды и в помине нет. Торчит один кол и на нём «Иван» написано. Вскоре поблизости отыскали и медную жилу. А завод решено было строить там, где кол Иван вкопал. Кол да Иван, а вместе — Колывань получилось. Этим именем заводской посёлок и назвали, а первый рудник Колыванским.

Есть и такая легенда. Давным-давно это было и, как говорят, было поросло. Стояли тогда на страже русской земли в окрестностях нашей Колывани в глухой тайге русские богатыри: Илья Муромец, Алёша Попович да Добрыня Никитич. С ними вместе был и молодой богатырь Колыван Иванович. Охотник он был свою силушку показывать, и складывал из огромных каменных глыб скалы-причуды.

Долго стояла богатырская стража, и повсюду оставил дивные скалы богатырь Колыван. Подойди к такой скале с одной стороны — она точно птица, почему только не летит? Станешь обходить её, и вот она то зверем лесным, то человеком, а то резным теремом обернётся. Люди работой Колывана Ивановича не налюбуются. Так и звать их стали: горы Колывана. Много таких скал оставил он у озера на краю тайги и потому, по преданию, ему имя дали — озеро Колыван. А как заводской посёлок построили, имени у него сначала вовсе не было. Кто ни соберётся ехать в посёлок, обязательно Колывана вспоминает. Так имя посёлка и получилось.

Теперь озеро Колыванским называют, горный хребет — Колыванскими горами, а посёлок наш — Горной Колыванью. Пойми тут, где сказана, где правда?

Имя же завода нашего, который Колыванским долго назывался, перешло и на все заводы, которые на Алтае находились. Обширный край долгое время Колывано-Воскресенскими заводами звали.

Много озёр в окрестностях Горной Колывани, а сколько ручьёв и речек стекает с Колыванских гор — не сосчитать. Некоторые из них от памятных событий, случившихся в старину, название своё получили.

В 18 километрах севернее Горной Колывани есть Казачье озеро, а на пути к нему один из ключей Переключным именуют. Говорят, ещё при Демидове у того озера был пост казаков. Демидов их пригласил охранять места, где уголь выжигали и лес валили. Между делом казани и завод оберегали. Много крестьян, закабалённых приказчиками Демидова, в лесу собиралось уголь жечь, и чтобы не сбежал кто из них, каждый день им переключку делали утром да вечером на большой поляне у ключа.

Если случалось убежал кто и на переключке о том узнавали, тотчас казакам на их пост сигнал передавали. Вихрем летели казацки верховые отряды по следам беглеца и, бывали случаи, достигали его и обратно приводили. И на той же поляне во время переключки пойманного проводили сквозь строй, избивая безжалостно батогами. Немало людей погибало от такой расправы. С той поры озеро и зовётся Казачьим, а ключ Переключным.

II

Заводчик Акинфий Демидов, протянувший свои щупальцы с Урала на Алтай, подневольным трудом свои заводы и рудники строил. Горько жилось работным людям. Сейчас часто в старых, давно заброшенных шахтах находят кандалы, наручники, тачки с цепями. Страшные находки! В эти цепи заковывали тех, кто в бегах находился и пойман был. Накрут его батогами, а затем к тачке прикуют и в цепях заставляют работать.

Подневольным трудом по приказу Демидова был построен и медеплавильный завод на том месте, где наш Колыванский камнерезный стоит. Не было ещё на Алтае заводов, когда в 1727 году выстроили этот завод и назвали Колывано-Воскресенским.

Ещё недавно на реке Локтевке около Колыванстроя памятник был. Маленькой пирамидкой из гранитных плит он был сделан. Надпись на

нём такая: «Прежде бывшей Колыванской завод, устроваемой в 1725 г. заводчиком госпо. Демидовым». Памятник не иначе как колыванские камнерезы делали, и они же и надпись вырезали. Читал я, что памятник был поставлен в 1825 году, к 100-летию постройки первого на Алтае завода.

Если верить надписи, то выходит, что будто бы раньше нашего завода Демидовым был построен завод на Локтевке. Был я не раз там и памятник видел. Теперь его нет, а когда разбирали памятник, я подобрал тот камень, на котором надпись сделана была. Хранили на нашем заводе этот камень, а совсем недавно передали его краевому музею.

Только нет никаких примет, чтобы на том месте завод когда-либо был. Нет там плотины да, как видно, и не было. Около заводов старых всегда легко найти груды шлака, а там и шлака найти не удалось. По рассказам стариков и по книгам, насколько мне известно, в 1725 году на том месте приказчики Демидова построили всего одну плавильную печь, чтобы руду испытать.

Руду испытывали на первоначальном Колыванском руднике — в пяти километрах от Колывани. Видать по всему, руда оказалась богатой, и вскоре было решено настоящий завод строить. Печку забросили, а завод построили на реке Белой и назвали Колывано-Воскресенским, потому что кроме Колыванского рудника доставляли руду на него с другого, названного Воскресенским. Ошиблись строители памятника, посчитав единственную пробную печь за целый завод, и потому надпись на бывшем памятнике всерьёз принимать не следует.

Воскресенский рудник в пятнадцати километрах вниз по Белой, около деревни Рудовозовой был. Старые шахты там и сейчас целы. Почему его Воскресенским назвали? Пишут в книгах, что будто бы он был открыт в воскресенье, а по преданиям это вот как было.

Истари воскресенье праздником было. У Демидова свои порядки существовали. Никаких праздничных дней он не признавал, и работали у него всю неделю без перерыва. Тот приказчик, что добычей руды ведал на Воскресенском руднике, по-своему на праздники смотрел. То ли он немец был или другой какой нации и веры, только решил нарочно воскресный день превратить в день истязания мастеровых. Бывало, заснёт ли кто на работе, съедает ли кайду или ещё чем проштрафится — приказчик молчит, только в тетрадку записывает. А как наступает воскресенье, тут он свою тетрадку и достаёт. Вычитает по ней все проступки и назначает, кому съезвз строй под батоги, кого на козлах розгами, а кого плетями наказать. Соберёт весь народ и начинает расправу. Не было воскресенья на том руднике без наказаний, и редкий из мастеровых не оказывался записанным в той тетради. Памятны были мастерам эти «воскресные» дни, и называли они свой рудник Воскресенским. Так это название за рудником и осталось.

Руду тогда плавил на древесном угле, и надо было его много заготовлять. В Колыванском бору рубили для этого лучшие сосны, кряжзвали их на чурбаки, кололи на части и укладывали крестообразно в кучи от восьми до десяти метров в окружности и до пяти метров в высоту. Затем кучу дерном обкладывали, оставляя продухи для тяги, и подпихали. Бывало дней десять такая куча горит, а как продухи закроют и куча остынет, её «разламывали» и уголь на завод вывозили.

Называли тогда такие кучи «кученками», и по всему Колыванскому бору их не одна сотня была. Иные из них горели, другие разламывались, в третьих укладна леса происходила. Над бором вечно стояла туча дыма. Работали лесорубы, задыхаясь от дыма, глотая пот и слёзы. За малейшую ошибку в выжиге угля жестоко наказывали. Нельзя было кучу разламывать, пока головёшки оставались, нельзя было допускать, чтобы зоды было много — за это штрафовали, избивали нещадно. От Колы-

вани на десятки километров выезжали лес рубить и «кученки» жечь. И сейчас много таких «кученок» найти можно. Уголь из них берут для самоваров и на другие нужды.

Быстро поредел Колыванский бор. Нечего вскоре стало выбирать для «кученок» — пачали сплошь сосны валить. Так весь бор и выжгли. Пришлось из-за этого заводы останавливать. Случилось это тогда, когда Екатерина II хозяйкой Колыванских заводов была.

Опустела в то время Колывань. Больше половины домов заколочено было. Мастеровых угнали с родных мест на дальние заводы. Изредка начальство на закрытый завод наведывалось, проезжали мимо подводы, нагруженные камнем. Жителей, которые на старом месте остались, выгоняли дороги чинить, застрявшие воза из грязи вытягивать.

Зарастал забытый пруд, кривились и чернели избы, один лишь фабричный корпус с провалившейся крышей, из которой торчали остатки труб, напоминал о былом. Может быть, и захирела бы Колывань, затерялась среди деревушек, если бы не случилась надобность ближе к горам перенести фабрику, для которой лес был почти не надобен.

Всему причиной опять же царица — хозяйка заводов была. Мало ей показалось тех богатств, что с Колыванских заводов получала. Роскошные пиры и гулянья захотелось ей проводить в обширном дворце из цветных камней. Управители с ног сбились, как бы и эту прихоть исполнить. Начали ей разные камни показывать. Каждый норовил, чтобы его камушек понравился, а, известно, камни во множестве в горах бывают, потому туда своих людей посылали с крепким наказом найти самый что ни на есть красивый. Думали таким способом поближе пристроиться к царице, на чужом горбу к богатству придти.

Колыванское начальство особенно старалось, потому как оно хозяйке угодить легко могло. Велик Алтай и камней в нём много различных. Любого цвета камень здесь найдётся. По речным долинам да осыпям набрали яшм, порфиров, кварцитов. Мрамора да гранитов и подавно много насобирали. И как царица те камни увидала, так и обомлела. Решила она, что из этих камней всего наделать можно: столов и диванов, каминов и чаш, ваз и канделябров. Приказала она везти ей с Алтая такие вещи, а серебра полрежнему добывать как можно больше.

Струсили начальники. Камешки-то они из галешника насобирали, а какая из гальки камин сделаешь, какая из неё ваза выйдет? Делать, однако, нечего, начали спешно фабрику строить на Локтевском заводе, возле Алея, потому как там гора из порфира была найдена.

Приказали мастерам порфир тот добывать большими кусками, чтобы вазы и прочее крупнее выходили. Дело пошло было на лад, да разве царице угодить! Шлёт заказы один за другим, чтобы из разных камней выполнялось для неё всё, что пожелает. Локтевский завод от гор далеко, камни везти туда — много народу надо, а делать из них чаши да столы тоже не так-то скоро.

А царица всё шлёт и шлёт один рисунок за другим. Видит начальство — не успеть на Локтевском заводе в маленькой мастерской и того сделать, что тому назад года два заказано. Вот тогда и решили настоящую фабрику построить, чтобы можно было сразу больше изделий производить. Выбрали для этого нашу Колывань, потому что плотина уже готова, а каменоломни значительно ближе.

Главным мастером по камнеделию был тогда на Локтевской шлифовальной «мельнице» Филипп Стрижков. Ему и поручили новую фабрику как можно быстрее построить и в действие пустить.

Филипп Стрижков из рядовых мастеровых вышел, и начальником его сделали из тех соображений, чтобы платить ему меньше, чем немцы требовали. Был он молодой, расторопный и, как старики рассказывают, го-

разд на выдумку. Лесу тогда уже возле Колывани не было. Куда ни глянь — одни гранитные скалы. Потому он и решил фабрику построить из гранита.

В 1801 году начали гранит подвозить, плотину починять и стены фабричные выкладывать. Стрижков сперва один этаж построил и машины в нём в действие пустил. Февраль 1802 года едва наступил, а уже машины камни обрабатывать начали, между тем второй этаж ещё долго после того строился. В августе 1802 года фабрика была готова. Тогда на Локтевском заводе из камня ничего делать не стали и всех мастеровых в Стрижкову в Колывань отправили.

Что ни год, то краше изделия Стрижков в Петербург посылал, а обратно рисунки привозили. И ведь скажи, сделает фабрика чашу или вазу большую, а в рисунках ещё большую требуют. Выточат из камня такое, что и в сказках не встретишь, а из Петербурга ещё того фигурнее рисунок пришлют.

При Стрижкове мастеровым жилось много легче, чем потом довелось. Он норовил всякую вещь машиной сделать. Хитрые машины придумывал, а начальство старалось придумать такие рисунки, что и машинкой трудно было выполнить. Академия художеств рисунками занималась, видные архитекторы над ними потели. Не сдавался Стрижков. Стало начальство запрещать ему строить новые машины — денег, видно, жалели, а рисунки того сложнее присылали и такие, что в гипсе с трудом и не всякий мог сделать. Подконец назначили сделать вазу, ножки у которой на крылатых зверей походили, а размером та ваза была так велика, что нигде ещё таких не было.

Сделал и её Стрижков на своих машинах, а вскоре и помер. Вместо него Лаулина послали фабрикой управлять. Был он так же из мастеровых, как и Стрижков. Во всём поступал попржежнему. Им построен был второй корпус фабрики, который и поныне зовут «колоссальным». С виду он меньше того, что Стрижков построил, а название получил от вещей, которые в нём обрабатывались из камня.

Одна из стрижковских чаш известна, как «царица ваз». Сделана она из зелёноволнистой ревневской яшмы, одного из красивейших алтайских камней. Чаша эта весила 75 тонн, а диаметр имела более пяти метров.

Сложными были механизмы Колыванской шлифовальной фабрики для того времени. Но сама машина не могла без человека вещи делать. Вот почему приходится дивиться русской смекалке и мастерству. Много замечательных мастеров работало на Колыванской шлифовальной фабрике.

В 1912 году умер Иван Фёдорович Стрижков. Внук Филиппа Стрижкова, он работал на фабрике главным мастером. В конце прошлого столетия умерли: дед мой Воротников Тит Трофимович, Акулов Пётр Спиридонович, Сыромятников Сергей Игнатьевич. И вот уже в последние десятилетия умерли мой дядя Воротников Александр Титович, мастера, работавшие вместе со мною — Сыромятников С. И., Акулов П. П., Живы и сейчас ещё некоторые старейшие мастера: Владимир И. И., Тихобаев М. Н., Зудов Ф. П., Поднебеснов П. И.

Исключительно одарённые люди работали на Колыванской фабрике. Они обречены ей славу. Не случайно на всемирной выставке 1851 года один из членов жюри, говоря об изделиях Колыванской шлифовальной фабрики, вынужден был признаться, что он не знает подобных изделий по массивности и красоте и думает, что их не было со времён древних греков и римлян. Ещё бы не то сказал этот член жюри, случись ему попасть в бывший дворец царя (ныне музей — Государственный Эрмитаж в Ленинграде), где стоят десятки изделий нашей фабрики, во много раз

красивее и массивнее тех, что были показаны на выставке 1851 года. Может быть там не вспомнил бы он греков и римлян — колыванские мастера превзошли их.

В книге Мисюрева «Легенды и были колывано-воскресенских рабочих», изданной в 1940 году в Новосибирске, правдиво написано:

«Поистине богатую и сильную душу нужно было иметь, чтобы в условиях горно-военного строя, под постоянной угрозой плетей, любить красоту. Никаких льгот и преимуществ колыванские мастера-кампирезы не имели. Они так же были внесены в список рабочей команды. На них шёл тот же паёк провианта — 2—3 пуда ржаной муки в месяц, а казначей отсчитывал каждому из них ежемесячно один полтинник. И это было всё... В этом с предельным цинизмом сказалась сущность крепостничества.

Долгие годы трудились над вазой или коловной колыванские мастера, вкладывая в работу всё лучшее, что было в их душе. Примитивная техника, когда-то бывшая лучшей в мире, не давала возможности ускорить ход кропотливой обточкой или шлифовки цветного камня.

Нередко бывало так, что мастер на смертном одре завещал своему сыну или внуку своё незаконченное изделие, чтобы тот довёл его до совершенства. И, может быть, в голубую или зелёноволнистую яшму вкладывалась мечта о счастливой доле. Поэтому и прекрасны эти изделия. Потому они и живут, согреты огнём творческой мысли и лучших чувств народа. Мастера по камню были и остаются подлинно любителями своего дела, потому что их мастерство передавалось во плоти и крови из поколения в поколение».

III

Старые мастера мне не раз рассказывали, как жилось им, когда они крепостными самого царя были. Тяжела эта жизнь была. Фабрика тогда круглые сутки работала. Подневольный труд хотя и всегда тяжёл, но ночами он много тяжелее. Ночами в то время фабрику свечами освещали. Известно, какой свет от свечи. Многим сейчас керосиновая лампа темна, а свеча против неё, как уголь против костра. Мерцает она, коптит, а свету мало. Шлифовать же и узары на камне резать ночью заставляли с той же точностью, что и днём. По двое очков мастера надевали и работали до потери сознания.

Старость «свободу» от тяжкой муки им приносила. Когда работали они, так отдыхать-то не приходилось. Выходных и праздничных дней им не полагалось, а про отпуск и вовсе помину не было. Уйдёт стариком бессильным с фабрики, — а быстро старели кампирезы, — и делать ничего не может. Пенсию ему тогда не давали, а если позднее её и получали, то была она 2 рубля в год. Вышвырнут за ворота, как рваный сапожок, и как хочешь живи, хочешь — милостыню собирай, а не то помирай с голоду — кладбище-то рядом с фабрикой было, много на нём таких людей зарыто.

Работающие на фабрике также помочь не могли — сами гроши получали. Бывало, возьмут мальчишку на фабрику, поставят «учеником». Жалованье «ученику» в год 6 рублей давали, а на одни штрафы у редкого меньше того вычитали. Лет десяток работает — старается, и всё «ученик». Не любило начальство быстро их в мастера выдвигать, убытком это считали. А самому лучшему мастеру в год не более 80 рублей платили. Какие уж тут достатки. Себя бы да жену с ребятишками прокормить. Наврасно в такой дом нищие стучали. В доме-то не богаче нищих жили. Одна слава, что мастер, а жить-то ему не па что было.

Хуже всего жилось колыванским кампирезам при управляющем Вецеле. Карлом Христиановичем его звали. Из чужих краёв этого злодея

наняли и на фабрику назначили Вецель приехал, когда «царица вза» ещё в отделке была. Лаудин помер, не закончив этой чаши.

Немец начал свои порядки наводить. Чего только не выдумывал этот изувер, чтобы человека принизить, показать ему, что вещь он и крепостной раб. Всегда он находил причину, чтобы лучшим мастерам «место показать», как начальство говаривало. А мастеровых да учеников и новсе в такие тиски зажал — не вздохнуть.

Первым делом Вецель приказал, чтоб при встрече с ним или его родственниками мастеровые в струнку вытягивались. Непременно при этом мастеровой обязан руки по швам вытянуть, а шапка с головы его по щучьему велению должна была слететь моментально, — махать руками, чтобы шапку сдёрнуть не полагалось.

Собака Вецелева такими же правами пользовалась, как и члены его семьи. Бегаёт ли она или на месте сидит — встречный мастеровой ей ту же почесть оказывать был обязан. Не домыслил, видать, Вецель, что тем самым собаку к родне своей приписал.

К шапке тогда особую верёвочку пришивали, чтобы способнее было с головы сбросить. Старини рассказывали, что даже особых учителей Вецель назначил, чтобы они обучали, как шапку сдёргивать. Всякого, кто порядок этот нарушал, беспощадно розгами пороли. Любил Вецель сморреть, как порют, сам всегда назначал, когда порку кончить можно. Нравилось ему, чтоб под розгами кричали, а кто молчал, таких часто до смерти запарывали.

За ошибку в работе пороли так, что до костей просекали. Били мастерового и без особых причин: за то, что его жена на завалинке сидела, за то, что он из самовара чай вечером пил, песню дома пел. Одного мастерового выпороли за то, что Вецель видел, как его жена по воду в ситцевом платье ходила. После порки ему сказали, за что пороли, и велели жену поучить, чтобы ситцевое платье для хождения в церковь берегла, а за водой в демотканном ходила.

За что иногда пороли — трудно было и определить. Одного выпорют за то, что молчал, когда спрашивали, другого за то, что отвечал на вопросы. Иного за то, что оглянулся на начальника, когда он мимо проходил. Другого за то, что не посмотрел на начальника, шедшего мимо.

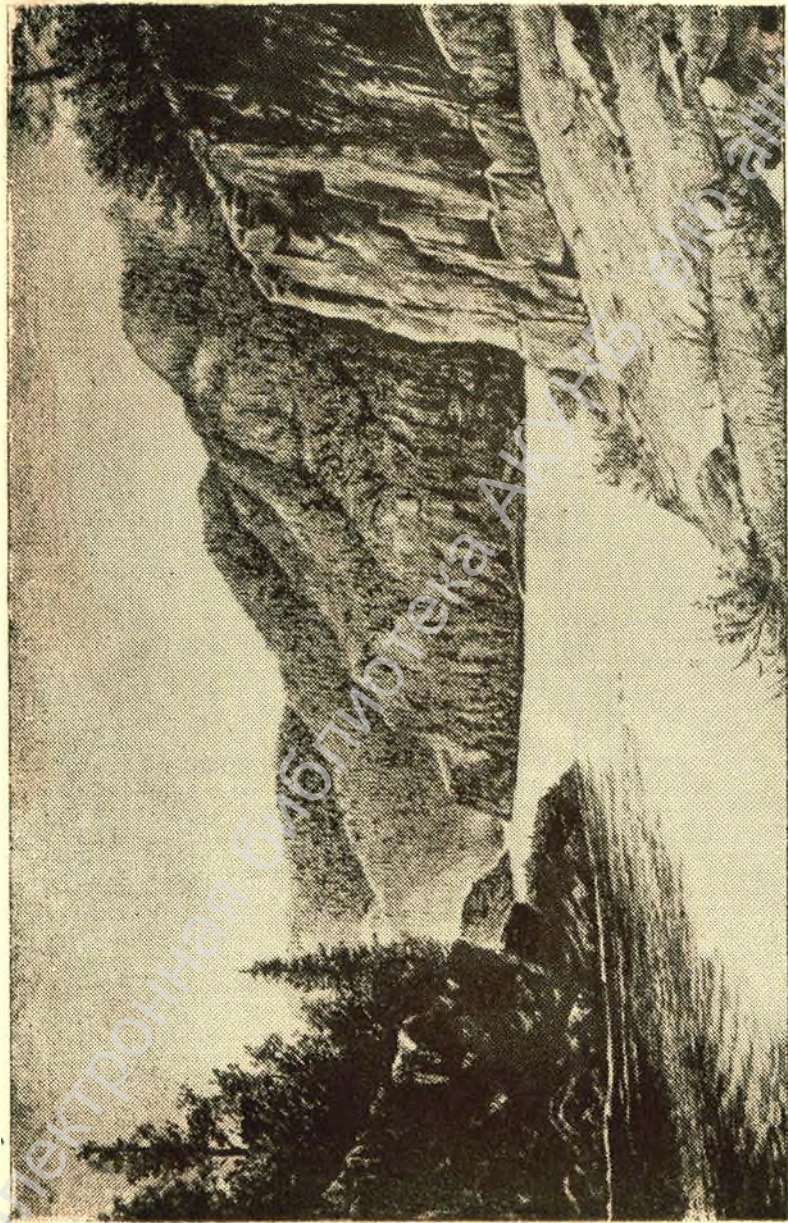
Молодым женщинам и девушкам Вецель проходу не давал. Малым ребятам — и тем от него доставалось. Почти 20 лет Вецель Кольванской шифовальной фабрикой управлял. Сколько крови пролил он за эти годы, сколько вдов и сирот оставил, сколько людей искалечил! А начальство его не забывало. Золотые табакерки, кольца с бриллиантами, денежные награды сыпались из Петербурга ему, как из доброй тучи дождь. Орден на грудь ему повесили. Фабрика же больше занималась доделкой тех изделий, которые Лаудин не закончил.

Большой, наверно, праздник был в Кольвани, когда Вецеля на кладбище похоронили. Похоронен он в Горной Кольвани. Тяжёлая гранитная плита лежит на его могиле, а сверху её колонна из розового кварцита была поставлена. Крепок кварцит, но не устоял. Переломили колонну, и валяются её обломки на могильной плите, подёрнувшейся дерном, заросшей бурьяном и чертополохом.

Вскоре после смерти Вецеля царь объявил об «отмене» крепостного права. Для алтайских мастеровых об этом особый указ был издан.

IV

Перед тем, как народу о «свободе» объявить, царь долго размышлял, как бы при том себя не обидеть. Из-за этих размышлений он, видимо, и про фабрику нашу временно забыл. Заказы редко поступать от него начали. Фабрика работала без спешки. В то время и назначили управ-

Пейзажи родного края. У горы Громогухи.

Рис. художн. А. Заборского.

люющим Кольванской шлифовальной фабрики Ивана Александровича Злобина.

Был он в генеральском чине. На фабрике раз в год появлялся. Старики вспоминали, что за неделю, если не раньше, как Злобину на фабрику прийти, начиналась генеральная уборка. Спешно подбеливали стены, чистили станки. Мастера и рабочие сразу догадывались, что Злобина вскоре ожидать нужно.

Квартира его от фабрики не далее ста метров находилась. Была в ней всего одна комната, которая ему кабинетом, столовой и спальней служила. Зимой Злобин из неё не выходил совершенно, и потому рабочие в шутку говаривали, что управляющий на зиму умирает и оживает весной. Доступ к нему имели всего два человека: его заместитель и денщик. Да и заместитель отваживался посещать управляющего только тогда, когда бумага важные подписать было нужно или о чём-либо серьёзном доложить.

В летнее время Злобин в саду находился, где для него ниша из камня была сделана. В эту нишу те же два человека доступ имели. Злобин во всём доверял своему заместителю Александру Петровичу Залесову.

Много забавных историй про Залесова рассказывали старые мастера. Был он человек образованный, по специальности художник. В хозяйственных делах смыслил мало.

Однажды у конюха вилы сломались. Делали их тогда в плотничной мастерской, но на это приказ был нужен. Приходит конюх к Залесову и говорит: так мол и так, ваше благородие, вилы вот сломались, прикажите в плотницкой мастерской новые сделать.

Посмотрел на него Залесов, да как закричит: «Что? Что?! Мастеров всякой дрянью загружать? Возьми горбыль, да сам и сделай!» «Ваше благородие, — возражает конюх, — из горбыля вилы не делают. Берёза сырая, вешней заготовки на то требуется». Железныхвил тогда в обиходе не имелось. Выслушал его Залесов и приказал: если, мол, ты из горбыля вилы сделать не можешь, то ступай в плотникам и снажи — пусть они возьмут горбыль потолще и вилы тебе сделают. Приказ нарушить нельзя. Пошёл конюх в плотницкую и рассказал, что ему велено начальством. Ну, конечно, там над приказом таким долго смеялись, а вилы сделали как положено — из берёзы.

Странностей у Залесова много было. Образованный человек был, а поди ж ты, такое допускал, что и ученику в голову не приходило. Придёт бывало в цех и как увидит, что мастер с циркулем и линейкой наметку делает, тут и встанет. Долго на работу смотрит, как мастер с оригинального чертежа на камень рисунок переводит, а потом и начнёт доказывать, что мастер ошибся. И доказывает при том самым неуместным путем. Зажмёт все пальцы на руках, указательные вытянет и упрётся ими меж двумя линиями оригинала. А потом, не разводя рук, в том же положении в соответственное место на камне тычет. Вполне понятно, что так измерять нельзя. Мало ли от чего руки дрогнут и пальцы разойдутся. Залесов же был в себе уверен и непременно обнаруживал «ошибку» в наметке.

Тычет, тычет так-то, пока все точки не проверит, а потом и скажет: «Видишь, как оно правильно-то выходит. Вот не подойди я, — испортил бы ты камень». Мастер, понятно, на словах ему не перечит, даже благодарит за науку. Отметки на камне против пальцев Залесова мелком отчеркивает. Довольным уходит тогда из цеха Залесов: вот, мол, мастера научил и изделие исправил.

А как Залесов уйдёт, начинается потеха. Мастера друг другу показывают, куда он пальцами в камне тыкал, контур по его наметке мелком обведут и над кривыми фигурами потешаются. Натешатся так-то вдоволь, а потом мокрой тряпкой камень оботрут и ведут работу по своим засечкам.

Хвалили Залесов таких мастеров, которые таким-то образом его «слушались». На деле же во всей фабрике единого человека не было, кто пальцы Залесова точнее циркуля считал. Такие вот начальники на нашем заводе прежде бывали. Правду сказать, чудачества Залесова только народ потешали и работать веселей было. Потому вспоминают о нём больше без злости, с усмешкой.

Похоронили Залесова на кладбище в Кольвани Плита на его могиле и оградке кладбищенской притулилась. Остался от неё лишь один обломок, на котором чётко написано: «Здесь похоронен коллежский ассессор Залесов Александр Петрович»...

Злобина же возле церкви похоронили, потому что церковь эту он как архитектор строил, о чём и на памятнике было сказано, но сейчас та надпись уже стёрлась. Много домов построил Злобин в Кольвани, которые и по сей день целы. По его рисункам часто изделия делали: разных зверей, птиц и цветы. Учеников при нём лепке из воска обучали и резьбе по камню с натуры.

При Злобине мастеровым Кольванской шлифовальной фабрики указ царя объявили об отмене крепостного права. Положение дел после указа не изменилось. Только в том и «свободу» почувствовали, что по воскресным дням да по праздникам работать не стали. Мастеровых с тех пор рабочими называли, да это не в новинку было: часто и до того их так называли. Праздники появились у рабочих не потому, что начальство решило им отдых сделать, а потому, что заказов было мало и можно было их выполнять не спеша.

Старики рассказывали, что отмена крепостного права незамеченной на фабрике прошла. Говорят, что поначалу старикам, которым на пенсию было пора, при «освобождении» по десятины покоса отдали пожизненно. А что с такой десятиной старик мог делать, если у него скота — кошка да собака. С этой десятиной конфуз вышел. Думали мастеровые и их дети, что та земля и в самом деле им принадлежит, но как только старики померли, землю у сыновей отобрали. Пожизненно, говорят, царь жаловал, раз старик помер, следовательно, земля обратно возвращается.

Нет, не получил тогда народ свободы, услышал лишь такое слово. Долго ещё свободу настоящую ждать пришлось — до Великого Октября.

V

В 1895 году назначили нам управляющим Ивачёва Павла Андреевича. Из старинного рода камнерезов происходил Ивачёв. Дед его при Стрижкове Филиппе мастером на нашей фабрике работал. Павел Андреевич Академию художеств окончил, был человек образованный. При нём на фабрику новые машины привезли, но большинство станков как были Стрижковым ещё устроены, так и оставались.

Работа медленно шла потому, что примитивным способом камни от скалы отрывали. Разные способы при этом применялись. Выбран камень, в котором трещин не видать или малы и незначительны, прикидывали его размер и форму, смотря по izdelku, на которое тот камень назначался. Потом ручными свёрлами отверстия по будущему резу сверлили, излишки края отбивали. При этом часто наставкой пользовались. Наставкой называлось большое долото, на жерди укреплённое. Наставку её на камень и кувалдой по обуху колотят до тех пор, пока кусок не отлетит. Наставки применяли и для отделения камня, когда трещина заметной становилась.

На Ревневской каменоломне наставку боялись применять. Камень там такой, что при ударе в разных направлениях трещины даёт. Потому там от начала до конца поступали так, как первоначальную трещину делали. Бывало высверлят отверстия вдоль будущего реза и зиму ждут,

Зимой в отверстия воду наливают, а когда она замерзала, то распирала камень и мелкие трещинки делала. Выскребут лёд и снова воды наливают, трещины льдом ещё шире раздавало. Подпослед воду в трещинку лили и работа быстрее шла.

Много раз приходилось воду наливать, а носили её из Логовушки. Речка эта близ каменоломни протекала, под скалой. Тяжело было воду паверх подымать. Тропы обледенеют, и достаточно было одного неловкого движения, чтоб вместе с ведром вниз сорваться. Иные получали увечья и становились калеками.

Если камень отделяли летом, то опять же воду в отверстия и щели заливали, а сверху заделывали накрепко. Разведут на том месте костры, а камень от жары и водяного пара трещины даёт. Чего только ни применяли, чтобы камень отделить. Бывало клинья забивали, ломали и воротами те клинья расшатывали. Тяжело было на каменоломне и зимой и летом работать.

Когда камень от скалы отваливался, его осматривали со всех сторон. Рисунки с него по масштабу рисовали и на фабрику возили. Бывало и так, что отделённый камень оказывался непригодным: то мал, то трещиноват, то формой не подходит. Приходилось вновь камень искать. Пока расчистят вокруг него потрескавшиеся куски, до нужных пределов в скалу углубятся, время-то много проходило.

Готовый камень нужно было вниз спустить, а весу ч нём бывало до 1000 пудов и более. На руках его со скалы не снимешь и просто так не спихнёшь — растрескаться может. Издавна повелось камень спускать на тормозах, как теперь сказали бы. К готовому камню большие куски пихт привязывали вместе с сучьями. Обвяжут его вокруг и в речную долину сбросят. Норовили, чтобы камень в воду не ушёл и на острые уступы не попал. Бывало как полетит он вниз — такой треск подымется — ничего не слышать.

Спущенный камень на сани подымали и к ним прикрепляли крепко. Сани всякий раз особые делали, длиною пять, а в ширину два метра. На верхней площадке камня ограждение делали с перилами. Здесь обычно становился тот, кто доставкой камня руководил. Сани устанавливали на круглые брёвна — подмоги. Установят камень на санях и ждут, пока лёд на речке не окрепнет.

Камни на фабрику доставляли две партии: одна с Гольцовского рудника, другая из Колывани Гольцовскими крестьянами, что камень доставлять брались, руководил Филипп Кузьмич Буньков, колыванскими — Евдоким Иванович Ларионов.

Первоначально камень нужно было из ущелья вытянуть на главную дорогу. Главной, или конной дорогой называли путь до Колывани от конца ущелья. Частые повороты в ущелье не давали возможности конную тягу применять, и потому камень таскали люди. Чтобы иной камень сдать с места, требовалось до 250 человек.

Делали это так. Длинные толстые канаты к саням привязывали, а вдоль их лямки с петлями устроены были. В каждую лямку человек впрягался. Как все на место встанут, Ларионов на камень подымается и команду подаёт. Сперва канаты подёргивали, чтоб сани с места стянуть. А чтобы разом работать, песню запевали, на манер дубинушки. На определённых словах её канат натягивали, на других — опускали.

Долга эта песня была. Камень-то за сутки всего на полкилометра подтянуть успевали. Тянут бывало неделю, другую, а то и месяц, смотря по его величине и погоде. Бывало до того напоятся, что и слов не слышно, один лишь рёв да стоны. Оттого, видать, и каменоломню Ревневой называли, что с рёвом камни от неё волокли.

Вытянут один камень и за другим отправляются, а по дороге вторую партию встречают, которая камень волокёт. За зиму не более четырёх камней доставлять успевали, а до фабрики ещё порядочное расстояние

оставалось. Так и лежали на санях те камни до следующей зимы, потому что летом везти их было нельзя.

Осенью у тех саней Буньков с Ларионовым встречались и с ними помощники. Почти месяц они дорогу до фабрики провешивали. Ставили вешки прямо по тому месту, где сани должны были идти. Речки, ручьи, небольшие овраги и бугры, болота и мелкий кустарник в расчёт не брали, лишь бы на пути камней не было, опасного раската случиться не могло и сильно крутых подъёмов и спусков.

В ноябре у саней много народу собиралось. Коней табун пригоняли. Со своими помощниками Ларионов или Буньков, смотря, чей камень к доставке назначался, являлись первыми. Меж тем ещё летней порой к саням по три оглобли делали и дуги на двух лошадей готовили. В эти оглобли в коренники самые сильные и рослые лошади впрягались, а с боков по пристяжке. От оглобель и пристяжек канаты тянулись метров на 220 каждый. Толщина их была невероятной — до 10 сантиметров. Ближние к камню концы канатов к саням накрепко привязывались и меж собою через определённые промежутки вальками деревянными соединялись, с расчётом, чтобы между наждами соседними вальками лошадь могла встать.

Заводили в упряжку лошадей в хомутах со шлеями. Канаты с гужами укреплялись. Каждая лошадь взнуздывалась и имела вожжи. В упряжку до 120 лошадей впрягали, по четыре в ряду, и через ряд ездовой на лошади, который держал и лошадью правил в передней перед ним четвёрке. Кроме вожжей и кнута ездовому ничего иметь не полагалось.

На переднюю четвёрку ездовой особый подбирался — такой, про каких говорят: парень не промах. Смелым он должен быть, находчивым, чтобы глаза всё кругом видели. Озорных на такое дело не брали и строго следили, чтобы слышал передний ездовой всё за версту. Какое бы имя передний ездовой ни носил, во время доставки камня его звали «Шишка». Откуда и почему такое название получилось, никто рассказать мне не мог. «Шишка» и всё. Говорят, так давно уже повелось.

Кони в четвёрку, где Шишка садился, подбирались такие, на которых хоть в огонь, хоть в воду. Ничего те кони не боялись, быстрые, как ветер, были и без норова.

Бывало запрягут и сядут ездовые на место, Ларионов всю как есть упряжку осмотрит, каждый узел проверит и тогда уже на камень за перила становится. А как встанет, снимет шапку, высоко её подымет и махнув ею, гикнет: «Поехёл!». Разом кони с места сани дергивают.

В начале не быстро вперед подавались, а потом всё быстрее и быстрее. И как наберут скорость — не остановишь. Только снег визжит да сучья трещат под полозьями. Мелькают по бокам сосны, овраги и скалы. Летит, как стая соколов, табун разгорячённых коней.

Не бывало, чтобы кто-либо из ездовых вскрикнул, только кнуты пошвыстывают да копыта цокают. В снежной пыли, как в облаке, то ползая на бугры, то скрываясь в низинах, мчатся кони.

Ларионов зорко вперед всматривался и, по вешкам правя, команду подавал: «Шишка, право!», «Шишка, лево!», «Шишка, прямо!». И слушала его, опьяневшая от быстрого бега, упряжка.

По бокам, на бойких конях, помощники в нужном месте под полозья бочонки и чурки подкидывали, а потом спешивались и подбирали брешенное, коль ещё годилось в дело, и вновь догоняли камень. Далеко впереди верховые дорогу нащупывали, и по ихнему следу Шишка должен был заключать, где коням дать полную волю, а где попридержать, чтобы не случилось раската и не смял тяжёлый камень упряжку.

Большая удача была нужна, чтоб отважиться на такую поездку ездовым. Крепко нужно было на коне сидеть. Свалился кто из них — пропал. Камня не остановишь. Недаром и сейчас вспоминают лихих ездовых,

смелых простых русских людей. Помнят последних руководителей такой доставки — Бунькова и Ларионова. Я их ещё живыми застал. Стары они уже были, а как услышат бывало, что камень доставлять нужно, просят начальство допустить их на это дело.

Почти все жители Колывани выходили далеко за село камень встречать. Завидят упряжку — дорогу уступают и долго бегут вслед за камнем. В самой Колывани камень везли по широкой прямой улице. От таких поездов она и выпрямилась. Всякое препятствие на пути здесь разбиралось, что бы это ни было. Поневоле никто на той улице не строился, чтоб не нарушить прямую линию. Не было, однако, прямого пути по Колывани до фабричного двора. Приходилось делать повороты под прямым углом. Четыре таких поворота имелось.

На повороте норовили камень по середине переулка поставить, по которому дальше везти его было нужно. Лошадей выпрягали, а канты ствязывали, коренников из оглобель выводили. Шипка в переулок лошадей стводил и ожидал, когда сани повернут. Сани на месте поворачивали аншпугами. Так называли брёвна средней толщины, которые употребляли как рычаги. Укрепят концы аншпугов под санями сверх полозьев, ухватятся за каждый по несколько человек и под ту же песню, с которой камни из ущелья тянули, стараются сани повернуть. Ларионов команду подаёт.

Охотников за аншпуги братья много находилось. Начальство им не платило за это, но разве можно устоять и не помочь Ларионову и ездовым после их геройской поездки. Так и тянули камень через всё село от поворота к повороту, пока в ограду фабрики не въедут. К зданию камень снова людьми подтягивали, потому — негде было лошадям расположиться. А в это время в Колывани Буньков на поворотах второй камень направлял. Вскоре почти без отдыха Ларионов за третьим камнем отправлялся, разве только коням давали остыть.

Раньше, при Вецеле, другой порядок доставки был. Людьями камень от каменоломни до фабрики тянули. Камни доставлялись и с высоких Тигиретских гор и с далёкого Коргона, до которого все 160 километров будет. Когда «царицу ваз» делали, то камень с Ревневской каменоломни тащили. Тысячу человек тогда в дямки впрягли, и доставка продолжалась 6 месяцев.

VI

В те годы из Петербурга и Москвы в Колывань часто приезжали чиновники и купцы. Нравилась им наша природа, видно, потому и отдыхать, как на курорт или в дом отдыха, ехали. Бывало, за прудом на лесных полянках по склонам горы Фабричной натянут палаток — что твой лагерь. Больше всего в тех палатках молодые чиновники жили. Дамы и кто посOLIDней квартиры нанимали.

Как вечер — у пруда гуляние устроят. Музыка гремит, танцы, песни, костры выше сосен. Иной из чиновников с народом заговаривает, о старине побылки спрашивает. Расскажут ему какую-либо сказку Пушкина или чью другую, а он сточит. Читать, видно, тех сказок ему не приходилось. Дамы начнут говорить — не поймёшь, из какой страны они выехали: русского слова правильно произнести не могут.

Вздили часто на озёра Белое, Колыванское; на Очаровательную склуду любили лазать — есть у нас неподалёку скала такая из гранитных глыб, не очень чтоб высока, а красоты изумительной. От нечего делать иногда на фабрику приходили. Вообще всё эти люди делали, что хотели. Смотришь бывало на них и думаешь — как живут люди, — вся жизнь у них — сплошной праздник.

То ли Андреев хотел перед ними форснуть или ещё по какой причине, — решил он фабрику богатой показать. Конечно, неплохо, когда на

фабрике чисто, уютно, цветы, ковры и мебель — работать как-то даже приятно. Но Андреев культуру прививать начал не с того, с чего бы следовало.

Первым делом он строжайшую дисциплину завёл, а для поддержания её особую тетрадь в конторке положил и за каждым рабочим в неё штрафы записывал. За опоздание на работу на 5 минут рубль штрафа положил. За брошенный на пол окурок в цехе со всех без исключения, кто в цехе работает, курит ли он или никогда не курил, по 50 копеек. Прочие штрафы тоже были определены. При таких порядках часто бывало, что к получке из 15 рублей по десятке и меньше на руки оставалось, всё остальное на штрафы уходило. Денег на этом Андреев скопил порядочно. С этим капиталом и начал «культуру» насаждать.

Первым делом полы в фабрике, которые ещё от Филиппа Стрижкова остались, перестлали, парадную лестницу построили и художественно её оформили. При входе вывеску золотыми буквами написали, что сия Колыванская шлифовальная фабрика его величеству принадлежит. Над верхним концом лестницы двуглавого орла прибили, а лестницу ковром устлали. Такую чудо-лестницу не стыдно было во дворце иметь.

Рабочим той лестницей строго-настрого запрещено было ходить, для них особый чёрный ход сделали. С тех, кто это нарушить осмеливался, брался штраф до трёх рублей. Находились всё же такие рабочие, которые норовили по лестнице той на верхний этаж подняться. Иным и удавалось, а большинству попадалось. По парадной лестнице сам Андреев, его заместитель да отдыхающие ходили. Для них она и строилась.

На фабрику Андреев, не в пример Злобину, раз по 10 в день забегал. Бегать он был здоров. Бывало увидит в окно кто-либо Андреева во дворе и крикнет: «Ребята, управляющий идёт», а тут кто-нибудь из молодых к окну сунется, чтобы глянуть, далеко ли. Не успеет он до окна дойти, а Андреев уже за спиной. Постоит немного, ничего не скажет — и в конторку. А как выйдет из фабрики, мастер тому любопытному и объявит: «Рубль штраф у тебя записан».

Начал наш управляющий и рабочие места приводить в порядок. Пол на фабрике два раза в неделю мыли, а мели два раза в сутки. Чтобы абразия на пол не капала, возле каждого станка рогожу постлали. С края рогожи эмалированный таз с тёплой водой, мыло, полотенце и греческая губка для обтирания изделий.

В каждом из цехов зеркало было повешено, и требовал Андреев, чтобы все были аккуратно причёсаны и одеты. Бывало заметит неаккуратно и оштрафует. Всё это также на штрафные деньги было заведено.

Вскоре штрафных денег Андрееву стало мало. Тогда он вдобавок другие средства изыскал. Заказал каждому ларусиновый костюм, взрослому рабочим карманные часы, ботинки и галоши. За всё это деньги с рабочих вычитались с рассрочкой на год. Иные из рабочих пробовали возражать, потому — на что им часы были, если есть цехего. Но Андреев не рассуждал. Хочешь — не бери ни ботинок, ни часов, а деньги все равно вычтут и ещё штраф возьмут, что одет не по форме.

Под конец Андреев выдумал договора с каждым рабочим заключать. В договоре том было записано, что рабочий за малейшую ошибку в работе отвечает своим движимым и недвижимым имуществом. Заключение договоров Андреев главному мастеру поручил. Главным мастером тогда работал правнук Филиппа Стрижкова — Иван Фёдорович Стрижков. Мягкий был по характеру человек. Ни одного договора у него рабочие не подписали.

Видит Андреев, дело не клеится — сам взялся. Стал он поодиночке рабочих к себе вызывать. Сначала молодых, да неопытных, а потом и до мастеров дошёл. Бывало пристанет к кому — душу вымотает. И ведь все подписали. Началась меж рабочими ссора, особенно на тех злились, которые первыми подписались.

Следом за тем Андреев ещё одну тетрадь завёл. В ней подробно записывали, кто какую работу по каждому изделию делает. На особых рисунках мастера штриховали, что сделано, каждому особый штрих был назначен. Тетрадь ту Андреев каждый день просматривал и с оригиналом сверял. Работали тогда аккуратно. Боялись малейшую ошибку допустить. Надо сказать, случаев таких, чтобы чьё-нибудь имущество продали за ошибки, не бывало. Больших ошибок не допускали, а за малые на такое отважиться Андреев не мог, после 1905 года он рабочих опасался.

Когда все эти мероприятия Андреев завершил, тогда и театр в Горной Колывани организовал. Вырезали в рисовальной школе две стены и зрительный зал со сценой устроили. Декорации сам Андреев писал, а артистами любителей пригласил из молодёжи и местной интеллигенции. Ходил ли кто из рабочих на спектакли или вовсе не бывал в том театре, из жалования всё равно вычитали. На эти деньги и декорации писали и чаепитие во время репетиций устраивали. Артисты денег не получали.

Работал на фабрике Андреев до 1910 года. При нём часовню Александру II закончили. Был ещё один крупный заказ — памятник на реке Баниой делали инженеру-минерологу, который в той речке утонул. Товарищи его по подписке деньги на памятник собрали.

Делали памятник на месте из тамшнего камня. Высотой он был 6 аршин, в основании квадрат той же длины. Имел он форму пирамиды. Филёнки и надпись к нему на фабрике изготовили из зеленоволнистой яшмы.

Работа была начата в 1907 году и продолжалась 3 месяца. На верховья реки Ноксу для этого 14 рабочих с мастером фабрика посылала. Это был последний крупный заказ при царизме. После того на вазочки маленькие, письменные приборы и разные мелкие изделия перешли. Старые мастера в большинстве на отдых ушли или умерли. Новых ждать было нечего — школа давно уже не работала, «учеников» не набирали. Фабрика захирела.

Хозяину фабрики — царю также, видно, не до роскоши было. Чувал он, наверное, что скоро революция случится, — про фабрику забыл, заказов совсем не посылал. Вскоре после начала войны в 1914 году Колыванская шлифовальная фабрика остановилась. Куда последний её управляющий делся и кто он был по фамилии — не помню. Ничем он себя не проявил и на фабрике его не видели. Фабрика снова начала работать только при Советской власти.

С. КОЖЕВНИКОВ

ЗАЧИНАТЕЛЬ АЛТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1

В горах Эликмонарского аймака, на Алтае, жил некогда замечательный старик — Шонкор Шунеков, что в дословном переводе означает Сокол. Он был из сеока Тотош. Имя его, однако, было известно не только в своём роду. Старого Шонкора знали почти во всех долинах Горного Алтая. Он был известен алтайскому народу, как искусный певец и рассказчик. И народ прозвал его Пламенным Соколом. В его аил съезжались люди из многих долин, и он пел им свои сказы под звуки топшура. Сказы его тянулись долго, иногда две-три ночи, а бывало что он пел по семь и больше ночей.

Старик Шонкор Шунеков, этот низкий и сгорбленный алтаец, с козлиной чёрной бородкой и узкими весёлыми глазами, очаровывал слушателей своими смелыми и красивыми мечтами. Сивозь тонкую узорность его сказа перед слушателями выезжали на белых конях богатыри народа, которые «годовое расстояние в одно мгновение пробегают», «на месячном расстоянии топот жеребца слышат», «через жёлтые степи, которых орлы не перелетали, словно вихрь проносятся». Богатыри сражались с ханами и баями, вступали в единоборство с злым богом Эрликом, строили мосты через неприступные реки, летали на чудесной птице Каан-Кереда, подымались на самое небо и там зажигали новые звезды.

Люди замирали от восторга и наслаждения и, не шевелясь, сидели вокруг сказителя по целым ночам. Только огонь костра, потрескивая так же, как столетия назад, и разбрасывая свои блики по аилу, нарушал напряжённое оцепенение аила, да огоньки трубок, мерцавшие в темноте, выдавали неугасающее внимание людей.

В числе наиболее ревностных слушателей Пламенного Сокола был его маленький внук. Старик любил его и называл ласкательно Итлэш. На самом же деле имя внука было Ит-Кулак, что означает Собачьи Уши.

Пламениному Соколу перевалило через восемьдесят лет и умер, когда грозные тучи облагали мир — в тысяча девятьсот тринадцатом году. Замокли песни его на Алтае. Он был простым и честным человеком и не забыл ни об одном из своих долгов. Перед самой смертью Пламенный Сокол позвал Ит-Кулака.

— Мышна,¹ — прохрипел он жене, старой Маман, и потребовал свой кожаный кошель

¹ Жену Пламенного Сокола звали Маман, что означает Мышка.

Там он разыскал четырнадцать копеек, — это был долг молодому Ит-Кулаку. И умирающий сам отдал юноше тёмные медные монеты. Возможно, в свой поступок старый Сокол вкладывал более широкий и светлый замысел, чем это может показаться на первый взгляд...

2

Ит-Кулак родился во второй месяц нового года, месяц Кочкор-Ай, когда даже два чугуна на огне не разогревают айла. Этот год был «годом кабака»,¹ который считался в айлах плохим годом для новорожденных. Мать боялась за жизнь сына — все её дети умирали. И она дала мальчику безобразное имя, чтобы злой дух Эрлик с презрением отвернулся от ребёнка.

Первый год своей жизни на земле Ит-Кулак провёл завернутым в собачью шкуру. А потом многие годы носил клочок собачьей шерсти, продетой сквозь ухо.

Когда мать уходила из айла и ребёнок начинал кричать, подходил отец и пел над ребёнком:

Коенын кою минен —
Кайнадыб переин, балам айлаба!
Табыргынын тату минин —
Кайнадыб переин, балам айлаба!

Это означало:

Заячий густой бульон сейчас сварю тебе —
Не плачь, дитя моё!
Из набарги — дикой нозы
Сладкий бульон сейчас тебе сварю —
Не плачь, дитя моё!

И горло его после каждой строфы начинало жужжать — как бы густой звон оводов нависал в айле...

Скоро Ит-Кулак научился понимать мир и слушать людей. Когда коса на его голове достаточно отросла и отяжелела, он услышал сказки своего деда старого Сокола.

Отец Ит-Кулака Чочуш умер при загадочных обстоятельствах, когда мальчику было 8 лет.

Однажды отец вышел из айла, бродил по стойбищу, плакал и кричал (люди говорили, что Эрлик лишил его разума в наказание за то, что он читал русские книги). Потом отец исчез в лесу. Только через полгода он был найден мёртвым.

Через полгода после того, как нашли труп отца, мать Ит-Кулака снова вышла замуж, а мальчика отдали деду Капшаю,² который был известен тем, что одним из первых в Кулумской долине принял христианство и построил себе избу.

Когда мальчик немного подрос, дедушка Капшай увёз его в училище алтайской духовной миссии. Чемальские монахи, окрестившие его, дали ему новое имя — Павел — и высчитали, что он родился в 1897 году.

Павла Кучичка хотели сделать туземным попом. А пока что его поместили в сарае, кормили обедками на кухне и заставляли каждый день, до начала занятий в училище и после них, рубить дрова и возить воду для попов и монахов. Однажды поп жестоко избил Павла за какой-то незначительный проступок. Павел сбежал из училища и стал дровосеком.

¹ Алтайцы до недавнего времени не имели связного летоисчисления. Год получал название в зависимости от снова и снова повторяющегося двенадцатилетнего цикла: год змеи, коня, овцы, Малой Медведицы, собаки, кабана, мыши, коровы, льва, зайца и грома. Год имел двенадцать месяцев. Месяц делился на две части: новая и старая луна.

² Капшай был дедом Ит-Кулака по отцу, Шонкор-Сокол — дедом по матери.

В июне 1916 года, когда Павлу было восемнадцать лет, его женили. Однажды дедушка Капшай вернулся из Чемала и сказал Павлу, что нашёл для него жену и уже вступил с её отцом в переговоры о цене. Юноша не имел права сопротивляться воле деда, они поехали к невесте и много часов торговались с родителями девушки. С жениха требовали калым в размере трёхсот рублей деньгами и четырёх лошадей: дедушка предлагал двести рублей деньгами, корову, лошадь и шесть фунтов мёду. На этом и сошлись. Дедушка имел собственные деньги, но он занял двести рублей от имени Павла у бая, считая, что вник быстрее и аккуратнее уплатит долг чужому человеку. Только тогда, когда Павел отдал калым, ему дали посмотреть на невесту.

Шла мировая война. В горы Алтая привезли царский указ — мобилизовать мужчин на дорожное строительство в прифронтовой полосе. Был мобилизован и Павел Кучияк. Он в первый раз увидел землю без гор, в первый раз узнал, что есть города, железные дороги, автомобили, паромы.

Алтайцы, в числе которых был Кучияк, работали где-то около Бобруйска. Из них никто не знал русского языка и они жили уединённо. В мае 1917 года алтайцев неожиданно отправили домой. Только в пути они узнали, что царя больше нет и что в феврале была революция.

Дома, казалось, ничего не изменилось. Только юрта одряхла и развалился загон для лошадей. Павел переехал с женой в деревню Чепош, снова стал дровосеком и вёл небольшое хозяйство: сеял ячмень, держал несколько ульев пчёл. О том, что происходило в Сибири и даже на Алтае, он имел очень неясное представление. Об Октябрьской революции он узнал только через пять или шесть месяцев.

В Чепош как-то приехал представитель коммунистической организации и стал подыскивать людей, которые могли бы создать комитет деревенской бедноты и начать борьбу за удаление баев из Совета. Павел Кучияк был избран в комитет и стал работать секретарём. С этого дня началась новая и самая светлая страница в биографии Кучияка.

Наступили дни переывборов сельского совета. Комитет бедноты наметил свой список депутатов. Командированный из волостного комитета партии товарищ произнёс речь, а после него первый раз в жизни выступил на собрании Кучияк. Он сказал только несколько слов, но так заикался, что все смеялись. Список, однако, прошёл. Кучияк тоже был в числе избранных и стал секретарём сельского совета. Вместе с учителем он создал избучитальню и сам впервые в жизни взял в руки газеты и книги.

В течение двух лет Кучияк попрежнему работал в сельском совете, с перерывом лишь на несколько месяцев, когда учился в областном центре на курсах советского строительства. Ему уже часто приходилось выступать на собраниях, и не только в Чепоше, но и в мелких посёлках вокруг него. Его знали во всей округе и нередко приезжали за советами.

Летом 1925 года, в самый разгар сенокоса, его вызвали в областной центр и дали путёвку в Москву — в Коммунистический университет трудящихся Востока.

В КУТВе Кучияк учился четыре года, а когда вернулся в родные долины, был назначен руководителем отряда — «юрты-передвижки». В отряде работали: женщина-врач, учитель, агроном и киномеханик. Они ездили по самым отсталым аймакам Кош-Агача и Улагана, делали прививки от оспы, организовывали колхозы и читали доклады: о гигиене и земледелии, методах социалистического труда и советском праве. Отряд показывал фильмы, учреждал пункты ликбеза, боролся с суевериями и байской агитацией.

«Юртой-передвижкой» Павел Кучияк руководил два года. Это была тяжёлая работа, но она была прекрасна. Иногда Павлу казалось, что для такой жизни мало одного сердца. На его глазах алтайцы переходили из

кочевых бедных айлов в новые дома и избы, женщины снимали чегедеки, люди впервые в жизни начинали мыть лица, бай и зайсаны изгонялись из Советов и кооперации. Земля становилась своей!

Именно в эти годы Кучияк часто вспоминал своего деда и его замечательные легенды¹

Многое, рассказанное старым Соколом, теперь уже забыто и навсегда потеряно. Тогда ведь мало кому приходило в голову сохранять народные сказы и мечтания, передававшиеся от дедов к внукам. К счастью, образы наиболее любимых богатырей навсегда запечатлелись в памяти Павла. В дни, когда Кучияк вёл агитацию за новую жизнь, он садился иногда около костра и так же, как дед, под размеренное позванивание топшура пел старинные сказы. Перед слушателями возникали из глубины веков богатыри: бедные и богатые, добрые и злые, жадные и благородные. Под звон топшура молодой сказитель пел о победах богатыря Башпарака над семиглавым злым Дельбегеном, о хитром бедняке Аргачи, который съёл на костре злого и жадного бая. И сколько бы ни рассказывал он легенд, в каждой из них слабые становились сильными, бедные и забытые побеждали богатых и злых.

— Якши!² — восклицали слушатели

И Павел Кучияк тогда говорил:

— Вот о чём веками мечтал наш народ! Теперь настало время, когда сказки превращаются в быль.

— Якши! — подтверждали слушатели.

3

Сказки Пламенного Сокола Павел Кучияк записал позднее на бумаге. И мы, русские читатели, впервые узнали тогда о чудесных творениях алтайского народа.

Алтайцы на редкость поэтически одарённый народ. За многовековую историю свою они накопили богатейшие сокровища устного творчества. Но до революции их поэтические произведения почти не были известны русскому читателю. За полтора столетия, как был присоединён к России Горный Алтай, всего два-три человека занимались сбором алтайского фольклора. Но, строго говоря, это были не записи, а пересказы, конспекты сказок. Поэтическое дыхание легенд, их богатейшая фантазия, гиперболы, яркость образов, их музыка вытравились. Искажалось даже содержание легенд. Миссионер Вербицкий утверждал, что в алтайских сказках воспеваются богатые, князья и что, следовательно, устное творчество алтайцев пошло не от народа, а от аристократических верхушечных слоёв.

Старая, знакомая история! Находились ведь «исследователи», которые то же самое утверждали и относительно происхождения русского былинного эпоса.

Сказки старого Сокола, записанные его внуком, были первым сокрушающим ударом по реакционным взглядам на «аристократическое» происхождение народного творчества Горного Алтая.

Записи Павла Кучияка познакомили русского читателя с образцами героических легенд, которые слагались охотниками у дымных костров и пастухами на альпийских лугах. Герои этих сказок — бедняки. В сказках они чудодейственным образом приобретают богатырскую силу и вступают в борьбу со своими поработителями: с камами, баями и даже с самим злым богом Эрликом.

Поработителей народа сказы рисуют жадными, завистливыми, без-

¹ В роду Кучияка была сказительницей и его бабушка Баргаа.

² Хорошо!

жалостными, а богатырей народа — смелыми, доблестными, мудрыми и благородными.

Нетрудно догадаться, кто автор этих сказаний, чьи думы и чаяния отображены в них. В сказках выражено вековое, неудержимое стремление народов освободиться от угнетателей и утвердить на земле свободную, счастливую жизнь.

Алтайские сказки замечательны ещё «выдумкой», «изумительной способностью заглядывать далеко вперёд факта» (Горький). Задолго до появления электричества богатыри сказок ловили молнии и, закрепив их в расщелинах скал, освещали долины и реки. За много веков до появления самолётов фантазия сказителей создала Каан-Кереде — прообраз современного аэроплана, а Пламенный Сокол в сказке «Башпак» мечтал о ячмене, в колосьях которого «было бы по сто ячменных зёрен».

По форме своей сказки алтайцев исключительно ярки, образны и величавы. В них каждое слово перевито иносказаниями, краски в них горят, как цветы Алтая, а гиперболы превосходят самую смелую фантазию.

Неоценимая заслуга Павла Кучияка в том, что он не дал погибнуть сказкам Пламенного Сокола, любовно записал и подстрочно перевёл их на русский язык. Он открыл для русского читателя неизвестный доселе чудесный поэтический мир, мир прекрасной фантазии и музыки.

Нелегко было Кучияку вести свою работу. Буржуазные националисты, пробравшиеся тогда в руководящие организации Горного Алтая, всячески тормозили обмен культурными ценностями между русским и алтайским народами. Они пытались «отгородить» алтайский народ от русской культуры и закрыть для русских богатство народного творчества алтайцев.

Одни из них фальшиво утверждали, что алтайский язык настолько беден, что на нём никак нельзя изложить произведения русских классиков и советских писателей. Другие говорили: язык алтайцев — бедный язык, и поэтому на нём не может быть устных произведений высокохудожественной ценности. А третьи даже в печати заявляли, что алтайские сказки потеряли всякий интерес и значение для современного Горного Алтая.

О сказках в Горном Алтае нельзя было тогда говорить вслух. Товарищей, записавших сказки, чуть ли не обвиняли во вредительской деятельности. Одну из лучших сказок Пламенного Сокола, записанную по памяти Кучияком, прямо называли контрреволюционной.

Были дни, когда у Павла Кучияка опускались руки, и он надолго прекращал свою полезную, культурную работу. Но в 1934 году ему посчастливилось быть делегатом Всесоюзного съезда писателей. Он услышал там прекрасные слова А. М. Горького:

«Начало искусства слова — в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нём, обрабатывайте его. Он очень много даёт материала и вам, и нам, поэтам и прозаикам Союза. Чем лучше мы будем знать прошлое, тем лучше, тем более глубоко и радостно поймём великое значение творимого нами настоящего».

Это указание открыло Кучияка, и он с новой силой взялся за работу над фольклором. Записывал он уже не только по памяти сказки своего деда, но и других сказителей, которые ещё здравствовали и являлись живыми хранителями фольклора. Так Кучияк открыл талантливого сказителя Николая Улагашева, которого позднее правительство наградило орденом.

В дружной семье народов Советского Союза идёт великий обмен культурными ценностями, каждый народ лучшие свои творения несёт в общую сокровищницу культуры.

В общую сокровищницу культуры принёс свои творения и алтайский народ, и инициатором, пионером этого был Павел Васильевич Кучияк, внук Пламенного Сокола.

О Павле Кучияке на его родине говорили: «Возьмёт ружьё — охотник, возьмёт топшур — певец». Здесь не было преувеличения. Можно было бы добавить: положит грим — актёр, возьмёт перо — писатель.

Да, Кучияк был не только собирателем фольклора. Он сам был сказителем, поэтом, актёром и драматургом. Дарование его было богато и разносторонне. Он писал стихи, рассказы, повести и пьесы и сам играл на сцене первого Горно-Алтайского драматического театра.

Сказки Пламенного Спола Кучияк записал «по памяти, почти через четверть века после того, как слышал их. Это мог сделать человек, имеющий сам поэтическое дарование. Отдельные места сказок, память не могла сохранить, и Кучияк восстанавливал их собственной фантазией, не искажая образов сказаний, не уменьшая поэтичности оригинала. Он выступал в данном случае уже не только как собиратель фольклора, но и как сказитель, как творец.

В сказках, которые любовно записывал Кучияк, народ многое предугадал. Но среди них не было ещё сказаний о том, что давно стало уже прекрасной действительностью и что наполняет сердца всех алтайцев и требует облечения в звучные строки. Павел Васильевич решил помочь сказителям создать такую сказку. И вот под его влиянием колхозник из посёлка Айюла Даабы Юдаков взял топшур и начал складывать легенду о Ленине.

Он делал это так же, как все сказители. Бил по струнам топшура и напевал первые строки глубоким грудным голосом, идущим будто бы из-под земли. Слова постепенно переходили в гуденье, в бессловесный припев. Припев длился минуту, иногда больше, пока не рождались следующие две строки. Юдаков и Кучияк помогали друг другу подбирать слова этих строк. Топшур переходил из рук в руки.

Так родилась в 1934 году замечательная легенда «Зажглась золотая заря», которой открыт том «Творчество народов СССР», изданный к XX-летию Октябрьской социалистической революции.

«Зажглась золотая заря» — это легенда о Ленине и бедняке-алтайце Анчи. В ней рассказано о том, как «на Алтае подоблачно, в горной долине, жил-был бедный охотник Анчи. Он имел одну лошадинку, да одну коровенку, и одет он был в ветوشь, в худое рваньё». Бай, зайсан и шаман забрали у Анчи лошадь, последнюю корову. От голода умерли дети. Анчи пошёл по Алтаю, чтобы узнать, «есть ли сила такая на свете на белом, чтоб зайсан перед нею стоял онемелый, не найдётся ли мудрость такая — и в ком — чтобы хан оказался перед ней дураком?».

Шесть раз Анчи обошёл весь Алтай
И увидел Анчи богатырь перед ним
Средь бескрайних просторов, народом обильных,
Землю всю сотрясающий словом одним.
Видом — добрый из добрых и сильный из сильных!

И этот богатырь спросил маленького Анчи:

Ты откуда явился сюда, человек,
Дня и ночи свои проводящий в печали?

Анчи ответил, что он бедняк, что ему нечем покрыть свои голые плечи, и что желудок его пуст, потому что бай, зайсаны и камы «словно чёрные вороны, всё расклевали».

И богатырь «с огненным ликом» сказал бедняку:

Знай, Анчи: от моих громоносных ударов
Ныне пала навеки зайсанская власть.
Обеззублена у богачей — у байларов
Их ненасытная пасть.

Ваше всё то, что было доселе зайсаново.
Бедняки, стройте жизнь свою заново.
Дружной братской семьёй общий подвиг творя!

Кто этот богатырь с огненным ликом? Народ, окружающий богатыря, рассказал Анчи, что это — сын народа и «его имя великое — Ленин!» И тогда на бедняка-алтайца «полилися живые, двойные лучи».

И почувствовал он: жизнь к нему возвращается.
И он сам, от двух солнц, теплоту их беря,
Надвигается силою и превращается
В молодого алтайского богатыря.

Анчи — образ Алтая, олицетворение судьбы всего народа. Над Алтайем зажгёт золотую зарю Ленин, зарю Великой Октябрьской социалистической революции, и Анчи-Алтай превратился в могущественного богатыря. И Алтай поёт песню про Ленина, которой закончили свою легенду Юдаков и Кучияк:

Ленин!
Из поколений
Перейдёт в поколенья
Мудрость слов твоих.
Ленин!
Вечно будет народ наш
Прославлять тебя в песнях.
Все прекрасные птицы Алтая
И алтайские сочные травы,
И могучие наши леса,
И алтайские бурные реки
Будут петь о тебе эту песню.
Полюбив твоё имя навеки,
Ленин!

«Зажглась золотая заря» — замечательная поэма. Критика назвала её шедевром. Написанная в духе традиционной эпической героики Алтая, она блещет изумительной яркостью красок, смелостью сравнений и гипербол, меткостью и своеобразием образов. Фантастическая по форме, она глубоко реалистична по своему существу. В сказочных событиях и образах она передаёт весь смысл ленинско-сталинской национальной политики.

Ленин в этой поэме награждён лучшими чертами самых любимых, самых могучих, самых благородных героев алтайского эпоса. Легенда о Ленине как бы замкнула огромный цикл героических сказаний, воплотивших вековые мечты народа о новой, свободной жизни и открыла новую страницу истории алтайского народа.

5

Золотую зарю Великой Октябрьской социалистической революции алтайский народ встретил нищим, забитым и тёмным. Большинство народа питалось кореньями кандына, сараны и дикого пиона. Жилищами ему служили аилы из древесной коры. Пять человек из ста не были в состоянии иметь даже такие аилы, и они копали ямы, устилали их травой и укладывали в них своих детей. Одевались бедно. Рубах не снимали, пока они, изношенные в клочья, сами не сваливались с плеч.

До революции в Горном Алтае была невозможна лучшая жизнь. На плодородных землях Алтай жирными пауками сидели монастыри. Баи и зайсаны, русские купцы и кулаки захватили лучшие уголья и пастбища. Алтайская беднота ютилась в горных ущельях, на «камне» и билась

в лапах жестокой эксплуатации, произвола, патриархально-феодалного угнетения. Алтайский народ был окутан густой паутиной суеверия и родовых предрассудков.

До Октябрьской социалистической революции алтайский народ не имел письменности. Правда, в народном творчестве алтайцев часто упоминаются книги, письма. Герои народных сказок и былины из кожаной сумки достают книги, «на крыльях лебедя» пишут письма.

Но строки сказок о книгах, о грамоте появились в алтайском фольклоре, очевидно, под влиянием соседних народов, имевших письменность.

Миссионеры пользовались для своих переводов на алтайский язык особым транскрипционным алфавитом на основе русского. Но алфавит этот знали на Алтае одиночки (не более двух процентов алтайцев). Никакой письменной художественной литературы алтайский народ не имел.

Когда на Алтае возникла письменность, то первые художественные произведения появились под прямым и сильным влиянием устного творчества. На Алтае мало прозаических сказок. Легенды и сказки алтайцев, как правило, стихотворные, исполнители поют их под топшур. Поэтому и первыми письменными произведениями алтайских писателей были стихотворные произведения. Первой книгой, изданной в 1926 году, была поэма «Мудрый богатырь». В образе богатыря был показан В. И. Ленин. Поэма эта была по существу переложением народных сказок. Сюжет поэмы сказочный. От сказок — обороты речи, образный рисунок, гиперболизм.

Позднее появились и другие поэмы, написанные в духе традиционной эпической героики Алтая: «Темир беко», «Зажглась золотая заря», о которой мы говорили выше, и другие. Установился особый жанр поэм-сказок, фантастических по форме, но глубоко реалистических по существу. В сказочных образах молодые поэты Алтая (Павел Кучияк, Иван Ябыков, Чилим Чуниженков) показывали Октябрьскую революцию, гражданскую войну на Алтае, воспевали вождей революции.

Советская литература на Горном Алтае зарождалась с опозданием, развивалась медленно. Объясняется это, во-первых, тем, что нужен был какой-то период, чтобы народ овладел грамотой, письменностью, чтобы затем выдвинуть из своей среды литераторов. Во-вторых, рост письменной литературы сознательно тормозили буржуазные националисты, которым удавалось иногда пропихать в руководящие организации Горно-Алтайской автономной области. Они пытались направить алтайскую литературу по ложному, враждебному пути.

Буржуазные националисты были разоблачены и изгнаны из молодой литературы Горного Алтая.

В начале тридцатых годов в литературу пришли люди, которые ещё недавно пасли байский скот. Они и выступили песнопевцами новой жизни.

Первым поэтом, который выступил на Алтае с самостоятельным и наиболее крупным произведением, был Павел Кучияк. Это была поэма «Арбачи», которую Кучияк написал ещё во время учёбы в Коммунистическом университете трудящихся Востока.

Раньше в Горном Алтае особенно тяжела была жизнь алтайской женщины. Она была рабой бая, зайсана, мужа, брата мужа. Она не могла зайти на мужскую половину аила, всю жизнь не имела права снять с себя чегедек. Её продавали как вещь, ею распоряжались как собственностью.

Первое своё самостоятельное произведение Кучияк посвятил алтайской женщине. В поэме «Арбачи» он нарисовал тяжёлый жизненный путь алтайки, дочери бедняка.

Баю Дябы нужны были бесплатные рабочие руки. Он взял девушку Арбачи замуж за своего шестилетнего сына («Отец Арбачи был у бая в долгу»).

Беднякам ли забытым тягаться с баем!
На его стороне и мощна золотая,
И шаман, и продажный зайсанский суд.

Полтора десятка лет Арбачи проработала на бая. Полтора десятка лет тяжёлой горькой жизни.

На работе тяжёлой растрачены силы
Юность, радость, весёлость сторели дотла.

А когда вырос байский сын и бай мог женить его на другой молодой девушке, он выбросил Арбачи из своего аила, словно обглоданную кость. Она пошла с жалобой к зайсану. Зайсан пригрозил ей за дерзость плетьюми. Она пошла к родителям, но отец сказал ей:

Дерево там гнивает,
Где выросло.
Девушка там умирает,
Куда выдана.

Алтайская женщина была любимым героем Павла Кучияка. Он показал её и в гражданской войне, и в борьбе за колхозы, и в борьбе за новый быт. Но жизнь алтайской женщины в старом Алтае произвела в своё время на поэта настолько сильное впечатление, что он возвращается к ней в своих произведениях вновь и вновь. Одно из лучших его стихотворений — «Смерть Янар», стихотворение о бедной девушке-пастушке, доведённой преследованием бая до самоубийства:

Нет, ни за что я не дамся им!
Лови меня, озеро Тюргун-Су!
И воды, мгновенный прыжок отразив,
Перед ней распахнули пучину свою.

Судьба Янар была судьбой многих женщин-алтаек.

Самоубийство — не выход. Нужно бороться. Арбачи Павла Кучияка не заплакала от горя, не бросилась со скалы:

С камнем горькой обиды на сердце,
С жаром ненависти в душе —
По долинам с сухими глазами
Шла суровая Арбачи.

С винтовкой в руках она выступила со всем народом против баев и зайсанов за новую, свободную, счастливую жизнь.

Алтайский народ с помощью русских трудящихся масс освободился от своих поработителей и угнетателей. Произошло это, однако, не мгновенно и стоило больших усилий, длительной борьбы и многих жертв.

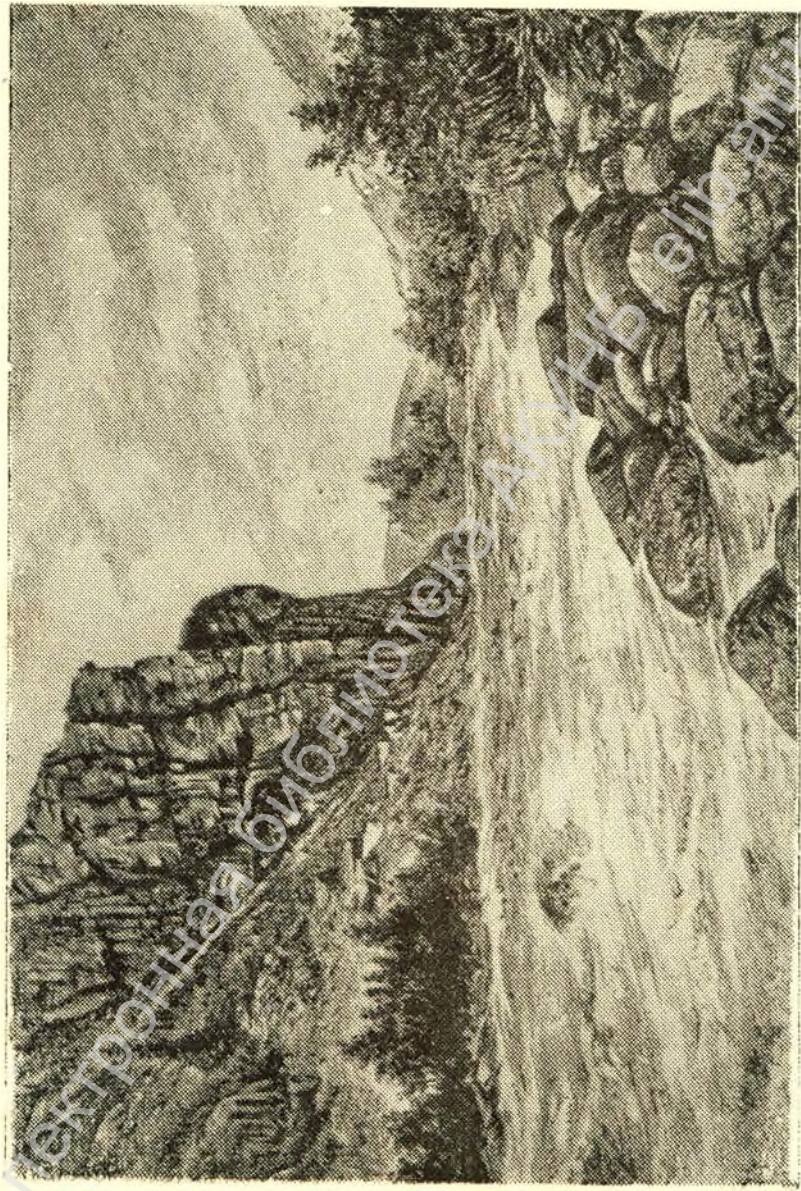
В первые же месяцы, как докатилась до Алтая спасительная волна Великого Октября, бай и зайсаны «снова хотели скрутить руки народа». Они создали Кара-Корум, контрреволюционное буржуазно-националистическое правительство.

Чёрные дела каракорумцев и колчаковцев на Алтае Кучияк заклеивал в своих поэмах («Арбачи», особенно «Аркыт») с большой силой гнева и страсти:

Словно чёрные ветры чумные, угрюмо
Камы выли без умолку ночью и днём.
Волки жадные вышли из Кара-Корума,
На Аркыт собралось Колчака воронье.

(«Аркыт»)

В 1918 году им удалось свергнуть Советы. Началась жестокая расправа с каждым, кто хотел распрямить спину, кто выступил за новую свободную жизнь.

Пейзажи родного края.

В районе Чемала.

Рис. художн. А. Заборского.

Тварь ползучая от роду не была злее,
Как в те дни, о которых не помнить бы рад.
(«Аркыт»)

Расправа была настолько мстительной и бесчеловечной, что алтайский народ никогда этого не забудет, никогда не простит.

Против колчаковщины, против каракорумцев поднялась грозная волна партизанского движения. На помощь алтайскому народу пришли русские товарищи. Плотник Куреев (пёса «Чейнеш») организовал в горах партизанский отряд. В долине Аркыта (Аргута) храбро бились красноармейские полки.

В поэме «Аркыт» есть такое обещание поэта: «Мы о героях сложим песни». Алтайский народ сложил эти песни. Песней о победах звучат и некоторые лучшие строфы поэмы Кучияка «Аркыт».

На высотах Алтая победно горит
Знамя алое — Ленина знамя.
Словно солнце второе, с вершины горы
Всё залило косыми лучами.
Средь долин, на горах потеплело вдвойне,
Посветлело вдвойне на Алтае,
И так хочется петь о родной стороне,
О житье без постылого бая

6

Вскоре после поэмы «Арбачи» Павел Кучияк написал пьесу. Писать её он начал по требованию самой жизни. Алтайцы хотели ставить спектакли на своём родном языке. В урочище Союзаре, Усть-Канского аймака, колхозники обязали учителя в порядке колхозной дисциплины написать пьесу. В это же время заказали учителю пьесу колхозники Бешпельтирской долины. Пьесы требовали во всех урочищах. Учителя писали что-то. Кучияк, путешествуя по долинам Горного Алтая со своей юртой-передвижкой, читал иногда эти пьесы и видел, что они очень слабые. И вот он решил попробовать собственные силы.

Первая пьеса оказалась беспомощной. Он стал писать вторую. Она его тоже не удовлетворила, но самостоятельные театральные коллективы встретили её с радостью.

Профессиональный театр родился в Горном Алтае только в 1937 году. Вначале была создана театральная студия. Двадцать пять молодых алтайцев сели за классные парты. За пять лет они должны были получить среднее театральное образование.

Ежедневно учебная парта сменялась подмостками сцены. Студийцы с первых же недель стали учиться играть. Но что играть? Пьес на алтайском языке не было. Первые опыты Павла Кучияка были настолько слабы, что он сам не предлагал их театру. Встала задача не только растить театр, но и создавать репертуар, создавать драматургию. И вот тогда молодой театр заказал Павлу Кучияку новую пьесу.

В ноябре 1939 года пьеса была написана. Эта была пьеса «Чейнеш», получившая потом широкую известность. Никогда ещё в театре не работали с таким трепетом и подъёмом, как над этим спектаклем. Пьесу много раз читали. Просили автора внести поправки, доработать отдельные куски. Автор охотно прислушивался к замечаниям, помогал актёрам правильно понять тот или иной образ, помогал режиссёру и сам стал готовить одну из основных ролей пьесы. Художественный руководитель театра ездил по сёлам, беседовал со стариками, знакомился с жизнью, которую он должен показать в художественных образах на сцене. Композитор писал музыку...

И вот, наконец, поднялся занавес. На сцене — утро в горах. Лесная

ложбина, пни, валезник. Батрачка бая Козуйта молоденькая Ялакай, собирает хворост и тихо поёт грустную песню. По щекам девушки бегут слёзы. Её только что избил хозяйка, «пронялая волчица Чоочой».

«Кто увидит моё горе? Кому я расскажу о своих обидах?»

Вдруг в лесу раздаётся голос:

— Ялакай! Где ты?

Девушка вздрагивает, пугливо прижимается к дереву. Тревога оказывается напрасной. Это пришла вторая батрачка Козуйтов—Ботпой. Через некоторое время к ним присоединяется Чейнеш, дочь бедняка Содона. Далеко в лесу кукует кукушка. Ялакай, впечатлительная, непосредственная, задумчиво повторяет: «Ку-ку! Ку-ку! О чём она кукует?»

Птица летит в глубь леса, и под её напевное печальное «ку-ку» Ботпой рассказывает подругам алтайскую легенду о кукушке. Чейнеш вслух мечтает: «Хорошо бы превратиться в птицу, взлететь высоко, улететь далеко-далеко!.. Туда, где всегда лето, всегда светит яркое солнце...»

В лесу кто-то играет на шооре. Девушки зазорно запевают:

Яркая звёздочка, спутница месяца,
Где ты от глаз наших спряталась?
Где на шооре чудесно играющий?
Нам почему не покажешься.

В ответ на песню из тайги выходит Кара (батрак Козуйта). Молодёжь веселится, шутит, поёт. Но веселье быстро гасит хриплый, сердитый голос хозяйки. Напуганные Ялакай и Ботпой убегают. Чейнеш подходит к Кара и сообщает, что у неё большое горе: её насильно выдают замуж за сына бая Козуйта—Яжная.

«Милый друг Кара, спаси меня. Я не буду женой нелюбимого человека!»

Кара порывистый, решительный, весь загорается.

«Бежим! Видишь эти руки... Они сильные, крепкие, они будут рыть землю, будут работать, защищать тебя!»

Действие в пьесе развивается стремительно, динамично. Уже в первой картине завязывается драматический узел пьесы, и она на всём своём протяжении развёртывается, как туго стянутая пружина.

Время действия первых четырёх картин — 1919 год, когда на Алтае господствовало буржуазно-националистическое правительство — Кара-Корум. Кучияк в своей пьесе как бы попутно, вторым планом, показал, что Кара-Корум — это не «общенациональное единство» всех алтайцев — и бедняков и баев, каким пытались изобразить его буржуазные националисты, а союз и единение баев, камов, зайсанов и русских купцов против бедного люда.

Народ в первые же месяцы понял истинную природу Кара-Корума. Правда, в начале действия бедняк Содон не уверен в своих силах и покорно говорит: «Воля неба посылать дождь и снег, воля зайсана судить и карать бедных людей». Он любит свою дочь и знает, что она будет несчастлива с нелюбимым человеком, но даёт согласие на сватовство баев Койзутов. Чейнеш насильно уводит в аил Яжная. Она в отчаянии: «Отец! Мать! Спасите!» Содон не в силах подняться с места: «Ничего я не могу. Милая моя Чейнеш, ничего я не могу».

Но вскоре же, в ходе дальнейшего развития событий, бедняки Содоны почувствовали, что руки у них сильные и воля тверда. С помощью русского народа, под руководством большевиков, они разгромили колчаковско-каракорумские банды.

В центре пьесы и спектакля — Чейнеш. Начиная с первого появления на сцене, образ её развёртывается, как образ активный, протестующий, «требующий права и простора жизни».

Чейнеш насильно выдали замуж. Но у неё хватило решимости бежать из аила всесильного бая. В родную долину Чейнеш и Кара верну-

лись победителями. Кара — командиром отряда конных разведчиков красных партизан. Чейнеш — председателем сельревкома. Личное счастье, личное освобождение они нашли на пути освобождения всего народа от жестоких Козуйтов.

После постановки «Чейнеш» в Горном Алтае с гордостью было сказано:

— У нас есть театр, у нас родилась своя драматургия!

7

Раньше было распространено мнение, что песен в Горном Алтае нет. «Не любят песню алтайцы». Это, разумеется, глубоко неверно. Алтайцы любят песню и умеют её складывать и петь. Они замечательные импровизаторы. А как только начала расцветать в Горно-Алтайской области новая жизнь, так стали бурно рождаться там и новые песни. Народ откликнулся песнями на все события жизни. Он стал петь о счастливой новой жизни, о социалистической Родине, о дружбе народов, о любви к нашей славной родной партии и мудрым вождям Ленину и Сталину. Родились песни о колхозах, о Советах, о Красной Армии, пограничниках, комсомоле, о радости социалистического труда.

Восхищённый сказочным преобразованием своего края, его хозяйственным и культурным ростом, Кучияк взялся за перо, чтобы воспеть в стихах то, что наполняло его сердце и просилось в песню.

Работе над стихами Павел Васильевич учился на народных песнях, так же как, сочиняя свои легенды, он учился на старинных образцах героического эпоса.

В первых его стихах почти не было ничего своего, индивидуального. Единственным композиционным приёмом Кучияка было контрастное сопоставление новой жизни со старой. Он злоупотреблял одними и теми же образами и эпитетами, заимствованными из фольклора. Параллели и повторы, на которых почти целиком строится народная песня, Кучияк полностью перенёс в свои стихи.

Всё это было в какой-то мере «издержками» роста, неизбежным этапом учёбы. Но вскоре этот период прошёл. Поэт нашёл свой голос.

Тема Павла Кучияка, которая проходит почти через все его стихи, — это человек и природа. Основное настроение его поэзии — чувства советского человека — хозяина Алтая, преобразователя и украшателя его.

Природа Алтая давала великолепные краски поэтическому воображению народа, и он чудесно воспел её в своих легендах. Но в жизни алтайцы не только не были хозяевами природы, они боялись её, жили в постоянном страхе перед нею.

На перевалах через хребты гор алтайцы клали пирамидой камни или привязывали ленточки к деревьям — подарок горному духу, который, если его не задобрить, может не разрешить спуститься вниз, столкнёт коня с обрыва или сбросит сверху камень.

Самую высокую гору Алтая — Белуху они овеяли грозными легендами, и ни один алтаец не только не смел взойти на неё, но даже приблизиться к ней. Такой же священной и грозной считалась гора Алыгаи, у подножия которой Кучияк провёл своё детство.

На Алтае вечно живая и кристаллически чистая вода. Но алтайцы боялись умываться ею, считая, что она навсегда унесёт счастье. Ягоды оставляли гнить на корню, цветы не собирали.

Алтаец не мог наслаждаться красотой своей горной природы. Она была для него непонятна и грозна.

После революции в Горном Алтае, как и во всей стране, родилось иное, новое отношение к природе. Алтаец впервые по-настоящему увидел красоту своей земли. И вот как прекрасно передал это чувство Кучияк в своём стихотворении «Весна».

Горы нехотя, как-то хмуро
Сняли зимний покров со склонов
Из-под снежной ветоши бурой
Встали стрелки травы зелёной.
И земля, разорвав покровы,
Словно грудь распахнула настежь.
В чащах звери проснулись снова,
А сердца наполнились счастьем.
И весна по горам Алтая
Шла цветами их украшая
Звери, птицы, леса и травы
Воздавали ей громко славу...
Время светлое нам досталось —
Жизнь раскрылась с весной вместе!
Сотни лет человеку мало —
Он хотел бы прожить и двести
Для того ж, кто счастлив глубоко,
Будет мало и этого срока!..

По перевалам и ущельям гор проложен величественный Чуйский тракт, и по нему смело водят машины шофёры-алтайцы. Через быстрые реки человек перебрал мосты, на порогах воздвиг плотины и построил гидростанции. Он разведывал недра гор и открыл там веками таившиеся богатства. Человек побывал на грозных вершинах Белухи, создал лагеря альпинистов у подножия Чуйских Альп. Он производит орошение Курайской степи и выращивает новые культуры хлебов и трав в Чуйской пустыне.

На Кучияка, который совсем ещё недавно сам трелетал перед горным духом и грозной Катунью, всё это произвело сильное впечатление. И он по-иному увидел природу, по-иному почувствовал её. Новое отношение к природе стало основой его поэзии.

Грозная Катунь, перед неукротимой силой которой «веками в страхе дрожал народ», в восприятии Кучияка присмирела, «с большевиками дружбу ведёт».

Чемал стремительный, пенистый, тысячелетия летел по ущельям «ревя и ворочая камни». Но вот пришли на его берега советские люди и укротили его:

Рукou большевистской, могучей
Тебя обратили, Чемал!
Ты нашим работником лучшим,
Ты нашим помощником стал.

Сколько поэтов писало о природе! И сколько их воспевало природу, как воплощение абсолютной и вечной красоты в отличие от «временных» ценностей, создаваемых человеком.

Победы социализма развили у людей иное, новое ощущение природы. Для советского человека она не является каким-то грозным божеством и владыкой, а стала объектом для приложения труда, фантазии, творчества.

Находились, правда, ещё и в наше время такие поэты, которым жаль было нарушаемой человеком эстетики «нетронутого бытия», стихийной мощи девственной природы. Кучияк не принадлежал к их числу. У него было совсем иное ощущение природы. Наиболее ярко это, пожалуй, выражено в его стихотворении «На сенокосе»:

На тучных лугах палитые травы
Цветами пылают в июльскую синь.

Как много цветов в этих травах могучих
Кивают, смеются, горят, как огни!

Это же чувство прекрасно воплотил Кучияк в стихотворении «Камни». Горный Алтай — страна камней! Сколько их! ими усыпаны дорожные перевалы, русла рек, голцы гор, дороги и тропинки. Камни эти крошил ветер, размывала вода, засыпала земля... «О том, что станут полезны народу синые камни, тогда не гадали». Но вот:

В автомобиле ложатся камни
И едут к людям, покинув кручи.

Ороктойские мраморы-многоцветы
С песнями прямо в Москву приезжают:
— Лучший дворец Страны Советов
Украшим! — гордо они восклицают...

В стихах Кучияка есть немало недостатков. Иные критики могут указать на растянутость некоторых стихотворений, на не всегда удачные образительные средства. И они будут правы. Но одно несомненно для каждого, кто познакомился с его творчеством. — Кучияк имел свою тему, пел своим голосом. Он открыл первую страницу алтайской поэзии так же, как первую страницу алтайской драматургии и прозы.

8

В 1947 году алтайский народ праздновал 25-летие своей автономной области. Двадцать пять лет!.. До неузнаваемости изменились за эти годы люди и долины Алтая. Появилась алтайская письменность, алтайский театр, густой сетью школ, библиотек и клубов покрылась область Полу-патриархальный Алтай с помощью русского народа, под руководством коммунистической партии, строит коммунизм, минуя капиталистическую стадию развития.

Люди перешли на оседлость, создали колхозы, воздвигли новые сёла и города, через горные перевалы провели автомобильный тракт, через реки перебросили мосты, построили гидростанции, маслозаводы, автобазы.

Горно-Алтайская автономная область — это чудесное творение национальной политики Ленина—Сталина. Увидеть в художественной литературе результаты этой политики — естественное желание и потребность каждого советского человека.

В Горном Алтае побывало много «залётных» литераторов. На книжном рынке появился ряд книг об Алтае. Мы терпеливо перечитали их одну за другой и — увы! — во многих из них не нашли ответа на наш вопрос. Больше того, в некоторых из этих книг мы увидели тоску... по ушедшей жизни.

Да, оказывается, существовали такие литераторы, которым было жаль уходящие в прошлое дымный аил и таягу — ободранную конскую шкуру, повешенную на жерди после жертвоприношения, и глиняную посуду, и вшивую рубашку, и даже предрассудки и суеверия алтайцев.

Наиболее полно мы увидели Горный Алтай в произведениях Павла Васильевича Кучияка. В стихах и прозе его мы видим живую действительность, подлинный колорит той области, в которой он родился, жил и работал. В рассказах его мы слышим настоящую алтайскую речь, видим подлинный жесты алтайцев, чувствуем их темперамент. Почти на каждой странице мы узнаём ту или иную черту быта, обычая, навыков и национальных особенностей алтайцев.

Фигурально выражаясь, можно сказать, что Кучияк пишет об Алтае и алтайцах для алтайцев. Поэтому его произведения тем ценнее для чи-

тателей других национальностей своей подлинностью, тем ярче своим национальным колоритом, тем интересней познавательными сведениями, которые читатель получает не в порядке «приудительного ассортимента» к сюжету, а «совершенно незаметно», как неотъемлемую часть повествования.

Новосибирск выпустил на русском языке сборник произведений Павла Кучияка. В него вошли три рассказа, повесть, одна пьеса и главы незаконченного романа. Каждое из этих произведений совершенно самостоятельное и законченное. В каждом из них свои герои. Но в то же время по внутреннему содержанию своему они звучат как единый многоглавый роман, как единая художественная летопись Горного Алтая за последнюю примерно четверть века. Правда, летопись далеко ещё не полная, в ней недостаёт очень многих глав. И не все главы из написанных равноценны по своему качеству.

В поэмах «Арбачи», «Смерть Янар», в пьесе «Чейнеш» писатель показал досюветские времена Горного Алтая. И прошлое встаёт перед читателем не в лживом ореоле Ойрот-хана, не как мифическое родовое «единство» алтайского народа, каким его пытались изобразить буржуазные националисты, а как трагические дни порабощения трудового народа алтайскими баями, и зайсанами, и русскими кулаками, и царскими чиновниками.

В пьесе «Чейнеш» Кучияк «посветил в лицо» каракорумцам, в эту очень неприглядное лицо буржуазных националистов.

Жалкие остатки каракорумцев долго бродили по урочищам Алтая. Маскируясь, двурушничая, извиваясь, они пролазили в колхозы, в руководящие органы и пытались повсюду сеять яд отравы, совершать акты разоружения. Их подлую деятельность Кучияк показал в рассказе «Ямы». Рассказ срывал маски с проповедников мифического Ойрот-хана, с защитников старинных обычаев, то есть отсталости, темноты и грязи. Рассказ призывал к бдительности.

Лучшее, наиболее зрелое произведение Кучияка — «Яза-Ялан» Это — повесть о возникновении колхоза, о жестокой классовой борьбе, которая развернулась в долине Яза-Ялан, о возникновении и росте социалистических форм хозяйства в Горно-Алтайской области, о расцвете социалистической личности, о самоочищении человека в ходе социалистического строительства от всей скверны, которую он принёс, как наследие из старых времён.

Рост и формирование нового человека писатель показал и в своих рассказах «Тойчи» и «Железный конь».

Язык, которым написаны произведения Кучияка, прост и ярок. Слова, образы, сравнения он черпал из народной речи, из народного творчества, к которому он принимал всегда, как к материнской груди. Язык его персонажей изобилует фольклорными элементами и народными речениями, пословицами, поговорками:

«Лучше иметь маленькую кучу зерна, чем большой ворох соломы, — говорит герой повести «Яза-Ялан», — Из маленькой кучки целая гора вырастет, к восьми членам товарищества тысячи других присоединятся».

«Верно, — поддержал старик Челалап, — В связке дров тепла больше, у народа, собравшегося вместе, силы больше».

В другом месте эта же мысль выражена такой прекрасной поговоркой: «Сила — с силой, лыжа — с лыжей».

Алтайские пословицы и поговорки щедро рассыпаны на всех страницах рассказов Кучияка: «Сегодняшняя печёнка слаще завтрашнего сала».

Все эти народные речения органически входят в ткань повествования, делая его более образным, доходчивым. Ведь известно, что пословицы или поговорки являются выражением жизненных наблюдений широких народных масс. И они часто одной короткой образной фразой за-

меняют целые страницы изъяснений. Образная народная речь, переносимая в произведение, придаёт ему особую красочность, блеск, остроумие.

Народными речениями автор пользуется настолько свободно, часто и к месту, что можно со всей уверенностью сказать, что он заимствовал их не из записной книжки, а они свойственны его собственной речи.

Часто и так же умело Кучияк использовал в своих произведениях народные сказки.

Колхозный пастух Темир Амыров доведён врагами до отчаяния:

«Темир вдруг почувствовал, будто кто-то рукой крепко сжал его горло. Он готов был с разбегу удариться головой о скалу или броситься с утёса в реку...

Высоко над лесом купался в густом воздухе бекас — небесный барашек. Растолырив крылья, он стремительно падал вниз, и перо его долго звенело. Казалось, что где-то в лесу блеял заблудившийся козлёнок, Темиру вдруг припомнилась сказка про небесного барашка. Каждую весну эта птичка сносила по четыре яйца, из которых высиживала четырёх птенцов. Целые дни она хлопотала около них, без усталости носила им корм. Птенцы быстро росли, а потом, во время короткой отлучки матери, бесследно исчезли. Долго не знала птичка-мать, кто похищает её птенцов. Но однажды ей удалось заметить змею, которая ползла из тёплого птичьего гнезда.

— Опять я лишилась любимых деток... — Маленькое сердце не могло вместить безысходного горя. Несчастная мать взлетела высоко в небо, чтобы там выплакать свою горе. — У перепёлки птенцов — в пастушью шапку не сложить, у коростели — в мешок не собрать. А у меня, бедной, больше четырёх птенцов никогда не бывало, да и те — змею на обед. С горы на камень упаду — разобьюсь, о ледяную вершину ударюсь — умру. Кр-р-р-у-у!.. Кр-к-к-у!..

Маленькая птичка бросилась вниз, но над самыми скалами вдруг задержалась, расправила крылышки.

— Жить хочу! Жить хочу! — вскрикнула она и опять взлетела высоко в небо.

— Жить хочу! Жить хочу! — прошептали губы Темира. — Советская власть поможет мне найти правду...»

Сказка эта, припомнившаяся пастуху Темиру, прекрасно показывает душевное состояние Темира, когда он одинокий, затравленный, лежал на камне около горной реки под звёздным небом.

Приведённая к месту народная сказка заменяет иногда целые главы повествования.

Кучияк часто использует в своих рассказах старинные сказания, переосмысливая их и проецируя в действительность советского Алтая. Тот же Керен-Як, любясь с горы своим колхозом, рассказывает спутнику: «Родился у одного богатых сын. На второй день своей жизни он сказал «мама». Через шесть дней выговорил «отец», а через десять на ноги встал и пошёл сражаться с врагами. И победил. Так вот и мы».

Произведения Кучияка отличаются свежестью и своеобразием образов, сравнений, метафор. У него зоркий глаз художника, острый слух любознательного человека.

Об электрофонарях в горном посёлке, который увидел ночью путник с горы. Кучияк пишет: «Диргалу показалось, что темносинее небо с яркими звёздами спустилось к земле, а звёзды как будто събрались в кучу».

Корчага расхваливает председателя колхоза (замаскировавшегося врага) за доброту и мягкосердечие. «Погоди хвалить, — вдруг прикрикнул Темир, — когда волк хочет жеребёнка зарезать, он катается по земле, дурашливый, ласковый такой. Жеребёнок подойдёт посмотреть, а волк ему — зубы в горло».

Образы и сравнения Кучияк брал из повседневного быта народа, из

природы, которая его окружала, из производственных процессов алтайцев.

Примеров можно было бы привести в десятки раз больше, и мы не нашли бы в них ни одного образа, взятого из книги, ни одного стёртого штампованного сравнения. Все они взяты из жизни, из опыта народа, из живой речи. Если бы читатель не имел перед собой рассказов Кучияка, а прочёл бы только выписки из них народных речений, пословиц, сказок, сравнений, песен, он легко бы мог определить быт народа, которому посвящены рассказы, строй его речи, род занятий, природу, в окружении которой живут герои произведений.

9

В заключение нам хотелось бы сказать несколько слов о книге, которая осталась ненаписанной. Давней мечтой П. Кучияка было создать автобиографический роман. В начале 1941 года он стал над ним работать. В заголовке он поставил «Адыюк», что значит безотцовский — выросший без отца.

Он стал писать о себе от второго лица, намереваясь, очевидно, не придерживаться строго автобиографических фактов, чтобы иметь больше свободы в создании типического образа алтай-кижи, как называют себя алтайцы, в обрисовке его жизненного пути от «полудикости и самой настоящей дикости» к культурной социалистической жизни, от холодного и грязного берестяного аила, в котором рос алтайский мальчик, до светлых дворцов, где в зрелые годы он выступал, как поэт своего возрождённого народа.

«...Мать взяла сына на руки и уложила в яму. Сверху укрыла овчинным одеялом, согретым у костра. Но от одеяла не было тепла — от стенок и дна ямы шёл холод, как ото льда. Адыюк согнулся в кольцо, губами прижался к коленкам. Он весь дрожал и зубы его стучали, будто дробили конопляное зерно.

Морозная ночь завладела всем Алтаем. Много бедных юрт в горах. В каждой юрте дети от холода стучат зубами. Если бы все они ночевали в одном месте, то стук их зубов, сливаясь, цаломнил бы треск большого пожара в густом пихтовом лесу...

Мальчик растёт в аиле, дрожит зимой от морозов, кочует в летние месяцы вместе со своей семьёй по горным долинам, молится горным духам... Впереди у него большой путь».

Судя по первым двум главам, Кучияк мог бы очень ярко нарисовать этот путь — талант его окреп, накопился уже богатый литературный опыт. Но больше первых двух глав он не успел написать...

Началась Отечественная война советского народа с немецким фашизмом. Павел Васильевич проводил на фронт двух сыновей и дочь и подал заявление в военкомат: «Я не могу отстать от них... У меня сил много, глаза остры. Прошу послать меня на передовую линию».

Боясь, что ему могут отказать, он доказывал своё право: «Из малограмотного парня, — писал он, — я поднялся до почётного звания советского писателя. Мне доверили большевистское перо. Я мог бы в военное время активно участвовать в печати, не могу сидеть дома, сердце моё рвётся на фронт. Сегодня я считаю вполне правильным — перо сменить на штык».

Медицинская комиссия признала его непригодным по состоянию здоровья для службы в армии. В военкомате ему сказали:

— Помогайте своим оружием — пером.

Павел Васильевич отложил работу над романом о далёких временах и стал писать о том, чем жил тогда весь народ, вся страна. В стихотворе-

нии «Письма от сына» он ярко рассказал об этом. Сын писал с фронта отцу:

«Хоть далеки от нас Алтай горы, —
Но их вершин сверкают нам уборы
И хоть далёк Московский Кремль сейчас,
Но вождь всегда живёт в сердцах у нас,
И Сталину мы слово все дадим,
• Что с именем его врага мы победим».
Отец письмо горячим сердцем понял,
Сложил, погладил жёсткою ладонью,
И так подумал: «Если бы не старость —
Разить врага рука бы не устала!
Мой сын, за Родину иди смелее в бой —
Моя душа всегда в бою с тобой!..»

Он писал стихи, пьесы, работал в национальном театре. И только время от времени возвращался к «Адыюку». Но успел сделать ещё только несколько набросков. Весной 1943 года он заболел брюшным тифом, слабое сердце не выдержало — 2 июля Павел Васильевич Кучияк умер.

В 1947 году в журнале «Сибирские огни» были опубликованы посмертные стихи Кучияка. Одно стихотворение напечатано без заголовка. Но его можно было бы назвать «Памятник». Это стихотворение о песне, которую спел «старик глубокий» юноше статному, которого он встретил «меж обрывистых гор высоких». Другими словами — это стихотворение о песнях, которые спел сам Кучияк для нового Алтая, для новых людей—алтай-кижи:

И поднялся юноша с камня:
— Правда песни твоей близка мне.
Я родился в стране Советов,
Вечно вёсен её цветенье!..
Ты мне песню пропел об этом,
Так прими же мой восхищенье!..

В. ТРУШИН

О НОВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АЛТАЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Сила и жизнеспособность советской литературы прежде всего состоит в том, что она является сознательным проводником великих идей Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Советская литература представляет собою мощное средство коммунистического воспитания масс. Она организует ум, направляет волю советских людей и всего передового человечества на борьбу за мир, демократию, коммунизм. В этом её всемирно-историческое значение.

Ещё свыше 45 лет тому назад великий Ленин в своей исторической работе «Партийная организация и партийная литература» провозгласил принцип партийности литературы. Это указание Ленина определило место нашей литературы в идеологической работе партии, в её борьбе за построение коммунизма.

Партия постоянно заботится о высоком идейном и художественном уровне советской литературы.

В постановлениях «О журналах «Звезда» и «Ленинград» ЦК ВКП(б) поставил перед писателями, перед издательскими работниками, перед всем идеологическим фронтом задачу — повысить большевистскую идейность литературы,

во всей работе* руководствоваться политикой партии и Советского государства, составляющей жизненную основу советского строя.

ЦК ВКП(б) нацелил нашу литературу на борьбу с аполитичностью, буржуазным объективизмом, с любыми проявлениями низкопоклонства перед буржуазным Западом.

Два года спустя, в 1948 году, ЦК ВКП(б) в постановлении о журнале «Знамя» ещё раз подчеркнул, что принцип большевистской партийности является основой творческой мощи советской литературы.

Партия своевременно разоблачила группу критиков-антипатриотов, которые выступили против социалистического реализма, проповедовали «среднейшую «теорию» отрыва литературы и искусства от современности, превозносили упадническую растленную буржуазную культуру. Партия учит, что малейшее отклонение от принципов большевистской партийности неминуемо приводит писателя к серьёзным идейным и художественным ошибкам, к крупным политическим ошибкам.

В 1950 году были опубликованы классические труды товарища Сталина по вопросам языкознания.

представляющие собой новый выдающийся вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма. Труды товарища Сталина о языке приковали внимание советских литераторов к настойчивому изучению сокровищницы русского языка, вызвали новый интерес к овладению неисчерпаемыми богатствами словарного фонда, поставили, как одну из первоочередных задач, борьбу за чистоту и богатство языка художественных произведений.

Направляемая партией советская литература непрерывно развивается. Руководствуясь постановлениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, советские писатели создали ряд замечательных произведений, посвященных актуальным темам современности. Наша литература смело вторгается в жизнь, разоблачает и беспощадно бичует старое, отживающее, утверждает новое, нарождающееся, показывает, как будет расти это новое. Борьба между новым и старым, победа нового — таков главный конфликт произведений наших писателей.

Главный герой нашего времени — человек труда, смелый преобразователь природы, новатор производства, строитель коммунизма — занимает центральное место в произведениях современной литературы.

О достижениях советской литературы в послевоенный период убедительно свидетельствует ежегодное присуждение Сталинских премий нашим писателям. Сталинских премий удостоены многие мастера художественного слова, чьи произведения любимы народом, помогают народу успешно решать задачи коммунистического строительства, способствуют коммунистическому воспитанию трудящихся.

В советской стране постоянно растут ряды писателей, что является одним из признаков мощного развития культуры нашего общества. По всей стране: в республиках, краях, областях созданы десятки профессиональных писательских организаций.

Литераторы Алтая — один из

самых молодых отрядов великой советской литературы. У нас только начинается складываться творческое объединение писателей.

Алтайские писатели до 1950 года были творчески разобщены. Проведенные краевые совещания писателей в январе 1950 и ноябре 1951 годов, организация в ноябре 1951 года краевого отделения Союза советских писателей сыграли большую роль в творческом объединении литературных сил Алтая, оказали положительное влияние на рост их мастерства.

Последние два года ознаменовались первыми небольшими успехами в деле создания более или менее значительных художественных произведений.

В двух книгах альманаха «Алтай», в сборниках «Тебе Родина», «Мы мирные люди» опубликованы произведения 40 местных авторов. Вышли в свет книги стихов Ивана Фролова и Марка Юдалевича, повесть Николая Павлова. Ряд произведений наших авторов вышел за пределы края: повесть Николая Павлова «Горячее лето», поэма М. Юдалевича «Алтайский горный инженер», рассказ А. Демченко «Маринка» напечатаны в журнале «Сибирские огни», поэма Ивана Фролова «Комсомольский значок» напечатана в новосибирском сборнике «Первый рейс», стихи И. Фролова, К. Козлова и ряда других наших поэтов печатались в центральных журналах. Поэт Иван Фролов принят в члены Союза советских писателей, прозаик Николай Павлов — кандидат в члены ССП. Всё это является показателем известного творческого роста наших писателей.

Что же представляют собою произведения писателей, живущих в крае? Прежде чем ответить на этот вопрос, мы попытаемся коротко охарактеризовать творчество отдельных писателей.

В области прозы у нас работают Н. Павлов, П. Бутурлакин, К. Растегаев, А. Демченко, И. Шумилов, А. Тресков, Н. Чебаевский, Н. Дворцов и другие. Все они выступали в печати.

За последние два года были опубликованы повести Н. Павлова «Горячее лето» и П. Бутурлакина «Огни в степи», рассказы А. Демченко, И. Шумилова, К. Растегаева, А. Трескова и Н. Дворцова. Недавно краевое издательство выпустило интересный сборник произведений Н. Чебаевского «Полный вперед».

Следует отметить как положительное явление, что прозаики Алтая обращаются к важным вопросам современности. Их произведения посвящены магистральной теме сегодняшнего дня — теме труда, теме строительства коммунизма. Наши прозаики стремятся показать человека сталинской эпохи в борьбе за прорыве в жизнь генеральной линии партии, раскрыть богатство его духовного облика. Если ряд произведений, опубликованных два года тому назад, были подвергнуты резкой критике, как малоидейные, искажённо изображающие советских людей, то повести и рассказы, опубликованные за последние два года, в значительной степени лишены этих недостатков.

Наиболее значительным, и по объёму и по содержанию, прозаическим произведением из всех произведений, опубликованных за последние два года, является повесть Николая Павлова «Горячее лето».

Николай Павлов, инженер-конструктор Барнаульского котельного завода, впервые начал печататься в 1949 году. Три года — небольшой срок в творческой биографии писателя. Следует, однако, заметить, что Павлов за это время заметно вырос. Рост Николая Павлова объясняется прежде всего тем, что он работает в большом коллективе, повседневно общается с рабочими и инженерно-техническими работниками завода, занимается литературным творчеством постоянно, серьёзно и упорно работает над повышением своего идейно-политического уровня.

Николай Павлов единственный писатель в крае, поднимающий индустриальные темы, показывающий творческий труд рабочего класса. Конфликты его произведе-

ний — борьба новаторов производства с рутинёрами, консерваторами и перестраховщиками, с людьми, не понимающими, что в эпоху строительства коммунизма тот, кто топчется на месте, кто не заглядывает вперёд, не учится, наносит вред движению советского народа вперёд.

Этой теме посвящена повесть «Горячее лето». Коллектив строителей возводит жилые дома для рабочих трубопрокатного завода, строит Степной посёлок. Много хлопотков. В разгар строительной поры на работу приезжает молодой инженер Владимир Карпов, недавно окончивший строительный институт. С первых же дней работы между ним и начальником строительного участка Хазаровым возникает конфликт.

И Карпов, и Хазаров — люди советские. Оба они преданы делу партии, страстно влюблены в свою профессию, сознают ответственность за порученное им дело, не жалуют сил для того, чтобы успешно справиться с ним. Но между ними есть и существенная разница, которая и легла в основу конфликта повести. Владимир Карпов — представитель молодого поколения советских людей, закалившихся в горниле Великой Отечественной войны, не боящихся трудностей, для которых труд на благо общества составляет весь смысл их жизни. В школе, в Советской Армии, а затем в институте Карпов привык сознать себя частью коллектива, солдатом великой армии строителей коммунизма. У него нет «родимых пятен» капитализма, его сознанию чужды индивидуалистические черты — стремление к личной славе, боязнь за собственное благополучие, зависть, эгоизм.

Не таков Хазаров. Он любит своё дело, но в то же время боится нового, неизведанного, боится прокладывать новые пути, предпочитает идти по проторённой дорожке. У Хазарова — ограниченный кругозор, его интересы не простираются дальше его, «хазаровской», строительной площадки, он за мелочами, за деталями не видит це-

лого В то же время он тщеславен, он дорожит своей популярностью, гордится своим опытом и старается всячески демонстрировать его перед рабочими.

Удачей Николая Павлова следует считать то, что он сумел убедительно показать несходство этих двух советских людей, закономерно подвести их к конфликту.

Карпов и Хазаров живут и работают в большом коллективе строителей, который дорожит каждым человеком, борется за него. Партийная организация, строители сломали противодействие Хазарова, поддержали Карпова в его борьбе за внедрение передовых, прогрессивных методов строительства. Коллектив осудил линию Хазарова, но вместе с тем он не поставил Хазарова вне своих рядов, а помог ему понять свои ошибки и исправиться. Это и понятно, ибо преодоление пережитков в сознании отдельных людей у нас совершается в условиях морально-политического единства всего советского общества, и борьба за передовое, новое является делом всего коллектива, а не отдельных новаторов-одиночек.

Автор нашёл правильный ключ к решению конфликта, он не ушёл от жизненной правды, и в этом его заслуга.

Николаю Павлову в своей повести удалось раскрыть новое коммунистическое отношение людей к труду, показать роль коллектива в борьбе с косностью и рутинной.

Отдельные страницы повести нельзя читать без волнения. Вспомним хотя бы беседу секретаря парторганизации с дочерью Антипиной, встречу Владимира Карпова с бывшим солдатом — участником Великой Отечественной войны, а теперь каменщиком, Иваном Рогатиным и др.

Вместе с тем повесть «Горячее лето» не свободна от недостатков. Павлов всё ещё в какой-то мере повторяет сам себя, разрабатывает сюжет своих первых рассказов. У Карпова и Хазарова есть прототипы. Это — инженер Никулин и диспетчер Дрозд из рассказа «Творчество», инженеры Проко-

пов и Марионов из рассказа «Котельщики». В какой-то мере развитие сюжета повести идёт так же, как и в этих рассказах.

В повести «Горячее лето» недостаточно раскрыт образ главного героя — Владимира Карпова. Это автор понял и решил, видимо, исправить положение во второй половине повести. Не совсем кстати автор вдруг открывает читателям на целых трёх страницах, что Карпов любит музыку, цитирует Гёте и разбирается в причинах упадка и загнивания буржуазной культуры. Естественно, что духовный мир советского человека, тем более интеллигента, очень широк, но это надо показать убедительнее.

Настоящий духовный мир, уровень культуры Владимира Карпова ярче проявился не в его разговоре с Костюком по поводу музыки, а в его отношении к труду, к людям, в его стойчивой борьбе за внедрение передовых методов строительства. Именно эти стороны и следовало бы развить сильнее. И уж если автор хотел показать, что мир для Карпова — это не только его производственный участок, что он любит и музыку, и литературу, то нужно было найти для этого другие средства и другие краски.

Не оправдан в повести временный разрыв Карпова с Тоней, которую он любит. Читатель никак не может поверить тому, что Карпов порывает с любимой девушкой потому, что она в силу загруженности цеха другой работой не могла выполнить своевременно внеплановый заказ для строительного участка, которым руководит молодой инженер Карпов. Получилось надуманно. Во всей этой истории показано естественно только переживание Тони. Она не могла выполнить заказ и тем самым невольно помешала внедрению поточного метода на строительном участке Карпова — это волнует её до глубины души, она усиленно ищет возможности, чтобы заказ выполнить и таким образом помочь строителям применить поток.

Слабо раскрыт образ Хазарова. Это старый строитель, коммунист,

преданный партии, но человек честолюбивый, не желающий учиться, не сумевший осмыслить окружающие явления. В наше время такой руководитель или должен перестроиться или он окажется совершенно непригодным для руководящей работы. Автор заставил его перестроиться, что, по моему мнению, сделал правильно, но процесса перестройки, то есть самого интересного, самого главного в этом образе, не показал. Читатель понимает, что психологический момент перестройки очень трудно показать, но тот, кто заманивается, не имеет права отступать. Автор слабо показал роль партийной организации, коллектива строителей в воспитательной работе, в том числе и в воспитании начальника строительства. Поэтому и освобождение Хазарова от ошибочных взглядов получилось не раскрытым, малоубедительным.

Павлов — инженер, любящий и знающий технику. Знание техники, безусловно, полезно для писателя. Но товарищ Павлов в своём литературном творчестве чрезмерно увлекается показом процессов производства. И рассказы, и повесть «Горячее лето» изобилуют пространными описаниями технологических процессов, перегружены техническими деталями, не совсем понятными для многих читателей. Зачастую техника в произведениях Павлова заслоняет человека.

Следует признать, что, подобно Павлову, и другие наши писатели, стремясь показать человека в труде, прибегают к чересчур детальному описанию самого процесса труда. Конечно, такой показ в какой-то мере необходим. Но, вместе с тем, писатель не имеет права забывать, что содержанием искусства, в том числе и литературы, является общественная жизнь. Именно поэтому первым и главным предметом литературы является общественный человек, «человек, как совокупность общественных отношений», по выражению Маркса. Не случайно Алексей Максимович Горький предлагал назвать художественную литературу «человковедением».

Производственные, технические, естественно-научные проблемы в художественной литературе не являются самоцелью.

Серьёзные требования нужно предъявить Павлову в его работе над языком произведений. А. М. Горький учил, что язык литературного произведения является главным оружием художника, первоэлементом произведения и что ошибки языка являются и ошибками мысли художника.

Товарищ Жданов на I-м Всесоюзном съезде писателей указывал, что «быть инженером человеческих душ, это значит активно бороться за культуру языка, за качество произведения».

Язык героев повести Павлова индивидуализирован, не насыщён живой народной речью. Автор ещё не научился отбирать из неисчерпаемой сокровищницы словарного фонда те слова, которые ярко и, вместе с тем, наиболее точно выражали бы мысли и чувства его героев. В ряде случаев он сбивается на язык газетной информации: «большой объём работы сделан», «хочется работать активнее» и т. д.

Не умея ещё в ряде случаев ясно и точно выразить свою мысль в живой, образной форме, Павлов прибегает к пространным объяснениям действий, чувств, переживаний героев. Он комментирует их слова, их поступки, как бы не веря, что читатель без таких авторских объяснений сможет правильно понять то, что хотел сказать писатель. Такой приём замедляет развёртывание сюжета, обедняет образы героев.

Таким образом, несомненно удачная повесть «Горячее лето» страдает крупными недостатками, которые снижают художественное достоинство произведения.

Молодой прозаик П. Бугурлакин начал печататься в 1950 году. Участник Великой Отечественной войны, ныне газетный работник, Бугурлакин умеет видеть жизнь, обладает известным житейским опытом, запасом впечатлений и наблюдений. Он выступал в печати с циклом рассказов на военные те-

мы — «Рассказы сержанта Смирнова». Затем напечатал рассказ «Соседи» и в пятом номере альманаха «Алтай» — повесть «Огни в степи».

Первое крупное произведение Бутурлакина посвящено теме послевоенной деревни. Повесть «Огни в степи» построена на жизненном материале, и в этом её несомненное достоинство.

Агроном Андрей Говорков, раненный на фронте, после длительного лечения в госпитале возвращается в колхоз «Верёзовая роща», где председателем работает его товарищ Лука Карих. Вскоре Говорков избирается секретарём колхозной парторганизации.

Столкновение между парторгом, ставящим интересы колхоза и государства выше частных интересов, и председателем колхоза, не отрешившимся от мелкобуржуазных пережитков, — правдивый, невыдуманный конфликт.

Автор нашёл убедительные штрихи для того, чтобы проиллюстрировать неодолимый закон современности: руководитель, отстающий от жизни, не понимающий её революционного развития, не встретит поддержки у народа. Председатель колхоза Лука Карих принадлежит именно к такому типу руководителей. Столкновение Карих с коллективом помогает ему быстрее осознать ошибочность своей линии, освободиться от пережитков мелкобуржуазной идеологии.

Повесть «Огни в степи» посвящена росту людей, колхозной деревни и их делам. В труде ломаются отжившие, отсталые взгляды Луки Карих. Развивается артельное хозяйство, оказывается помощь соседнему колхозу, строится колхозная электростанция, намечается переход к объединению колхозов. Впереди — ясные и величественные перспективы. Пронофию Бутурлакину удалось показать новое в жизни колхозов, нарисовать выразительные картины коллективного труда, здоровую атмосферу дружного коллектива колхоза. Но повесть страдает серьёзными недоработками, говорящими о спешке и

нетребовательности автора к своему произведению.

Центральный герой повести — парторг колхоза Андрей Говорков. По замыслу автора, это — искренний человек, настойчивый в достижении поставленной цели, требовательный к себе и к людям. Однако он показан схематично. Его внутренний мир, чувства и переживания не раскрыты с такой полнотой, чтобы они волновали читателя.

Искусство воспитания людей, переломка их сознания, иными словами то, что составляет существо партийного руководства, — большое и трудное дело. Оно требует исканий, творчества, инициативы. А Говоркову всё ясно, у него на все случаи жизни есть готовые ответы. Трудностей для него не существует. В столкновениях с Лукой он выступает как умудрённый опытный педагог в разговорах с учеником младшего класса:

«Надо уметь руководить людьми, воспитывать их, — наставительно сказал Андрей».

«Отстал ты, видимо, Лука, — укоризненно покачал головой Андрей, — очень отстал».

«Избалован ты» и т. д.

И откуда такой менторский тон у Говоркова? Уже сами эти сентенции, изрекаемые Андреем, несвойственны партийному руководителю, человеку действия, неутомимому искателю путей к сердцу человека.

Неправдоподобным кажется Андрей ещё и потому, что при небольшом опыте в сельском хозяйстве, после семилетнего пребывания в армии и госпитале, он явился в колхоз чересчур знающим, с первого взгляда разбирающимся в процессах, происходящих в колхозном строительстве.

Не раскрыл автор в полной мере и внутреннего мира самого Андрея. Читатель мало знает о его характере, привычках, привязанностях, о службе в Советской Армии, и это — пробел повести.

Хочется пожелать автору при дальнейшей работе над повестью углубить характер Говоркова, снять надёт наставничества и начётниче-

ства. Это тем более необходимо, что в общем-то Говорков — интересный образ, есть места (и их немало), где автор добивается несомненного успеха.

Прокофий Бутурлакин сумел тепло, ярко показать таких персонажей, как Феия Башдыкова, Лукаш, комсорг Захаров. Их читатель принимает с большой симпатией, ибо они — живые люди, они действуют на всём протяжении повести.

Бутурлакин знает и ценит силу слова, просто и вместе с тем образно рисует природу Алтая, хорошо передаёт неповторимую прелесть его пейзажа. Удачно показал он картины коллективного труда. Однако, наряду с такими страницами попадают сухие, невыразительные куски, написанные протокольным языком: «Он отстал, остановился на одном месте. У коммунистов, у лучшей части колхозников постепенно росла неудовлетворённость своим председателем»... «И вот к Фее неожиданно пришла большая любовь. Фея мало знала Андрея, боялась сделать ошибку, но любовь требовала своего» и т. д. В повести встречаются штампы вроде «подмигивающих звёзд», «недоброе или лукавое огонька в глазах», допускаются неправильные или неточные сочетания слов: «широкая полоска», «большая библиотечка», «пара домов», «пара тысяч», «был сильно вылившись». При большой требовательности автора к языку произведения эти словесные сорняки могли бы быть легко удалены.

Уместно будет указать П. Бутурлакину на излишнюю перегрузку повести действующими лицами. Два с половиной десятка человек действуют в повести, кроме того, более десятка названы по именам, без всяких индивидуализированных характеристик. Перегрузка повести действующими лицами привела к беглости их обрисовки. Многие действующие лица не запоминаются. Недорисовка характеров лишает повесть яркости и своеобразия.

Не разделяя мнение критика В. Рясенцева («Сибирские огни» № 3, 1952 г.) о том, что автор

находится в плену у фактов, блуждает в их нагромождении, зачастую переписывает из блокнота в повесть очередную записку только потому, что она составляет какой-то намёк на что-то, мы тем не менее должны признать, что повесть «Огни в степи» недоработанное, слабое в художественном отношении произведение.

Александр Демченко представлен в нашей печати произведениями «Элита», «Шаргайта» и «Маринка». Все они посвящены теме труда, показу трудового героизма простых людей.

Рассказ «Шаргайта» подкупает искренностью, правдивостью. Александр Демченко показал живых людей — алтайцев, как они во имя интересов колхоза, отменяя в сторону личное самолюбие и мелкие обиды, ведут борьбу за выведение новой породы овец. Автор просто, без кудреватости и умиления экзотикой рассказывает о героическом труде старых колхозных чабанов Санаша Ялатова и Барлая Ачубаева и их детей Майи и Мурата.

Сцена борьбы чабанов с волчьей стаей написана с подлинным драматизмом. В минуту опасности люди отмечают в сторону мелкие обиды и проявляют лучшие черты своего характера. Нельзя без волнения читать страницы, когда во имя спасения колхозного богатства, предотвращения гибели овец Барлай жертвует своим любимым козлом. В немногословных выражениях автор показал глубокую дружбу двух чабанов Санаша и Барлая, которая выросла и окрепла в тяжелых, колхозных условиях и имеет поэтому прочную основу. С большой теплотой и правдивостью показаны в рассказе взаимоотношения любящих друг друга Майи и Мурата.

Рассказ «Шаргайта» — свидетельство зрелости автора, знания им жизни, умения показывать мысли и поступки своих героев.

В рассказе есть недостатки. Главный из них состоит в том, что автор не сумел дать внешней характеристики действующих лиц. Явно неудачно изображён предсе-

датель колхоза Ешев. Черты, которыми Демченко наделил Ешева, не типичны для современного колхозного вожака, он выглядит карикатурно.

В журнале «Сибирские огни» № 2 за 1952 год опубликован рассказ А. Демченко «Маринка». Тема рассказа — труд простых, рядовых колхозников.

Многогранна жизнь колхоза. Заканчивается весенний сев, идёт подготовка к сенокосу. У работников животноводства нет сезонности, у них всегда много дела. Девушкителятницы ждут прихода колхозной комиссии, которая даст оценку их работе и подведёт итоги социалистического соревнования. Они влюблены в свою работу, профессию, применяют научные знания и новые методы выращивания телят. Комиссия установила, что лучших результатов добилась комсомолка Марина Озернова. Ей поручается подготовить лекцию, в которой она должна рассказать колхозникам об опыте своей работы. Маринка в затруднении. Что же ей рассказать? Какой же у неё опыт, ведь она работала как и все девчата, никаких секретов у неё нет. С помощью секретаря комсомольской организации Стешы Рябцевой и ветфельдшера Сартакова опыт обобщили, и лекция подготовлена. Колхозники выслушали Маринку с большим вниманием и дали ряд советов.

Растёт колхоз. Появляются новые машины. Растут люди. Костя — кузнец, окончив курсы водителей, пригнал в колхоз новую самоходную сенокосилку. Костя и Маринка любят друг друга, и поэтому работа делается ещё радостней, интересней. Таково коротко содержание рассказа.

И в этом простом, жизненном содержании автору удалось показать вдохновенный труд простых людей, их духовный рост, тягу к знаниям.

Рассказ «Маринка» правдиво изображает жизнь алтайской деревни. Автору удалось нарисовать ряд запоминающихся персонажей. Это, прежде всего, кузнец Васеня,

Марина Озернова, Стеша Рябцева и Корней Перемычка. Сумел А. Демченко найти верные краски и при описании природы.

Недостатком рассказа, на наш взгляд, следует считать большое количество персонажей. Для обрисовки таких действующих лиц, как Сартаков, Дубровин, Петров и другие, у автора не нашлось индивидуализированных красок, они безлики, не запоминаются.

Краевое отделение Союза советских писателей и редколлегия журнала «Сибирские огни» оказали значительную помощь автору в работе над рассказом. Рассказ «Маринка» в художественном отношении стоит выше предыдущих и является собой определённый творческий рост автора.

Серьёзный недостаток А. Демченко состоит в том, что он в поисках острого, занимательного сюжета иногда уходит от жизни, берёт не то, что является типичным, что определяет собой норму поведения советских людей, а обращается к случайному, единичному, исключительному. Так, например, рассказ «Элита» построен на том, что уполномоченный райисполкома приказывает сдать в счёт хлебосдачи элитные семена. Старик-колхозник и девушка решают спасти часть семян, крадут их, старик с риском для жизни переплывает реку и докладывает о действиях уполномоченного секретарю райкома партии. Уполномоченный был отозван и получил взыскание, семена спасены.

Возможно, такие головотяпы уполномоченные где-нибудь и встречались. Но они ни в какой мере не типичны для нашей действительности. Погоня за внешней значительностью увела в данном случае автора от показа жизненной правды.

В пятом номере альманаха «Алтай» выступил со своими рассказами Александр Тресков. Они подкупают своей теплотой, искренностью, по-настоящему лиричны. Автор в рассказе «На озере Ивняковом» хорошо показал внутренний мир советского школьника, его тя-

гу к героине, его любознательность и жажду познания природы. Тресков обнаружил умение глубоко проникнуть в психологию советского школьника и построил простой, но увлекательный сюжет. Значительно слабее написан рассказ «Яблоневая ветка». Рассказ получился надуманным, автор пошёл не от жизни, а от схемы.

Следует заметить, что А. Тресков принимал участие в создании автобиографической повести Ефремова «Моя жизнь», вышедшей в 1950 году. Ему принадлежит запись этого произведения. Тресков справился со своей задачей — он передал во всём своеобразии стиль Ефремова, не ударился в литературщину, отобрал из огромного материала наиболее важное, рисующее облик прославленного на всю страну мастера высоких урожаев.

Как мы уже указывали, недавно краевое издательство выпустило в свет сборник произведений Николая Чебаевского «Полный вперёд!». В сборник вошли повесть для детей «Юные хозяева», рассказы «Полный вперёд!», «Сидоводы», «Очки», «Дочери паромщика» и «Мальчижи».

Красной нитью через всю книгу проходит тема труда и учёбы детей. Николай Чебаевский хорошо знает детей, их психологию, силу и слабость. Читая его бесхитростные рассказы, чувствуешь, что повествует не сторонний наблюдатель, а опытный, взвешивающий педагог, по-настоящему любящий детей, видящий новое в воспитании школьников, умеющий формировать их мировоззрение.

Повесть «Юные хозяева» рассказывает о жизни пионерского отряда сельской школы. Май. В классе душно. Идёт последний урок. Ребята устали. Звонок. Гоша Горшков, ученик четвёртого класса, поприслал слова. Он в «Пионерской правде» прочитал, что ребята пишут историю своего города. И вот он предлагает написать историю родного села. Предложение ребят поправилось, оно было поддержано молодой учительницей-пионервожатой. Кончились экзамены

Ребята под руководством учительницы Галины Семёновны занялись сбором материала. Воспоминания стариков, их рассказы о прошлом и особенно легенда о происхождении и названии деревни «Дарьяна роща» заинтересовали ребят. Оказалось, что много лет тому назад у деревни протекала речка, на её берегу зеленела роща. А теперь деревня без речки, да и рощи нет, кругом безводная и безлесная степь. Рощу могли вырубить, а куда же девалась вода?

Встреча с колхозным чабаном Романом Макаровичем вдохновляет ребят на поиски старых родников. Попытка пионеров самостоятельно произвести поиски кончилась неудачей.

С помощью пионервожатой и секретаря колхозной парторганизации в раскопки включаются взрослые. Поиски увенчались успехом. Растут мечты. Секретарь райкома партии Фёдор Павлович Куприянов поддерживает предложения пионеров. Принято решение о строительстве плотины, мельницы и насосной станции, будет создано мощное водохранилище. На берегу образованного озера пионеры приступили к посадке рощи. Построена новая семилетняя школа. Всё ярче вырисовывается картина будущего родного села. Кончилось лето. Начинается новый учебный год.

Н Чебаевскому удалось показать не только переделку жизни села, участие в ней пионеров, но и рост пионерской организации, перелопатывание отдельных её членов. Автор создал живые образы пионеров Гоши Горшкова, Нюры Столбниковой, своеобразного и самолюбивого Тольки Щеглова.

Удачно, на наш взгляд, показано, как под влиянием пионерского коллектива, учительницы Галины Семёновны перевоспитывается Толька и делается дисциплинированным учеником. Маловыразительны образы пионеров Тони и Бори. Неудачно дан образ председателя колхоза «Заря» Еядокии Михайловны. Не верится, что умудрённая жизненным опытом, хорошо знаю-

щая хозяйство, она так сухо, чёрство отнеслась к инициативе ребят, не поняла, не поддержала ценные предложения пионеров, не разглядела, что их мечты благородны и направлены на благо колхоза, нашей Родины. Повесть «Юные хозяева» будет прочитана с интересом не только школьниками, но и взрослыми.

В сборник включено 5 рассказов. Лучшим из них в художественном и идейном отношении является «Полный вперёд!», название которого и явилось заглавием книги Н. Чебаевского. Слабее, схематично написаны рассказы «Очки» и «Мальчики». Редакция нетребовательно подошла при составлении сборника, без этих двух рассказов книга была бы значительно лучше.

Выпуск книги в свет надо рассматривать как положительное явление. Николай Чебаевский обладает незаурядными способностями, и это его обязывает ко многому. Автору необходимо ещё больше работать, совершенствовать мастерство, находить типичные положительные черты характера советских детей, создавать более яркие образы, достойные быть примером и предметом подражания. Выходом в свет первой книги положено начало. Хочется пожелать автору смелее вторгаться в жизнь — полный вперёд!

В одном сборе не представляется возможным хотя бы коротко остановиться на всех произведениях, созданных за последние годы местными авторами. Но из рассмотренных произведений можно сделать выводы, говорящие о серьёзных недостатках в творческой работе наших писателей.

Главный недостаток многих произведений, созданных на Алтае, состоит в том, что наши писатели слабо выявляют и раскрывают высокие душевные качества рядовых работников сельского хозяйства и промышленности, не умеют создавать яркие художественные образы. Происходит это потому, что писатели ещё плохо изучают многогранную жизнь советского общества

слабо проникают во внутренний мир человека, не предъявляют к своему творчеству высоких требований.

Тематика прозы ещё узка. В крае бурно развивается промышленность. Выросли замечательные коллективы рабочих, инженерно-технических работников, новаторы технической мысли, имена которых получили известность в стране. Это ли не богатейший материал для литературного творчества! Однако создано у нас крайне мало произведений о промышленности, о советском рабочем. Даже Н. Павлов, больше других обращающийся к производственной теме, не показал ни одного сколько-нибудь запоминающегося образа рабочего. Это — серьёзный пробел в нашей литературе. Наши прозаики и поэты должны обратить пристальное внимание на показ рабочего класса.

О колхозной деревне у нас написан ряд произведений. Мы разобрали здесь повесть Вутурлакина, рассказы Демченко и Чебаевского, Иван Шумилов, Константин Растегаев, Николай Дворцов также пишут на колхозные темы. Но почти все наши прозаики, изображая колхозную деревню сегодняшнего дня, упускают из виду чрезвычайно существенное обстоятельство: нельзя представить себе сегодняшней колхоз без механизации, без машинно-тракторной станции. Нельзя говорить о колхозе, не показывая влияния на него МТС. Ведь в наше время, особенно на Алтае, где все основные виды полевых работ полностью механизированы, МТС играют решающую роль в деле дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления колхозов и роста их общественного богатства. Следовательно, показывать сейчас колхозную деревню в отрыве от МТС — значит исказить реальную действительность, не показать правды.

На Алтае выросла замечательная плеяда мастеров высоких урожаев, многие из которых известны далеко за пределами края. Автобиографическая повесть зачинателя стахановского движения в сель-

ском хозяйстве Михаила Ерофеевича Ефремова тем и нашла доступ к сердцу читателей, что она представляет собою волнующий человеческий документ. А разве меньший интерес представляют собою биографии Героев Социалистического Труда Ф. Гринько, Н. Серенко, Ф. Чабанова, С. Пятницы, выросших до уровня крупных организаторов, овладевших передовой наукой и сельскохозяйственной техникой, смелых новаторов колхозного производства? Писатели должны познакомить читателей с жизнью наших знатных земляков.

Успехи социалистического строительства являются прямым результатом руководства партии. Однако наши писатели редко обращаются к этой теме и пока что несмело разрабатывают её. Секретарь парткома Мироненко в повести Павлова «Горячее лето», парторг колхоза Андрей Говорков в повести Бутурлакина «Огни в степи» — первые попытки показать партийного руководителя наших дней. Но и эти образы поданы бледно, схематично, без достаточного проникновения в существо партийного руководства.

Наши писатели стремятся выбрать актуальную, животрепещущую тему современности. Это хорошо. Однако удачный выбор темы далеко не решает успеха произведения, для этого тема должна воплотиться в образы, правда жизни должна стать правдой искусства.

Слабость многих повестей и рассказов и заключается главным образом в том, что авторы слабо проникают в психологию своих героев, не умеют мотивировать их поступки законами внутреннего развития, не показывают движущих сил этих поступков.

У нас в крае имеется сравнительно большая группа поэтов, регулярно печатающихся в альманахе «Алтай» и в местной периодической печати. Иван Фролов, Марк Юдаевич, Василий Овчинников, Евгений Каширский, Константин Козлов, Александр Махов, Дмитрий Русанов, Борис Орлов и другие различны по своей творческой биографии, по жанрам, по степени

одарённости и мастерству, но всех их объединяет горячая любовь к Родине, потребность выразить в стихах эту любовь.

Тема любви к Родине, к родному краю, определяет творчество Ивана Фролова. У него есть одно из ранних стихотворений «Кулунда», которое отражает поэтическое лицо И. Фролова.

С неподдельной теплотой и искренностью передаёт поэт чувства человека, после длительной отлучки вернувшегося в родную Кулунду, где простые люди преисполнены радостью колхозного труда.

Я дома...

Хлопочет с закусками мама
И книжку торжественно мне
 подаёт:

— У нас трудоднице-то в
 семь килограммов,
А в книжке моей, погляди-ка,
 пятьсот!..

Поэт гордится тем, что его Кулунда является «закромом Алтая». Закономерно звучит концовка стихотворения:

Цвети ж, золотая степная
 равнина,
Цвети сплошняком от Оби к
 Иртышу,

Я сын твой.

Я ездил и видел немало.
Но в самых прекрасных
 больших городах
Тебя мне всегда и везде
 нехватало,

Мечта моя,

Песня моя, Кулунда!

Для И. Фролова Кулунда — это неотъемлемая часть великой советской страны. Это чувство Родины он хорошо показал в небольшом по размеру, но наполненном глубоким содержанием стихотворении «Хлеб-соль».

Вдоль степного
Равнинного диска —
Поезда — к колесу колесо.
В грузных «пультманах» —
Хлеб кулундинский,
На платформах —
Бурлинская соль.

А с токов люди машут и
 машут,

себя. В «Телефонистке» поэт вывел образ старой матери, радующейся счастью дочери. Это — находка поэта, его творческая удача. Но когда эта «старенькая мама» начинает кочевать из стихотворения в стихотворение, то образ теряет свою свежесть, вызывает у читателя досаду.

Поэма «Именины» после критических замечаний автором переделана. Сюжет поэмы состоит в том, что председатель колхоза, Герой Социалистического Труда Степан Кузьмич отмечает день своего рождения, дата которого совпадает с великим праздником — 7 ноября. Много гостей. Степан Кузьмич произносит речь, рассказывает о беспроблемном прошлом и своём беспроблемном детстве. Октябрьская революция вывела всех угнетённых к свободной и светлой жизни:

...Грянул день рождения
Для быших батраков и бедняков.

Началась большая жизнь. Бывший батрак стал знатным человеком, руководителем крупного колхоза. Степан Кузьмич предлагает тост:

За наше счастье,
гордость и опору,
За Сталина и праведную власть,
За светлый день рождения,
В который
Законно наша правда родилась!

По сюжету поэма не вызывает возражений, написана с большой теплотой и искренностью, но имеет крупные недостатки по содержанию. Поэма написана в недопустимо фамильярном тоне. Ошибка редактора в том, что отдельные строки, особенно в конце первой части остались не исправленными, не вычеркнутыми.

Автор неправильно трактует значение праздника седьмого ноября, когда говорит:

И все —
Кубанцы, шорцы, камчадалы,
Читинец, барнаулец и москвич —
Они сегодня подняли бокалы
В честь твоего рождения.

Кузьмич.

Такая аллегория несостоятельна, ошибочна. Октябрь принёс не только узаконение в рождении простых людей, он явил собою новую эпоху, эпоху строительства коммунизма. Много надуманного, нарочитого и в создании ситуации. Так, утром 8 ноября, начав бриться, Степан Кузьмич услышал голос почтальонши Нины, которая сообщила, что ему есть телеграмма. Нет ничего удивительного, что в этот день многие получают поздравительные телеграммы и тем более нечему удивляться, если её получает знатный председатель колхоза. Ещё неизвестно от кого телеграмма, но автор уже создаёт искусственно волнение.

Всегда такой спокойный и
степенный,

А тут — бегом...
Воды горячей — в таз:
— Присядь,
С лица вот только смюю пену
И — распишусь...
Я, Ниночка, сейчас.

Зачем понадобилась такая надуманность?

Иван Фролов был в творческой командировке на строительстве Волго-Донского канала. Сколько сильных впечатлений! Читатели, естественно, ожидали появления новых стихов, раскрывающих величие нашей эпохи. К сожалению, возлагаемые надежды пока не оправдались. Иван Фролов опубликовал несколько стихотворений, из них только «Море идёт в колхоз» и «Великие стройки коммунизма» можно считать более или менее удачными. А стихотворения «Гора с горюю сходится», «Волга Дону руку подаёт», «Рябина» бедны по мысли, слабы в художественном отношении. Досадно, что поэт не понял величественности и народнохозяйственного значения Волго-Донского канала в жизни страны. Читая стихотворения этого цикла, невольно спрашиваешь, неужели самым существенным так и осталось для поэта то, что рябину к дубу перевезли и гора с горюю сошлась? Неужели он не увидел, как переделывается природа и какие корен-

Поэма «Ползунов» — свидетельство творческого роста автора. Герой поэмы Ползунов показан как патриот России/ для которого стремление «облегчить труд по нас грядущим» было смыслом всей его жизни.

Появившиеся рецензии на поэму в «Литературной газете» от 31 июля 1952 года А. Туркова «Поэма о Ползунове» и в «Комсомольской правде» от 30 сентября 1952 года Конст. Мурзиди «Недоработанное произведение» столь разноречивы, что вызывают недоумение.

На наш взгляд М. Юдаевич написал значительное произведение. Поэма «Ползунов» — исторически правдивое повествование, для создания которой автор добросовестно использовал архивный материал краевого музея и специальные труды, посвящённые гениальному русскому механику.

Автор с первых же строк поэмы создаёт напряжение, передаёт тревогу народа, который от приезда царского курьера не ждал ничего хорошего. Курьер привёз Указ царицы Екатерины. Генерал Порошин «заводов главный командир»

Велел свечечиков созвать.

И приказал, чтоб с ними вместе

Явился Ползунов —

шихтмейстер.

Генерал Порошин объявляет Указ: за проект паровой машины Ползунов повышен в чине и ему обещана денежная награда. Приложенный к Указу отзыв профессора Шлаттера вызывает у изобретателя недоумение и обиду. Профессор-немец хвалит Ползунова за русскую смекалку, но в то же время гнусно намекает, не присвоил ли он открытие англичанина Северия? Немцы, присутствовавшие при чтении отзыва, посмеялись над Ползуновым.

Но Порошин приказал строить машину. Это придаёт новые силы Ползунову, он погружается весь в работу.

Критик Мурзиди обвиняет автора поэмы в том, что Ползунов показан робким, обижённым и безвольным. С таким мнением критика

согласиться нельзя. Он, хотя и претендует на знание эпохи, истории жизни и деятельности Ползунова, но, видимо, не совсем полно рисует себе историческую картину того времени. Занявшие прочные позиции при дворе иностранцы тормозили развитие русской творческой мысли. Самодержавие не верило в силы русского народа, с раболопием преклонялось перед иностранщиной. Ещё одно обстоятельство нужно иметь в виду: в изобретении Ползунова не всё было готово, нужно было решить проблему регулирования подачи и уровня воды в котле. Неясно ли, что при таких обстоятельствах Ползунов в ответ на гнусный отзыв и насмешки немцев мог ответить не гневной речью, а делом, постройкой машины. И он стал самоотверженно работать. Управляющий рудником саксонец Христиани, «ботаник коллекционер, профессор» Брук разрабатывают тайный заговор против Ползунова: рабочих не давать, припасы не подвозить, подорвать его здоровье.

И когда изобретатель будет в отчаянии, — вырвать у него любыми путями чудесный проект. Нет, это не спокойное повествование! Каждая строчка дышит, наполнена волнением, борьбой. Ползунов понимает, что и отзыв Шлаттера написан неспроста, а с целью залутовать дело, помешать ему. Изобретатель переживает трудный период. Автор удачно показывает, что память о дружеской моральной поддержке, которую оказал Ползунову титан русской мысли Ломоносов, открыла изобретателя на всю жизнь, научила упорству в овладении знаниями и достижениями намеченной цели.

Глава, посвящённая воспоминаниям Ползунова о Ломоносове, одна из лучших в поэме. Ученик оказался достойным своего учителя. Он не сломен, полон силы для борьбы. Вторым источником сил является народ. Ползунов делится своими планами постройки машины с работными людьми завода и рудника, они знают его затруднения, думают над решением проблемы.

помогают ему. И в сценах встреч с рабочими образ Ползунова раскрывается как образ подлинного патриота Родины, всеми силами стремящегося облегчить труд простых людей. Ползунов занемог, он в бреду. Перед ним встают картины торжественного труда.

Всё человечье здесь забыто,
В глазах давно погас огонь.
Потрогай — это не ладонь,
Ведь это выросло копыто!

Глава о положении рабочих людей написана сильно.

Воля к победе и помощь народа в лечении помогли Ползунову вернуться к работе.

Мистер Брук предлагает Ползунову продать открытие и перейти на службу английской короне. Ползунов с негодованием отвечает:

— Может, так и положено
За морем синим,
По-иному у нас поступают,
В России.
Мы живём небогато,
Одеты неважно,
Но отечество, сударь, у нас
Не продажно.

Вопреки козням чиновников, интригам иностранцев, с помощью народа машина построена. За грани столетий устремив взгляд, Ползунов видит различное применение машин, которыми управляет свободный русский человек. Поэма заканчивается страстным публицистическим эпилогом. Бесспорно, хорошая поэма «Ползунов» не лишена и недостатков. Образ И. И. Ползунова ещё требует доработки, особенно в той части, где говорится о связи Ползунова с народом, это придаст ему большую выразительность, законченность. Не получил обрисовки образ генерала Порошина, он остался непонятным. Есть у М. Юдалевича серьёзные языковые погрешности. Требуется дальнейшая работа автора над поэмой.

Не имея возможности остановиться на творчестве других местных поэтов, следует заметить, что многие наши поэты плохо ещё откликаются на жизненные темы современности. Мало у нас хороших

стихов о великих стройках коммунизма, о борьбе за мир, о передовиках промышленности и сельского хозяйства. Многие стихи местных поэтов носят абстрактно-риторический характер. Ряд наших поэтов неплохо живописует природу Алтая, но не показывает социалистических преобразований, не рассказывает о его людях.

* * *

Заканчивая обзор, следует сделать вывод, что в Алтайском крае виден рост литературы, творческий рост писателей. Однако, если оценивать достижения в этой области с точки зрения тех высоких требований, какие предъявляются к литературе задачами коммунистического строительства, то писатели Алтая в большом долгу перед Родиной. Написано ими ещё крайне мало, а идейно-художественный уровень изданных произведений остаётся недостаточным высоким.

Главные причины недостатков в творческой работе писателей Алтая состоят в том, что они плохо изучают жизнь, не вникают глубоко в процессы общественного развития, слабо работают над изучением марксизма-ленинизма, над повышением своего художественного мастерства. В краевом отделении Союза советских писателей не развита принципиальная, большевистская критика и самокритика. Неудивительно поэтому, что у некоторых писателей появилось зазнайство, самоуспокоенность, бахвальство, безусловно мешающие творческому росту этих писателей.

Духовные запросы трудящихся постоянно растут. Это вполне естественное явление в нашей социалистической стране, где культура населения стремительно развивается, где достижения науки, литературы и искусства являются достоянием всего народа. Читатель требует больше хороших и разных рассказов, очерков, стихов, пьес, повестей, романов.

Мы не можем поставить в упрек писателям края, что они до сих пор не написали ни одного романа или ни одного значительного драматур-

гического произведения. Но общественность вправе требовать, чтобы всё то, что писатели предлагают в печать, было написано добросовестно и отвечало задачам коммунистического строительства. Общественность вправе ждать от наших писателей более плодотворной работы, более быстрого роста художественного мастерства, такого роста, который бы обеспечил создание хороших произведений не только малых жанров, но и повестей, романов, пьес.

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза, наметивший величественные перспективы движения нашего общества по пути к коммунизму, поставил большие задачи и перед советской литературой. Секретарь ЦК ВКП(б) тов. Маленков в отчётном докладе сказал:

«Огромные обязанности в великой борьбе по выращиванию нового, светлого и выкорчевыванию обветшалого и омертвевшего в общественной жизни ложатся на наших работников литературы и искусства. Долг наших писателей, художников, композиторов, работников кинематографии глубже изучать жизнь советского общества,

создавать крупные художественные произведения, достойные нашего великого народа».

Советские писатели призваны бичевать пороки, недостатки, болезненные явления, имеющие распространение в обществе, раскрывать в положительных художественных образах людей нового типа во всём великолепии их человеческого достоинства и тем самым способствовать воспитанию в людях нашего общества характеров, навыков, привычек, свободных от яза и пороков, порождённых капитализмом. Писатели призваны смело показывать жизненные противоречия и конфликты, уметь пользоваться оружием критики, как одним из действенных средств воспитания.

Нет сомнения, что писатели Алтайского края направят все свои силы на выполнение задач, поставленных партией.

Писательская организация на Алтае ещё очень молодая. А молодость всегда растёт и мужает. Будет и дальше расти и мужать литература, созданная на Алтае, как органическая часть литературы нашей страны, литературы, которую так заботливо пестует великая партия Ленина—Сталица.

М. ИСАКОВСКИЙ

О СТИХАХ К. КОЗЛОВА

Я познакомился со стихами алтайского поэта К. Козлова, собранными в книжке «В горах голубого Алтая» (Алтайское краевое издательство, 1952 г.), а также прочёл некоторые новые стихи Козлова в рукописи.

У меня сложилось такое впечатление, что Козлов — человек не без способностей. У него есть целый ряд стихов, которые частично или полностью можно назвать хорошими. К таким стихам я отнёс бы: «Родила моя», «Изыскатель», «Охотник Клык» и другие.

Козлов, повидимому, хорошо знает природу родного края, его людей. Короче говоря, в распоряжении Козлова имеется богатый материал.

Однако, приходится с сожалением сказать, что пользоваться этим материалом он умеет далеко не всегда.

Многие свои стихи Козлов посвящает разведчикам недр, изыскателям и т. п. И это вполне естественно для Алтая. Но вся беда заключается в том, что названные стихи Козлова написаны очень однообразно, герои их похожи один на другого, как две капли воды, даже думают они примерно одними и теми же словами.

Вот строки из стихотворения «Изыскатель» (стихотворение, как я уже отметил, в общем неплохое). Передавая мысли своего героя — изыскателя, ночующего в тайге, Козлов пишет:

И там, где ступит его нога,
Носётся хозяйский взгляд,
К урочищам дальним стпрянет
тайга

И улицы встанут в ряд.

Таким образом вместе с автором изыскатель представляет себе возникновение в недалёком будущем города или, в крайнем случае, посёлка. Что ж, такая мысль, такое представление вполне естественно и возражать против этого было бы нелепо.

Но вот другое стихотворение, стоящее в книге рядом с первым, — стихотворение «Новогодняя ночь». Как и в первом, здесь речь идёт также о разведчиках, изыскателях. Они также в тайге. Встречают Новый год «под ёлкой». И один из героев:

Огрубевшей рукой
Он берёт из рюкзака руду
И, как тост, его слово
Звучит над вершинами ёлок:
— Дорогие друзья,
В наступившем году
Здесь мы выстроим
Новый рабочий
посёлок!

Как видите, дело опять кончается тем, что будет построен посёлок.

Вот третье стихотворение под названием «Разведчики». Опять-таки, передавая мысли и чаяния своих героев, Козлов заканчивает следующими словами:

... Но встанет здесь,
весь залитый огнями,
Весёлый город... Люди
вспомнят нас.

Я повторяю, что для разведчика недр вполне естественно представить себе, что вот здесь, где он открыл полезные ископаемые, скоро возникнет город или посёлок, тайга отступит, жизнь пойдёт совсем по-другому и т. п.

Но если подобная ситуация переключивается из стихотворения в стихотворение, то это превращается уже в схему, в шаблон. И люди получают какие-то схематичные, не живые, а выдуманные по одному и тому же образцу.

Вообще, изображение людей с их характерными чертами, с их особенностями далеко не всегда удаётся Козлову. Есть у него два стихотворения — «Корреспондент» и «Над полями ранняя весна». В первом из них рассказывается о корреспонденте, едущем в отдалённый колхоз для того,

Чтоб с газетных полос
Каждый факт, каждый случай
Говорил на партийном
Родном языке.

Во втором говорится о полеводе, объезжающем хозяйство ранней весной.

И этих двух совершенно разных людей также невозможно отличить друг от друга. Они как бы одинаковы, автор не наделил их индивидуальными чертами.

На эти недостатки своей работы Козлов должен обратить самое серьёзное внимание. И я думаю, что он может выправиться. Ведь написал же он стихотворение «Охотник Клык», по которому можно представить себе этого охотника. Он выступает в стихотворении как живой человек, а не как схема.

Вторым крупным недостатком стихов Козлова я считаю то, что во многих случаях относится, например, к стихотворению «Мать говорит». Это, собственно говоря, даже не стихотворение, а некий первоначальный набросок. Поэт не сумел создать хоть сколько-нибудь ярко-

го образа матери. Неясно даже, что именно она говорит, какими словами говорит и т. п.

Примитивно выражен замысел в стихотворении «Падение идола».

В стихотворении рассказывается, что:

На распустье, повидавший виды,
С самых незапамятных времён,
Он стоял здесь, вросший в землю
идол...

Кочевники ходили к идолу на поклон,
мазали салом «идоловы губы»,
прося удачи. Но идол был глух к их мольбам, к их горю.

Он стоял попрежнему суровый
И пред ним валился человек...

А дальше начинаются следующие строки:

Но однажды утром рано-рано
Бывшие кочевники пришли,
Захлестнули идола арканом
И смеясь на землю сволокли.
И теперь никто не хочет салом
Мазать жадных идоловых губ.
На распустье, где века стоял он,
Вырос новый двухэтажный клуб.

По стихотворению получается так, что переворот в сознании кочевников совершился мгновенно. Никакого поэтического обоснования в данном случае не приведено. Всё получается очень просто: было так, а стало совершенно по-другому.

Но это есть самое примитивное разрешение поэтической задачи.

Третьим крупным недостатком стихов Козлова являются языковые небрежности, в избытке разбросанные по стихам. И это очень досадно. Козлов — человек, несомненно, грамотный и при желании, при более тщательной и настойчивой работе он мог бы в языковом отношении писать гораздо лучше.

Обратимся к примерам.

Я уже цитировал нижеследующие строки из, в общем неплохого, стихотворения «Изыскатель».

И там, где ступит его нога,
Коснётся хозяйский взгляд,
К урочищам дальним отпрянет
тайга

И улицы встанут в ряд.

Получается так: «и там, где... коснётся хозяйский взгляд». Но

о взгляде нельзя сказать, что он коснётся «там». Взглядом можно коснуться чего-нибудь, а не «там» и ни «где».

Берёт меня сомнение и относительно выражения «и улицы встанут в ряд». Улицы, по моему, всё-таки не встанут. Встать могут дома, постройки, но не улицы.

Из стихотворения «Падение идола»:

Захлестнули идола арканом
И смеясь на землю сволокли.
«Сволокли» — это не то слово.

Очевидно, не «сволокли», а «повалили» на землю. Сволочь же на землю было нельзя уже потому, что идол на земле и находился.

Из стихотворения «Речка Валья»:

Не ищи нигде. Такой едва ли
Светлой и стремительной
найдёшь.

В данном случае употребить родительный падеж можно было лишь при наличии отрицательной частицы «не»: «такой стремительной и светлой не найдёшь». Но если «не» отсутствует, то надо употреб-

лять слова уже по-другому («такую светлую и стремительную едва ли найдёшь»). Иначе получается неграмотно.

Много языковых неточностей имеется и в переводах, сделанных Козловым.

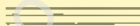
Вот пример из переводного стихотворения «Геолог Калапчи»:

Но не до отдыха тут,
Пусть хотя и устал,
Но в далёкой Туркмении
Мрамор ждут,
Ждёт Каховка металл.

Конечно же, Каховка ждёт не «металл», а «металла», в Туркмении ждут не «мрамор», а «мрамора».

Кроме того, нельзя говорить «пусть хотя и устал». Надо что-то одно — или «пусть», или — «хотя».

Подобных языковых «промахов» в стихах и переводах Козлова очень много. В дальнейшей работе он должен сделать всё, чтобы не допускать их. Язык поэта должен быть очень чётким, очень точным и собранным.

А. КАРАМЫШЕВ

КОЛХОЗНАЯ НОВЬ

В сельских библиотеках Алтай можно встретить немало книг и брошюр, написанных рядовыми колхозниками. Этот факт свидетельствует об огромном политическом и культурном росте советских людей, воспитанных партией Ленина—Сталина, колхозным строем. Советский крестьянин — это пламенный патриот нашей Родины, всесторонне образованный и развитый человек, глубоко разбирающийся в политике партии и государства.

Среди книг, выпущенных Алтайским краевым книгоиздательством, особенного внимания заслуживает автобиографическая повесть «Моя жизнь», написанная колхозником сельхозартеля «Искра» Белоглазовского района, Алтайского края, Героем Социалистического Труда, Михаилом Ерофеевичем Ефремовым.

Имя Ефремова широко известно в нашей стране. Народ знает его как смелого новатора, прославленного опытного, зачинателя патристического движения колхозников за высокие урожаи зерновых культур.

Судьба рядового алтайского крестьянина Михаила Ерофеевича Ефремова характерна для миллионов советских труженников. Всех их к активной общественной деятельности, к беззаветному служению своей дорогой отчизне подняла советская власть. Твёрдой поступью

идут они вперёд к светлым вершинам коммунизма

Автор книги рассказывает о тяжёлой, беспросветной жизни алтайского крестьянина до революции.

Большинство крестьян в Метелях жило нищенски. Всею общиной метелевцы не могли собрать средства для того, чтобы построить школу. Кривые переулки, приземистые, покосившиеся избёнки, поломанные изгороди и плетни — таков был неказистый облик села.

В Метелях насчитывалось 160 дворов, из них добрая половина безлошадных. Всем селом сеяли до четырёхсот десятин. Белошадные не сеяли вовсе — батрачили, занимались охотой, рыбной ловлей и другими промыслами.

Крестьянин находился в полной зависимости от стихийных сил природы. Будет летом дождь — урожаи, нагрянет засуха — суму на плечи. Часто плодородная алтайская земля становилась злой мачехой. Основными орудиями хлебопашца были соха и деревянная борона. С полей снимались чрезвычайно низкие урожаи. Хлеба крестьянину хватало только до половины зимы.

«Прошлая крестьянская жизнь, — рассказывает Ефремов, — мне рисуется теперь в образе путника, который идёт в крошечной ночной тьме, с непомерно тяжёлой ношей

на плечах, по бездорожью, по бурьянным полям и овратам. Путник устал, измучился, его одолевает изморвана, босые ноги кровоточат, а сзади нужда подгоняет:

«Иди, иди, иди»...

Октябрьская революция дала крестьянину свет. Он увидел новый путь, вздохнул полной грудью.

Новый путь — это коллективное ведение сельского хозяйства. В 1929 году в селе Метели был организован колхоз «Искра». Государство направило в деревню тракторы и другие сложные сельскохозяйственные машины. С помощью Белоглазовской машинно-тракторной станции колхоз распахал огромные площади пустующих земель.

Год за годом росло и крепло артельное хозяйство. Значительно повысилась урожайность полей, возросло поголовье общественного скота.

Колхоз обзавёлся новыми дорогими постройками. Есть теперь в селе электростанция, школа, механизированная мельница, крупные зерносклады, скотные дворы. Десятки семей построили новые дома.

Изменилась экономика колхоза, зажиточно и культурно живут колхозники.

В повести Ефремова приводятся немало волнующих эпизодов, говорящих о глубоких изменениях в мировоззрении советских крестьян, в их отношении к труду, к общественной социалистической собственности.

Ефремов М. Е. в своей книге с глубоким уважением рассказывает о сельских партийных работниках, заботливо поддерживающих колхозных опытников.

В начале 1934 года сельские коммунисты обсуждали отчётный доклад товарища Сталина семнадцатому съезду партии. В этом докладе великий вождь поставил перед партией и колхозным крестьянством в качестве одной из главных задач повышение урожайности колхозных полей. Тогда у Ефремова родилась мысль начать опыты по выращиванию высоких урожаев. Его поддержали в райкоме партии.

Начались творческие поиски средств и методов создания урожаев, достойных славной сталинской эпохи.

Много волнующих эпизодов приводит в книге Михаил Ефремов. Сначала постигла неудача с использованием удобрений. Явительные насмешки от колхозников выслушал опытник во время боронования посевов. Большое горе приносило колхозу градобитие. Но колхозник-новатор смело экспериментировал, внедрял новые агротехнические приёмы, обогащал советскую науку ценнейшими данными из колхозной практики.

С чувством законной гордости за свою родину, за колхозный строй Михаил Ефремович описывает заключительный этап борьбы за урожай.

«Пшеница сыпалась и сыпалась из-под молотилки золотым ливнем. Я вспомнил деда и отца, вот бы посмотрели они, что значит настоящий урожай. Я вспомнил слова отца: «Обработал землю, посеял и жди, что бог даст».

В этих словах было выражено бессилие крестьянина-единоличника, не имеющего необходимых знаний и орудий для борьбы с природой.

Выращенный нами урожай утверждал торжество колхозного строя, торжество агрономической науки».

Алтайский опытник М. Е. Ефремов добился выдающихся успехов. С четырёх гектаров он получил по 61 центнеру пшеницы с каждого гектара, с восьми гектаров собрано по 52—54 центнера. Таких урожаев не знала страна. Это был мировой рекорд сбора зерновых культур.

Партия Ленина—Сталина помогла Ефремову добиться высоких результатов. Его начин встретил горячую поддержку во всей стране. Ефремовское движение охватило тысячи тружеников колхозной деревни.

В старой едиличной деревне человек человеку был волк. Сосед боялся одолжить соседу лучшие семена или раскрыть секрет полу-

чения высоких урожаев. При колхозном строе совершенно иные взаимоотношения складываются у труженников полей. Опыт передовиков сельского хозяйства широко распространяется по всем колхозам страны. Михаил Ефремов рассказывает о своих методах на многотысячных собраниях колхозников, на районных и краевых съездах мастеров высокого урожая, на конференциях учёных и специалистов сельского хозяйства, в студенческих аудиториях.

Народ высоко оценил достижения колхозника-опытника. Его избирают делегатом на Восьмой Чрезвычайный съезд Советов.

С особым волнением вспоминает Ефремов о встречах с великим вождём советского народа Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

«Вот сейчас перебираю в памяти все события моей жизни. С тех пор, как я вступил в колхоз, было много радостных дней и событий. Но самым радостным остаётся тот день, когда открылся Восьмой Чрезвычайный съезд Советов, когда впервые я увидел великого Сталина.

...Будто волной взметнуло меня — не помню, как я оказался на ногах, сердце забилось от радости. В зал словно буря ворвалась — гремела овация, раздавались возгласы: «Да здравствует великий Сталин!» И ещё долго рукоплескал зал. Одежды на людях были разные, но сердце каждого было переполнено одним чувством — чувством беспредельной любви к Родине, к нашему великому вождю героической партии большевиков.

А Сталин, скромный, родной, смотрел в зал и аплодировал вместе с нами.

Доклад Сталина захватил меня настолько, что я слушал порой затаив дыхание. О новой жизни говорил товарищ Сталин, о той жизни, которая создана нашим народом под руководством партии большевиков».

В автобиографической повести Ефремова показывается тесная

связь советских учёных с колхозниками-опытниками. Алтайский хлебороб подробно, со знанием дела, беседует с академиками Василием Робертовичем Вильямсом и Трофимом Денисовичем Лысенко.

В практических делах колхозника советские учёные находят подтверждение своим научным выводам и обобщениям.

О беседе с академиком Вильямсом Ефремов пишет:

«Он то и дело задавал вопросы: как землю обрабатывали, какие удобрения вносили в почву, в каком количестве».

Когда я сообщил ему о подборке всходов и своих переживаниях, он рассмеялся, а затем сказал:

— Корку надо разбивать. За растением надо ухаживать, как за малым ребёнком. Зажми человеку рот и нос — пропал человек. Так вот и растение плохо себя чувствует без воздуха — корни угнетённые не могут работать нормально.

А раз корку разбил, землю взрыхлил, значит открыл доступ воздуха к корням и улучшил жизнедеятельность полезных бактерий».

В заключение беседы Вильямс сказал Ефремову:

«Вы подтвердили практикой важное открытие советской агробиологии, прежде всего подтвердили наш вывод о том, что если растение обеспечить всеми жизненными условиями, то урожай ничем не может быть ограничен».

Много ценных указаний дал академик Лысенко. С возросшей энергией Ефремов погружается в научно-исследовательскую работу в колхозе.

Книга М. Е. Ефремова чрезвычайно ценна и поучительна силой трудового примера. В ней обобщён и научно обоснован богатейший опыт выращивания высоких урожаев в колхозах Алтая. Ефремов со всеми подробностями рассказывает о системе обработки почвы, о накоплении и сохранении влаги, подборе семян, сроках сева, нормах высева и способах посева, об удобрении полей и подкормке посевов, о летнем уходе за растениями.

Агротехнические советы прославленного мастера высоких урожаев изложены просто и доходчиво.

Сейчас, когда миллионы колхозников учатся на трёхгодичных курсах, такие книги оказывают им огромную помощь в овладении мичуринской биологией и передовым колхозным опытом.

«Из родников текут ручейки, — заканчивает книгу Ефремов, — из ручейков образуются многоводные реки.

Как ручейк вливается в мощный поток, так наш труд, труд отдельных людей вливается в общий труд многомиллионного советского народа. Растёт, цветёт наша страна. Настанет то время, — оно идёт,

близится, — когда человек не будет знать никаких ограничений в удовлетворении своих духовных и материальных потребностей. К этому ведёт нас великий Сталин».

Содержательная книга М. Е. Ефремова о новых людях колхозной деревни, о их больших делах во славу Родины, читается с захватывающим интересом. Это не только поучительный рассказ о новаторстве в колхозной деревне, но и показ политического и культурного роста нового человека страны социализма.

Небольшая книжка рядового труженика колхозной деревни раскрывает высокий смысл новой жизни и зовёт к творческим дерзаниям на благо дорогой отчизны.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>МАРК ЮДАЛЕВИЧ.</i> — Нам нужен мир. Стихи	3
<i>НИК, ДВОРЦОВ.</i> — Мы живем на алтае. Повесть	8
<i>ВАСИЛИЙ ОВЧИННИКОВ.</i> — В моём колхозе. Стихи	98
<i>БОРИС ОРЛОВ.</i> — Первый день на заводе. Из поэмы	101
<i>НИНА ПАВЛЕНКОВА.</i> — Разговор с сыном о мире. Стихи	104
<i>ВАЛЕНТИН ПИВОВАРОВ.</i> — Строители. Стихи	106
<i>АЛЕКСЕЙ КАЛКИН.</i> — Табунщик. Стихи	107
<i>ЕРКЕМЕН ПАЛКИН.</i> — Горная река. Стихи	108
<i>ВЯЧЕСЛАВ ЧИЛИКИН.</i> — Экскаваторщик Никифор Ярыгин. Очерк	109

ИЗ ПРОШЛОГО АЛТАЯ

<i>А. ВОРОТНИКОВ.</i> — Легенды и были горной колыбани	119
--	-----

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

<i>С. КОЖЕВНИКОВ.</i> — Зачинатель алтайской литературы	136
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>В. ТРУШИН.</i> — О новых произведениях алтайских писателей	154
<i>М. ИСАКОВСКИЙ.</i> — О стихах К. Козлова	171
<i>А. КАРАМЫШЕВ.</i> — Колхозная новь	174

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: *И. Е. Фролов* (редактор) *В. И. Трушин*,
П. Т. Бутурлакин, *Н. В. Павлов*, *Т. Ф. Фролова*.

Техредактор *С. Каплан*.

АГ 045603. Подписано к печати 30. 10. 1952 г. Бумага 60×92¹/₁₆=5,5
бум. листа 11 печ. лист и 8 вклеек, 12,68 изд. лист. Тираж 4000 экз.
Заказ № 2194. Цена 7 р. 60 коп.

Барнаул, тип. № 1 Крайполиграфиздата.

